

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. С. Болдонова

Евразийский фронтир в диалоге культур Востока и Запада

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Улан-Удэ
2016

УДК 101.1:316

ББК 60

Б 791

Утверждено к печати редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета

Рецензенты

С. И. Гармаева, д-р филол. наук, проф. БГУ

О. Б. Истомина, д-р филос. наук, проф. ИГУ

В. Д. Дугаров, д-р ист. наук, проф. БГУ

Болдонова И. С.

Б 791 Евразийский фронт в диалоге культур Востока и Запада. —
Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. —
236 с. ISBN 978-5-9793-0878-4

Монография посвящена диалогу культур в евразийском пространстве, включающем территорию Байкальского региона, трансграничного с Монголией и Китаем. В статье поднимаются актуальные вопросы межкультурной коммуникации с точки зрения герменевтического подхода, рассматриваются современные тенденции развития евразийской цивилизации на основе разумного и эффективного диалога между этническими группами и нациями. Книга адресована исследователям в области социальных и гуманитарных наук, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами трансграничного сосуществования.

Boldonova I. S.

Eurasian Frontier in Culture's Dialogue of East and West. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2016. — 236 p. ISBN 978-5-9793-0878-4

The monograph is devoted to the dialogue of cultures in the Eurasian space, in the center of which the author points out the Baikal region as a transborder with Mongolia and China. The paper deals with relevant issues of intercultural communication in hermeneutic mode, and it is the author's attempt to consider current trends of Eurasian civilization's development on the basis of a reasonable and effective dialogue among ethnic groups and nations. The book is addressed to researchers of social sciences and humanities, as well as a wider audience and to those, who are interested in the issues of a frontier being.

УДК 101.1:316

ББК 60

ISBN 978-5-9793-0878-4

© Бурятский госуниверситет, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена актуальной проблеме современности — диалогу культур между народами и государствами и перспективам развития российской цивилизации в эпоху глобализации и признания приоритета восточного вектора взаимовыгодного сотрудничества. Автор ставит задачу дать философское осмысление дальнейшего пути российского общества в эпоху глобализации, что дает возможность заново взглянуть на хорошо знакомые концепции, в частности, евразийство как философскую доктрину, учение об историческом подходе и идеологическую концепцию. Евразийские идеи актуализируются в эпоху обновления трансформации внешнеполитического курса России и приобретают особое звучание в Байкальском регионе, части евразийского фронта. Проблема диалога культур на фронтальной территории обусловлена различными геополитическими, межнациональными, антагонистическими противоречиями, и взаимодействие культур и диалог между ними — это лучшее, что может противостоять непониманию, неприятию, нежеланию слушать друг друга. Понятие диалога должно выступать и применяться в качестве наиболее приемлемой формы цивилизованного со-бытия миров, культур, искусств, научных сообществ, потому что в современном мире необходима консолидация мысли для обозначения будущего цивилизационного развития человечества и новых идеологических ориентиров. Суть диалогичности — в продуктивном взаимодействии суверенных позиций, составляющих единое и многообразное смысловое пространство и общую культуру. Одним из эффективных подходов к изучению предпосылок межкультурного диалога является герменевтика. На основе цивилизационного подхода и герменевтической методологии в работе осуществляется философское осмысление основных аспектов евразийского диалога и анализируются разные способы евразийского моделирования на пространстве фронта между Россией, Монголией и Китаем.

В методологической части монографии автор говорит о предпосылках, реалиях и перспективах межкультурного диалога и трансграничья в междисциплинарных исследованиях, дает развернутый анализ теории пограничья, сопоставляя западный и восточный фронтиры Российской Федерации. Во второй главе восточное

трансграничье представлено изучением менталитета людей, проблем воспитания, образования, этики, религии, формирования евразийской фронтирной идентичности, устойчивого развития. Здесь также обобщаются исследования автора в области применения герменевтической методологии к анализу разных видов социальной коммуникации евразийского фронта: представлен анализ художественной, межкультурной и массовой коммуникаций, обусловленных современными информационными, телекоммуникационными технологиями и трансграничным евразийским дискурсом.

В монографии аккумулируются междисциплинарные изыскания учеными социально-гуманитарных наук региона последних лет, расширяется и углубляется содержательный материал по изучению евразийского фронта, используются исследования автора в рамках гранта РНФ и по программе Эразмус Мундус в Варшавском университете.

Философское осмысление дальнейшего пути российского общества в эпоху глобализации заставляет заново взглянуть на хорошо знакомые концепции, в частности евразийство как философскую доктрину, учение об историческом подходе и идеологическую концепцию. Актуальность переосмысления работ евразийцев продиктована непростой политической, социально-экономической ситуацией России, места и роли в мировом сообществе, что влияет на общественные процессы внутри страны. Также это является попыткой автора проследить современные тенденции и закономерности развития евразийской цивилизации на основе разумного и эффективного диалога этносов и стран в пространстве, где встречаются восточная и западная культуры.

Разделение культур на западные и восточные подразумевает не только их географическое расположение, но и специфическое мировосприятие населяющих эти территории народов, то есть непохожие картины мира, взгляды на способы и методы познания окружающей действительности. Автор работы осмысливает взаимодействие Востока и Запада в трансграничном бытии и соответствующие научные, религиозные, художественные, духовные ценности, а также доказывает принципиальную возможность диалога Европы и Азии в едином евразийском контексте как один из внутренних механизмов развития цивилизации.

В работе представлен результат изучения фронтирного бытия Байкальского региона, территории между Россией, Монголией и

Китаем. Проблема диалога культур обусловлена различными геополитическими межнациональными и часто антагонистическими противоречиями. Автор работы использует герменевтический метод для изучения возможностей межкультурного диалога.

Монография состоит из двух глав, каждая из которых отражает логику научного познания от теории и методологии исследования до изучения эмпирического материала. Межкультурный диалог на евразийском фронтире Байкальского региона анализируется с применением диалектического, герменевтического, историко-культурного и других подходов. Восточное трансграничье представлено изучением менталитета людей, проблем воспитания, образования, этики, религии, формирования евразийской фронтирной идентичности. Вторая глава представляет собой философскую рефлексию над проблемами художественной, межкультурной и массовой коммуникаций, обусловленных современными информационными, телекоммуникационными технологиями, которые разрушают видимые и невидимые границы и содействуют формированию единого информационного пространства евразийского фронтира.

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ

1.1. Европа и Азия, Восток и Запад в междивизиационном диалоге

1.1.1. *Актуальность идеологии евразийства в современном контексте*

Россия, располагаясь на европейском и азиатском континентах, представляет собой государство, в котором общество является средоточием многонациональных культур. В чистом виде Россия не относится ни к одному из типов цивилизаций, исторически наша страна сложилась как конгломерат народов, относящихся к разным типам развития и объединенных централизованным государством с великорусским ядром. В переломные исторические эпохи Россия в силу своей геополитической расположенности между двумя центрами цивилизационного влияния — Востоком и Западом, становилась ближе то к Западу, то к Востоку.

Одной из влиятельных научных и идеологических концепций считается теория евразийства. Евразийство как движение общественно-политической мысли и как философское направление возникает в среде русского зарубежья в 20-х гг. прошлого века во времена революций, лихолетия и крушения старого мира. В ту пору евразийство стало оформляться как мощное движение русской эмиграции. К классическому евразийству относят историка и филолога Н. С. Трубецкого, географа П. Н. Савицкого, историка, сына известного ученого и теоретика ноосферы Г. В. Вернадского, юриста Н. Н. Алексеева, историка, философа Л. П. Карсавина, историка Г. В. Флоровского. Во второй половине XX в. евразийское учение было осмыслено и дополнено географом и этнографом Л. Н. Гумилевым. Таким образом, евразийство — это междисциплинарное учение, синтез передовой научной мысли и существенный вклад в развитие таких социально-гуманитарных наук, как история, культурология, философия, этнология, правоведение, социология. Евразийцы, отталкиваясь от культуры, традиционных и национальных ценностей определенной этнокультурной среды и социально-политической ситуации, выстраивали в единую систему понятия и категории нового мировоззрения.

Под евразийством традиционно принято понимать идею особого пути цивилизационного развития России, отличного от европейской модели в связи с тем, что исторические судьбы страны, образ мышления, обычаи и нравы, религиозная составляющая и в целом духовная, материальная культура позволяют судить о некотором специфическом направлении, в какой-то степени соединяющем европейскую и азиатскую картины мира, каждая из которых вырабатывает свою систему взглядов. Причинами такой специфики являются месторазвитие или своеобразный социально-пространственный временной континуум, влияние климата и географической среды, а для России также и лесов, и степей. Самобытность срединной культуры выражалась в утверждении православной веры, преимуществах русского коллективного сознания, соборности русского человека, в признании симфонической личности. Известно, что евразийцы доказывали принципиальную разницу России и Запада, поскольку Россия больше могла быть отнесена к Евразии, чем к Западной Европе с ее романо-германской культурой.

Многие ученые отмечают в качестве положительного момента несогласие евразийцев с идеей единой культуры, которая приводит к европоцентризму и доминированию европейских ценностей и образа жизни. Методологию евразийцев В. Я. Пащенко называет историсофской, подчеркивая тем самым синтез исторических знаний и мировоззренческих установок и обосновывая актуальность этих идей уже в новом столетии: «Все больше и больше исследователей, ученых, политиков не просто изучают, исследуют наследие евразийцев, но самым широким образом используют евразийские идеи, их теоретические построения в общественной, политической практике как внутренней, так и внешней политики. И если сегодня еще трудно утверждать, что евразийские идеи «побеждают», то с полным основанием можно говорить, что они живут, действуют и «овладевают» массами¹. В. Я. Пащенко это доказывает серией социологических исследований Российского независимого института социальных и социально-политических проблем (РНИС и НП), осуществленных в 1993–1996 гг. и посвященных системному анализу процессов социальной трансформации»².

Стоит заметить, что растущая популярность евразийского учения

¹ Пащенко В. Я. Идеология евразийства. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — С. 6.

² Там же.

в 1990-х гг. отражала стремление думающих, патриотично настроенных россиян искать альтернативные пути цивилизационного развития, не соглашаясь с шоковой терапией и либеральными экономическими реформами в стране. Патриотическая настроенность интеллигенции заставляла заново пересмотреть хорошо знакомые теории — В. Я. Пашенко называет это исследованием творческого наследия евразийцев во втором круге: от явления к сущности и от сущности первого рода к сущности второго рода. Это становится популярным, потому что у истоков евразийского учения стояли думающие личности, профессионалы высокого уровня, сумевшие выявить и обосновать неповторимые закономерности общественных процессов. Можно выделить политические, научные, социокультурные причины популярности евразийской теории в современной России. В последнее десятилетие XX в. наступил новый период евразийства, в основе которого лежит поиск путей к гармоничному развитию общества в единой стране.

«Евразийцы пытаются найти качество, коренящееся в западной и восточной культурах. Односторонняя ориентация на Запад с неизбежностью приведет российскую цивилизацию к катастрофическим последствиям, — утверждают евразийцы. Но это отнюдь не означает безоговорочного отбрасывания Запада и его культуры, как это делают нынешние реформаторы в отношении Востока»³. Сегодня, почти двадцать лет спустя евразийство ассоциируется не только с выходом из тупика, но и с дальнейшим самостоятельным развитием страны, укреплением общегосударственной мощи, восстановлением международного авторитета. Но пройдет немало времени, прежде чем в теории евразийства можно будет еще раз увидеть эвристический потенциал для настоящего диалога Востока и Запада, где Россия как воплощение Евразии играет роль полноправного и далеко не второстепенного участника.

К евразийскому диалогу побуждает научное наследие великого ученого Л. Н. Гумилева, чей вклад в современное состояние отношений между Востоком и Россией, в развитие евразийского пространства трудно переоценить. Применив теорию этногенеза к изучению срединной территории, он констатирует, что западную часть континента принято называть Европой, а восточную — Евразией. Л. Н. Гумилев концентрирует внимание больше на внутреннем и

³ Пашенко В. Я. Идеология евразийства. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — С. 21.

центральном районе и, называя это Евразией в узком смысле, определяет роль и место этой обширной территории в становлении культуры и противостоянии Востока и Запада.

«Они составляли как бы особый регион в культурной истории человечества, не менее важный, чем китайский и европейский. То, что они занимались больше скотоводством, нежели земледелием, не мешало развитию их искусства на Алтае, в долинах великих рек: Волги, Дона и Днепра, оазисах в междуречьях Сырдарьи и Амударьи и в предгорьях Тань-Шаня. Эти народы с того момента, как они вошли в историю, составляли самостоятельный регион развития искусства, идеологии, экономики. И если до сих пор Европа не стала частью Китая, что могло случиться в I в. н. э. (ханьская агрессия) и в VIII в. н. э. (танская агрессия), то это заслуга хуннов, тюрков, монголов и русских, всегда стремившихся к объединению для защиты себя от иностранных оккупантов. И это началось за тысячу лет до нашей эры.

На рубеже IX и VIII вв. до н. э. в степях Центральной Азии сложился комплекс кочевых этносов, в котором ведущую роль играли хунны, но куда входили динлины, дунху (предки сяньбийцев и монголов), усуни и кочевые тибетцы Амдо и Куньлуны»⁴. Л. Н. Гумилев убежден в том, что народы делятся не по расовому признаку, а по принадлежности к определенной географической среде. Ландшафт и среда обитания являются признаком демаркации этноса, соответственно, этногенез предполагает адаптационные процессы народов в определенных природных условиях, что проявляется в некоторых стереотипах поведения⁵.

Евразия в данной концепции делится на три региона:

«1) Высокая Азия — Монголия, Джунгария, Тува и Забайкалье. В целом в Высокой Азии климат довольно сухой, но в горах увлажнение достаточное.

2) Южный район, охватывающий территорию нынешнего Казахстана и Средней Азии, простирается от Алтая до Копетдага. Этот район подвержен аридизации; жизнь там возможна при круглогодичном кочевании, в долинах рек и оазисах (если, конечно, не говорить о современных системах ирригации и искусственных ландшафтах городов).

⁴ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / предисл. С. Б. Лаврова. — М. : Экспресс, 1993. — С. 68.

⁵ Там же. — С. 189.

3) Западный, наиболее влажный регион, включает в себя Восточную Европу. Здесь имеется плодороднейшая полоса черноземов, а также весьма благоприятная для жизни лесостепная полоса.

Такова в самых общих чертах географическая среда, в которой протекала многотысячная история взлетов и падений континентальных народов — история Евразии»⁶.

Исходя из вышеизложенного можно предположить наличие географических, этнологических, исторических, социокультурных факторов образования особой этногеографической целостности или «местоположения», обитания кочевников по эту и по ту сторону государственной границы России с Монголией, России с Китаем, где веками происходили разные процессы, осуществлялись контакты, складывались судьбы отдельных людей и целых коллективов. Евразийское трансграничье соответственно может пролегать не по Уральским горам, а там, где народы продолжают сотрудничать, следуя веками сложившимся традициям. В частности, в степях Центральной Азии можно условно выделить несколько таких трансграничных регионов, среди которых Байкальский регион, территория кочевых этносов, в том числе скотоводов, охотников, рыболовов, позже купцов и служивых людей, входит в этот обширный ареал Евразии.

Высокая Азия в терминологии Гумилева в эпоху глобализации по-прежнему демонстрирует потенциал заложенной некогда пассионарности, и Байкальский регион как месторазвитие народов евразийского фронта выстраивает диалоговые отношения с соседями, с другими этносами, деловыми партнерами, изучают другие культуры и миры при сохранении и развитии своей культуры. Политические события евразийскому сотрудничеству не являются серьезной помехой, если народы верны исторической памяти. Тому доказательством служат выводы научных исследований евразийцев и Л. Н. Гумилева, где основным результатом этнологического анализа для евразийской фронтальной концепции становится обобщающая категория «суперэтнос» как этническая система. Гумилев отмечает недолговечность существования суперэтносов, поскольку они зависят от изменений пространства, времени и климата.

«Так, для нашей страны это Россия — Евразия, ныне СССР, вме-

⁶ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / предисл. С. Б. Лаврова. — М. : Экспрос, 1993. — С. 191.

сте с МНР, охватившая весь физико-географический регион континента, в котором народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психическим сходством и часто возникающей взаимной симпатией (комплицментарностью).

Тому примером служат отношения русских и бурят в Забайкальске и контакты русских и татар на юго-восточной границе Московского царства»⁷.

Идеи Л. Н. Гумилева являются одной из фундаментальных подходов к изучению евразийского фронта, изучение этапов этногенеза выявило закономерности цивилизационного развития народов Евразии в разные исторические эпохи, откуда можно черпать дальнейшие направления исследований. В эпоху глобализации суперэтнос Высокой Азии на трансграничной территории вокруг Байкала должен найти внутренние духовные ресурсы для осмысления своего со-бытия с природой, их кормящей. Для сохранения жизни и для устойчивого развития региона концепция Л. Н. Гумилева под-сказывает разумный диалог в самых разнообразных проявлениях.

Концепция евразийства опиралась на единую систему научного знания: философии, истории, этнографии, филологии, естественных наук, в рамках которых главной мыслью была специфика взаимодействия индивида, географической среды и духовной культуры. Для понимания евразийства чрезвычайно большое значение имеет методология цивилизационного дискурса. В своих построениях евразийцы оперировали понятием «цивилизация» (начиная с первого эссе Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920), отмечает А. Б. Панченко⁸.

Понимание евразийской идеологии через призму цивилизационного подхода осуществлял ряд ученых, первым из которых был Н. Я. Данилевский. Он говорил, что исторический процесс — заслуга не государств и наций, а «культурно-исторических типов» — славянской, романо-германской и других цивилизаций. Каждая, пусть она дробится в мелкие государства, но цельна в «большом

⁷ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / предисл. С. Б. Лаврова. — М. : Экспресс, 1993. — С. 37.

⁸ Панченко А. Б. Этническая проблематика в евразийском дискурсе: 1920-1990-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Сургут, 2011.

пространстве» — т. е. общей зоне влияния⁹.

Ряд исследователей положительно оценивает евразийскую направленность цивилизационного пути развития России. В 90-х гг. прошлого столетия на изломе исторических эпох одним из первых обратил научный взор к проблеме евразийства с точки зрения цивилизационного и геополитического подходов А. С. Панарин. Анализ подвергаются проекты «атлантизма» и «евразийства» как два альтернативных пути цивилизационного развития России. Под евразийским проектом А. С. Панарин понимает бесконечное разнообразие культур, связанных с наложением цивилизационных универсалий современного мира на унаследованные «коды» сложившихся культур и цивилизаций. Здесь подчеркивается неоспоримое преимущество евразийской модели развития, поскольку она объединяет все народы Евразии под общими цивилизационными интересами. Еще одним преимуществом евразийского проекта А. С. Панарин называет воспроизведение историзма в новой форме — глобальных мироустроительных упованиях, что дает возможность регионам взять реванш, актуализируя свою самобытную культуру в многообразии таких же равнозначных больших и малых культур¹⁰. Очевидно то, что межкультурное взаимодействие на таком обширном местоположении, как евразийский фронт на территории Байкальского региона, и демонстрирует равновесие и взаимообусловленность сосуществующих этносов и их культур в едином пространстве Великой степи. А. С. Панарин еще в 90-х гг. XX в. одним из первых называет евразийский проект постмодернистским, доказывая тем самым относительность географических, государственных, культурных границ и пестроту, равноправие, самобытность социокультурных образований евразийских народов.

Исходная идея евразийцев, опирающаяся на тезис «Россия — Евразия», концептуально и методологически продуктивна, особенно в кризисных, переходных стадиях цивилизационного развития. В частности, евразийство в постперестроечной России влияет на самоидентификацию государства в цивилизационном процессе в эпоху, когда происходит очередная «смена вех» и Россия вновь ищет свое место в мире. Поколение рубежа XX–XXI вв. является свиде-

⁹ Цит. по: Жмуров Д. В. Методология риска: евразийство как научная концепция. URL: http://просто. info/evr2/evr2_index. html (Дата обращения 12. 12. 14)

¹⁰ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). — М. : Изд-во ИФРАН, 1994. — 262 с.

телями фундаментальных цивилизационных трансформаций, в основе которых лежат особенности евразийско-русской культуры, и сегодня как никогда раньше становится актуальной специфика взаимоотношений России с Западом и Востоком, что свидетельствует не только о непреходящем характере основных вопросов, обсуждающихся в рамках евразийской концепции, но и многих ответов, данных представителями евразийского движения. Специфический цивилизационный путь развития оправдан идеей евразийцев о существовании особой евразийско-русской культуры, мыслью об опасности некритического механического заимствования западных моделей цивилизационного развития¹¹. Цивилизационный подход и методология геополитики разрабатываются рядом российских ученых, среди которых А. Г. Дугин, известный философ, социолог, общественный деятель и сторонник евразийского движения. В его работах евразийская доктрина получила новое дыхание, и в 1990-х гг. это позволило говорить о неоевразийстве, основанном на глубоком интересе к творчеству Л. Н. Гумилева и классиков евразийской философии.

А. Г. Дугин считает, что в начале 1990-х гг., в эпоху кризиса марксистско-ленинской идеологии обращение к евразийской идеологии давало шанс избежать трагедии и переосмыслить стратегию дальнейшего развития. С точки зрения А. Г. Дугина, евразийская идеология была хорошим шансом для бывшего советского государства постепенно демонтировать архаичную идеологию, тормозящую развитие, мешающую занять подходящее место в стремительно меняющемся мире. К величайшему сожалению, в тот момент евразийство оказалось невостребованным. Решающий вклад в создание неоевразийской идеологии внесла совпадающая с ней по своим основным ценностным ориентирам российская геополитическая школа, считает А. Г. Дугин. Евразийские идеи заиграли по-новому в новом историческом и политическом контексте, они открывали грани политического, социокультурного, экономического диалога России со странами Востока. Говоря о преимуществах неоевразийства, А. Г. Дугин подчеркивает, что современная геополитика дала неоевразийской философии научный арсенал, рациональную и действенную методологию, актуальность и применимость к реальной

¹¹ Горяев А. Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Волгоград, 2003.

политике. Отцы-основатели евразийства исходили из гениальных догадок и интуиций. Благодаря геополитике их наработки приобрели строго научный характер. Научное изложение евразийской геополитики изменило сам статус евразийского мировоззрения. Теперь это не просто философская идея, это еще и инструмент стратегического планирования, а также своего рода «научный патриотизм» (по аналогии с «научным коммунизмом»)¹².

Многие современные ученые в области социальной философии, истории, политологии, культурологии и других социально-гуманитарных наук продолжают изучать евразийскую концепцию с разных сторон. Исследуют евразийство как цельную доктрину с точки зрения геополитического аспекта, с расширением методологической базы до социально-философского дискурса, где евразийство представлено как идея российской цивилизации, как уникальное явление с особой миссией, занимающее достойное место в современном мире (Б. С. Ерасов, К. В. Пишун, Е. Хилтухина, В. В. Кожин, Ф. М. Гиренок, С. И. Данилов, Г. В. Жданова и др.). В 2000-х гг. появляется новый этап осмысления истории развития евразийства, где предлагается разделить неоевразийство на четыре этапа развития:

- постепенное возрождение интереса к евразийству (1985–1994);
- собственно этап развития неоевразийства (1994–1998);
- возникновение ряда неоевразийских движений (1998–2003);
- современный этап (с 2003 г.)¹³.

Так, Н. В. Халина предлагает выделять три периода в развитии идеологии евразийства: классическое евразийство (работы Л. Н. Гумилева включаются в этот период), прагматическое евразийство (Н. А. Назарбаев) и дискурсивно-дифференцированное евразийство (А. Г. Дугин)¹⁴. Если говорить о развитии евразийства в XXI в., эти идеи становятся все более актуальными не только в свя-

¹² Дугин А. Г. URL: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=734> (Дата обращения 12. 12. 14)

¹³ Белошапко А. В. Социокультурная концепция русского евразийства: зарождение и эволюция доктрины : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Москва, 2005.

¹⁴ Халина Н. В. Периодизация евразийства. Евразийство в XXI в.: прагматическое евразийство // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Барнаул, 25–26 июня 2012 г.): в 2 т. / под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова. — Барнаул: Си-пресс, 2012. — Т. 1. — С. 175.

зи с активной позицией лидера Казахстана Н. Назарбаева, но и новейшими тенденциями в области официальной внешней политики России и приоритетами Президента РФ В. Путина. Срединное положение России явилось фактором особого взгляда на перспективное развитие страны. Философское осмысление дальнейшего пути российского общества в эпоху глобализации заставляет заново взглянуть на хорошо знакомые концепции, в частности, евразийство как философскую доктрину, учение об историческом подходе и идеологическую концепцию. Актуальность переосмысления работ евразийцев продиктована непростой политической, социально-экономической ситуацией России, ее местом и ролью в мировом сообществе, что влияет на общественные процессы внутри страны. Евразийские идеи могут актуализироваться в эпоху обновления трансформации внешнеполитического курса России.

1.1.2. О предпосылках межкультурного диалога

Цивилизация — это сообщество людей, имеющих сходную ментальность, общие основополагающие духовные ценности и идеалы, а также устойчивые особые черты в социально-политической организации, экономике, культуре. Среди факторов определения сути цивилизации можно назвать природную среду, тип хозяйствования, социальную организацию, религиозные воззрения и духовные ценности, политическое устройство и специфику менталитета.

Любая цивилизация имеет местоположение и границы, определенную культуру и на занимаемой геополитической позиции развивает хозяйственную и общественно полезную деятельность. Цивилизация реализовывает свои бытийные формы в разных сферах социально-экономической деятельности, имеет свою религию, развивает науку, культуру, образование, имеет систему обороны, формирует внутреннюю и внешнюю политику. Один из основоположников цивилизационного подхода С. Хантингтон определяет цивилизацию следующим образом: «Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины — все они обладают особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности... Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилиза-

ции определяются наличием общих черт объективного порядка, таких, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так, житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека Западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации»¹⁵. Данное определение не только дает возможность культурной идентификации высшего порядка, но и напоминает об ответственности каждого члена этого масштабного образования за развитие, целесообразность любых судьбоносных решений.

Развитие цивилизации воплощает определенные идеологические концепции, которые отражены в государственных документах и претворяются в жизнь исполнительными органами власти. В эпоху кардинальных перемен в свое время евразийцы сформулировали геополитическую концепцию особого цивилизационного пути развития России с ее приоритетом в сторону Востока.

В рамках евразийской идеологии был обоснован подход Л. Н. Гумилева, который рассматривает цивилизацию в тесной связи с этнической историей и влиянием географической среды на судьбы народов. Эта концепция появилась в связи с осознанием человечества субъектом эволюции, у которых глубинные причины социальных процессов были обусловлены окружающей природной средой. Подход, в основу которого было положено изучение локальных цивилизаций, использует методологию культурно-исторических типов, основан на критике идеи единого пути развития мировой цивилизации (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби).

По Н. Я. Данилевскому, история человечества не всегда была основана на делении этапов развития в форме рабовладельческой, капиталистической формаций. История человечества складывается из своеобразной истории отдельных взаимно влиявших друг на друга культурно-исторических типов. Представление же о единых для всего мира стадиях развития, по Данилевскому, есть неправомер-

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: [http://www. politnauka. org/library/classic/hant. php](http://www.politnauka.org/library/classic/hant.php) (Дата обращения 20. 12. 14)

ный перенос особенностей истории Западной Европы на весь мир.

Ученый прав в том, что культурно-исторический тип складывался веками при самобытном развитии народов, и его основы не могут быть уничтожены под чьим-то влиянием, не могут быть разрушены в результате войн и порабощения. Данилевский, разделяя культурно-исторические типы на преемственные и уединенные, подчеркивает неоспоримое преимущество первых типов, поскольку они действительно оказывали влияние на другие типы путем колонизации, пересадки и воздействия цивилизации на другую цивилизацию. Если проводить сравнение с садовой практикой, получится передача цивилизации механическим путем так, что привитая почка не изменит самого характера растения, а отсюда и цивилизации. Ученый подчеркивает положительное воздействие цивилизации на цивилизацию, когда Египет и Финикия действовали на Грецию, Греция — на Рим, Рим и Греция — на германо-романскую Европу. Прививка не приносит пользы тому, к чему прививается ни в физиологическом, ни в культурно-историческом смысле, считает Н. Я. Данилевский. История знает немало примеров насаждения извне чужеродных элементов в недра самобытной культуры народов, большая часть которых была отторгнута. Но в последнем случае происходит не вмешательство сверху, а удобрение почвы, внедрение в сам живой организм, и поэтому данный подход приносит большие результаты, чем первые два. Только в свободной форме добровольного обмена происходит взаимное обогащение при сохранении своих ценностей, традиций, образа жизни, следовательно, только так может быть реализовано истинно плодотворное воздействие завершенной или более развитой цивилизации на вновь возникающую. «Под такими условиями народы иного культурного типа могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, т. е. выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности»¹⁶.

Понятие «этнографический материал» у Данилевского появилось в связи с обозначением завоеванной депрессивной культуры и достаточно точно отражает суть великоимперской идеологии и отношения метрополии к колониальным пространствам с населяю-

¹⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и ком. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

щим его народами. Сохранение самобытности и неповторимости является гарантом активного участия в судьбах цивилизации. Плоды созидания и развития любого культурно-исторического типа должны быть изучены и приносить пользу всем остальным народам. В этой мысли Данилевского кроется глубокий эвристический и, безусловно, прогрессивный смысл: все культуры являются неотъемлемой частью всеобщего духовного богатства земной цивилизации.

Особенностью данного подхода является приоритет духовной составляющей любого народа — к такому выводу приходит Данилевский на основании выявления исторических явлений, менталитета, элементов духовной и материальной культуры. Народность как главный принцип позволила ему сформулировать матрицу цивилизационного развития человечества, далее развить теорию общественных связей политического и социального устройства культурно-исторических типов, высшей исторической единицы. Н. Я. Данилевский обогатил евразийскую доктрину обоснованием цивилизационного подхода к изучению истории, сконцентрировав внимание на западноевропейской и славянской цивилизациях. В его концепции было положено начало исследованиям локальных цивилизаций, что было продолжено О. Шпенглером и А. Тойнби, Ф. Нортропом, П. Сорокиным.

В работе «Постижение истории» известный английский ученый А. Тойнби рассматривал историю развития человечества через эволюционный путь возникновения и исчезновения разных типов цивилизаций, имеющих одинаковые этапы от начала до конца. Тойнби классифицировал цивилизации по определенной типологии, в основу которой положил своеобразие культур и мировосприятия, таким образом, его концепция зиждется на принципе культурогенеза. Как многие западноевропейские мыслители, Тойнби не был свободен от взгляда на историю человечества с христианской точки зрения, религии и церкви наряду с определенным ареалом проживания он отводит ведущую роль в развитии и гибели культурных сообществ.

Еще одной характерной чертой концепции Тойнби является противопоставление вызова и ответа. Родившийся в 1889 г. на закате викторианской Англии, А. Тойнби стал свидетелем распада былого могущества колониальной системы Британской империи и других европейских стран. К этому добавилось осмысление социальных революций, катастрофы вселенского масштаба в виде двух мировых

войн и, наконец, противостояние цивилизаций во времена холодной войны. Цивилизации развиваются, отвечая на вызовы истории. В частности, незападные цивилизации выработали собственный подход к осмыслению цивилизационного развития, что «на вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру западный облик». Альтернативой противостоянию агрессии Запада является взаимовлияние цивилизаций на мирной основе¹⁷.

В концепции А. Тойнби, который жил и работал в первой половине XX в., заложен фундамент осмысления закономерностей развития человечества, что найдет подтверждение в эпоху глобализации. У него заложены основы продуктивного диалога цивилизаций, несмотря на кардинальное различие западного и незападного мироощущений, нравов и обычаев, социально-политической, экономической организации. Диалог возможен, потому что Тойнби раскрыл внутренний механизм развития цивилизации — достижение пределов самоидентификации культуры заставляет искать новые пути дальнейшего развития, непроторенные пути коммуникации. Сегодня это облегчается современными информационными, телекоммуникационными технологиями, которые сами по себе заставляют разрушать видимые и невидимые границы.

Разделение культур на западные и восточные подразумевает не только их географическое расположение, но и специфическое мировосприятие населяющих эти территории народов, то есть непохожие картины мира, свои взгляды на способы и методы познания мира. Восток и Запад по большому счету имеют разные научные, религиозные, художественные и духовные ценности. До того как Китай выбился в авангард мировой экономики, главную роль в мире, в том числе в области науки и культуры, играли западные страны. Западная цивилизация ассоциируется с греко-римским периодом античности, романо-германской культурой. Географически страны Европы занимают западную часть Евразии, имеют преимущества умеренного климата от окружения морями и океаном, влияния Гольфстрима. Население Европы еще в древности заселило острова, полуострова с различными природно-климатическими зонами. Относительно небольшая по масштабу территория западного

¹⁷ Тойнби А. Постигание истории. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/toinbi_arnold/toinbi_arnold_postizhenie_istorii/ (дата обращения: 20. 12. 14)

мира Европы делится на множество государств, соответственно языков и народов. К западной цивилизации относят также США и Канаду.

Весь путь исторического развития западных сообществ свидетельствует о приоритете принципа рациональности, практичности в освоении природного мира и извлечении пользы для улучшения своего повседневного быта и новых достижений в хозяйстве. Западная наука традиционно изучала субъект-объектные отношения, содействовала открытиям и внедрению технических новинок. Исторически западный мир проявлял пренебрежение к другим культурам, агрессивность, насаждал свои ценности и образ жизни. Одной из главных ценностей на Западе всегда была личная свобода и свобода политического волеизъявления.

В исследовании картины мира западного человека З. Морохоева, в частности, опирается на категорию субстанции и мира как пространства: «На Западе определение *Целого* и *элементов* происходит иначе: предел или высшая мера, образующая *Целое* картины мира Запада, предстает как подобие, как тождество. *Субстанция* как категория бытия на Западе оформляется через *пространство*. Сравните: *атом* у Демокрита как далее неделимое конечное отношение с пространственными характеристиками формы, тяжести и т. д. и *дхарма* в буддизме как отношение, связь, как момент; одним из определений которой является пустота. Именно *субстанция* составляет суть принципа *автономии*. Свойства субстанции существенно влияют на *формирование* категорий и представлений человека о мире, о себе и о других»¹⁸.

Из определения основы автономного мира западного человека в форме субстанции следует понимание закономерностей индивидуалистического взгляда на природу и общество. Не случайно западный человек ориентирован на будущее в пространственном бытии, отсюда бешеный ритм жизни, ослабление родственных, семейных и дружеских связей. Личность пытается себя реализовать для обеспеченности в будущем, поскольку материальный интерес — это главный компонент его образа мысли. В связи с переосмыслением своей европейской идентичности понятие «Европа» в контексте сопоставления Запад/Восток перестает быть актуальным и однозначным в

¹⁸ Морохоева З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализации. Перспектива Евро-Азии. — Варшава; Киев: Таксон, 2013. — С. 173.

контексте глобализации. Интеллектуалы на Западе предпринимают попытку развенчать европоцентристские идеи и пытаются определить новое место Европы в мире.

Западная Европа, как определяет Дж. Физер, имеет две взаимоисключающие ориентации: в политической и идеологической сфере находится она под влиянием США, и Физер называет Европу даже частью Евроамерики. С другой стороны в сфере культуры Западная Европа отчетливо соединена с Евразией и не может не учитывать потенциал Востока в плане людских ресурсов, энергоносителей, полезных ископаемых, военной мощи. В любом случае Западная Европа все еще находится в противоречии в политической области и цивилизационной, культурной идентичности как часть Евразийского континента¹⁹.

На основании изучения современных тенденций в Европе Дж. Деланти в предисловии к коллективной монографии «Europe and Asia beyond West and East» выдвинул идею о том, что западная цивилизация распространилась по всему миру и поэтому должна уже называться глобальной. В настоящее время содержание европейской цивилизации больше не отражает специфику чисто западного стиля мышления и культуры, поскольку поделенное на латинскую и православную традиции христианство перестало быть маркером европейскости. Сама Европа теперь не может претендовать на однополярность и однородность. В самой Европе с падением Берлинской стены и трансформацией стран социалистической ориентации деление на Запад и Восток также ушло в прошлое. По мнению Дж. Деланти, теперь образ Запада существует больше в представлении незападных стран и ассоциируется с капитализмом, демократией и либеральными ценностями. Следовательно, Запад должен ассоциироваться больше с США, чем с Европой. В наше время Европа продвинулась далеко на Восток и охватывает восточноевропейские и юго-восточные страны. В образовавшемся ЕС страны четче представляют себе культурную и политическую идентичность, но это не привело к единому этническому и социокультурному образованию. Автор подчеркивает вопрос исключительной важности для ЕС — это интеграция и добрососедские отношения с

¹⁹ Цит. по: Kuczynski J. Dialogue and Universalism as a New Way of Thinking. Fizer J. The European Sources of the Literary Theory in the USA. — Warsaw, 1989. — P. 39.

другими государствами. Наступило время по-другому посмотреть на дихотомию Восток — Запад, пересмотреть доминирование с одной стороны европоцентризма, с другой — антизападных настроений, выработать космополитичную концепцию, противоположную так называемой концепции С. Хантингтона «столкновение цивилизаций», и противопоставить диалоговый подход. Космополитизм, по Деланти, предполагает взаимное влияние и проникновение разных культурных и социальных традиций, единство внутри континента при сохранении разнообразия. История свидетельствует о том, что Европа, также как и Азия, была подвержена взаимным влияниям, в эпоху модерна эта тенденция еще более усугубилась. Автор ссылается на концепцию социальной теории политического развития Европы в сторону космополитизма Ю. Хабермаса (1998, 2001).

В своем предисловии Дж. Деланти формулирует цель издания изучить постнациональные сообщества Европы как тенденцию к развитию космополитизма. Но эта идея в основном была основана на примере народов Европы, но авторы издания расширяют эту идею применительно к другим сообществам. Мир в последние десятилетия меняется быстрыми темпами. Если еще недавно на политической арене было два главных игрока — Россия и Америка, то теперь в эпоху глобализации мир разделился на ряд моделей двусторонних отношений, что приводит к обновленным отношениям Европы и Азии на основе развивающейся торговли, миграции, внешней политики, мультикультурализма, туризма. Таким образом, автор обосновывает появление понятия «постзападная Европа», потому что Европа перестала быть западной, также как Азия перестала быть только восточной, это гораздо больше, чем национальности и этносы, это тенденция к новой европейской идентичности, т. е. к альтернативе и как результату осмысления этих процессов — обновленным взаимоотношениям с Азией²⁰.

Восточная цивилизация до недавнего времени характеризовалась замкнутостью государств и сообществ Китая, Индии, Кореи и особенно Японии. Наука восточных мудрецов была направлена не столько на внешние признаки предмета, а сколько на проявление его внутренних свойств, духовное постижение сути объекта. На Востоке всегда терпимо относились к чужим культурам, в способах

²⁰ Delanty G. Introduction / Europe and Asia beyond West and East. — Routledge, 2006. — 320 p.

постижения мира другого присутствовал дух внутреннего благородства и нравственного превосходства своего мира над западным. Человек восточный не задумывался над вопросами свободы, поскольку ценность жизни на Земле всегда была относительной, он был ориентирован на обоснованную в религии вечность.

В теориях локальных цивилизаций были обоснованы самостоятельные цивилизации или культурно-исторические типы, которые в противовес линейному пути развития человечества обладали каждой своей неповторимой ценностью. Ближневосточная, китайская, индийская культуры могут поспорить за звание колыбели мировой цивилизации, имевшей достижения в способе хозяйствования, социально-политической организации, создав общество высокой культуры. Для всех локальных цивилизаций было типично стремление к неизменности устойчивого социального порядка, следование сложившимся этическим, религиозным правилам поведения в быту и общественной жизни. Опыт предков определялся как высшая духовная ценность и следование этим стереотипам, отсюда доминирование традиционализма в поведении людей и их отношении к миру.

Азиатскую культурную матрицу З. Морохоева анализирует на примере народов Северной, Центральной и Восточной Азии через принцип «связи» и перспективу «событие». У основания мировоззрения азиатских народов, как утверждает автор, лежит релятивизм и взгляд на мир как время, текучая основа, изменчивость которого подтверждается другим принципом азиатского менталитета, формулируемого в данной концепции как жизненная сила. Наиболее сложной и показательной является китайская картина мира, где пролегает четкая грань между миром человека и универсумом, имеется осязаемое соотношение между «целым» и «локальным», целым и его элементами на основе связи.

«Матрица китайской культуры была той канвой, на которой возникло многоголосие разных концепций и представлений о роли человека в универсуме. В этой матрице все взаимосвязано. Эта взаимозависимость осуществляется посредством сложного механизма взаимодействия классификаторов, образующих матрицу китайской картины мира. Классификаторы (*инь*, *ян*, пять элементов и др.) являлись основой для формирования содержания понятий. Эти категории выражают специфику времени-пространства в китайской картине мира. Их общий смысл сводился к передаче динамики циклическо-

го процесса. Человек — неотделимое звено такого универсума»²¹.

В картине мира восточного человека почти всегда отсутствует разделение универсума на мир природы и общество, естественный порядок и сверхъестественные силы. Поэтому для восточного мировосприятия все взаимосвязано, эти связи священные и находятся гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Эти связи характеризуются онтологически и ощущаются на бытийном уровне. Логика восточных народов отличается от западного мышления, отсюда отрицание рационалистических путей решения проблем, а поворот в сторону созерцательности, безмятежности, стремлению к гармонии внутреннего миропорядка с внешним бытием. Идея тварного мира также чужда восточному религиозному сознанию, потому что восточный человек воспринимает Бога по-другому.

«Для сравнения с Востоком — в буддизме мир не создан. Принцип связи не предполагает идею субстанции, которая содержит в себе принцип сотворения мира. В картине мира Востока нет места для изначального противостояния *субъекта* и *объекта*. Возможность мира быть сотворенным кем-то (поначалу Богом) создает прецедент в культуре Запада, допускающий впоследствии иных, не божественных, творцов мира. Логика культуры Запада выстраивает мир, во-первых, в соответствии с принципом автономии, где *Целое* есть субстанция, а *части* этого *Целого* составляют мир, сотворенный субстанцией; во-вторых, история Запада движется от позиции *внешней*, по отношению к которой индивид является существом, сотворенным *Богом* по своему образу и подобию, к позиции *внутренней* — индивида-творца по отношению к остальному миру. Развитие и смена этих позиций происходили на протяжении всей европейской культуры»²².

При поверхностном сравнении видно, что Запад и Восток представляют собой полярные части света, и часто между ними пролегает глубокая пропасть непонимания и неприятия. Запад всегда воспринимался как прогрессивное общество с рационалистическим и индивидуалистическим взглядом, в области политики свободолобные и реалистично оценивающие ситуацию люди, достаточно

²¹ Морохоева З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализации. Перспектива Евро-Азии. — Варшава; Киев: Таксон, 2013. — С. 124.

²² Там же. — С. 194–195.

логичные и общественно активные, они готовы преобразовывать мир.

Очевидно, что восточное общество слишком традиционно, личностность замкнута в своем внутреннем мире, мир вокруг постигает интуитивно и часто мистически, предпочитает условности социально-иерархические, возрастные, половые. Созерцание мира ведет человека к равновесию. Эти и другие стереотипы характерны для восприятия Запада и Востока в философской, исторической, культурологической литературе, понятия Запад и Восток стали символами разных культур и менталитетов на основе разных картин мира, что породило известную проблему дихотомии противоположных друг другу культур.

В истории Евразии Великий шелковый путь явился примером создания моста, соединявшего народы и государства центральной части евразийского континента. Изучение функционирования Великого шелкового пути как одной из начальных форм международной торговли, межкультурной коммуникации и междивизиационного диалога свидетельствует о возможности поиска общего языка.

Подход британского ученого К. И. Беквита характеризуется изучением политической и культурной истории Центральной Евразии в контексте целого евразийского континента. Автор концентрирует внимание на Центральной части Евразии в связи с взаимоотношениями с периферийными цивилизациями, каждая из которых сыграла немалую роль в ее историческом развитии. Выделяя Центральную Евразию как гигантский кусок суши, включающий центральноазиатские государства, западные степи Украины и юга России, восточные степи нынешней Монголии, Внутренней Монголии и Маньчжурии, входящих в состав Китая, автор в самый центр цивилизационного процесса ставит Центральную Евразию. Он считает, ее народы внесли весомый вклад в развитие мировой цивилизации в процессе взаимодействия с периферийными цивилизациями Европы, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии. Через всю Центральную Евразию пролег Великий шелковый путь, тем самым не только соединив Европу и Азию, но и сформировав международную систему торговли и экономических связей в течение нескольких столетий. Но с наступлением XX века и эпохи модерна, как считает Беквит, приходят в упадок сообщества Центральной Евразии и Великий шелковый путь перестает существовать.

Революции, мировые войны, преобразования, трансформации политические и социальные, образование СССР и КНР закрыло

границы государств, через которые традиционно проходил Великий шелковый путь: «...the Silk Road was not in essence a commercial transportation network at all. It was the entire Central Eurasian economy, or socio-economic-political-cultural system, the great flourishing of which impressed itself upon the people of Antiquity and the Middle Ages, and the records and remains of which impress even the people today»).

«The reason adduced here is the conquest and partition of Central Eurasia by the early modern European and Asian peripheral powers. Because Central Eurasia thus no longer existed as an independent entity or group of entities during the Modern period, its nations became «frontier problems» for the colonial powers. The entire region was thus largely ignored during the twentieth century, and its participation in Modern history was limited almost completely to being the victim of one or another Modern horror. Accordingly the history of Central Eurasia in the twentieth century is to a large extent subordinate to the history of the Eurasian periphery, particularly Western Europe, Russia, and China»²³.

Пережив великие потрясения XX в., народы и государства Центральной Евразии находятся сейчас на том историческом этапе, когда необходимо пересмотреть свои возможности и определить перспективы цивилизационного развития. Центральная Евразия окружена Россией, Китаем и Индией и экономический рост, культурное возрождение зависит от соседей. К. И. Беквит предлагает некогда процветающим народам протянуть руку помощи и внедрять западные либеральные ценности, западную политическую и экономическую систему. Предлагает объединить их в либеральную конфедерацию наподобие ЕС. Он считает, что Центральная Евразия — это начало всех начал, т. е. то, где цивилизация зародилась. В Центральную Азию он теперь включает Европу, Россию, Ближний Восток, Индию и Китай, они должны извлечь уроки из прошлого, должны восстановиться от разрушений и вреда модерна и найти общий язык для возрождения самого сердца нашего дома²⁴. На наш взгляд, вместо внедрения чужеродных ценностей западной цивилизации необходимо выявлять духовный и культурный потенциал коренных народов региона. Одним из возможных путей может быть

²³ Beckwith C. I. Empires of the Silk Road. A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. = Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. — P. 264–265.

²⁴ Там же. — С. 319.

переход к устойчивому развитию Байкальского региона как мини-модели евразийской цивилизации.

Интерес в Европе к восточным странам был обусловлен, прежде всего, экономическими запросами, подлинно научный интерес возникает лишь в эпоху Просвещения, у истоков которого стоят Вольтер, Руссо, Гете. Поначалу это было описание отдельных культур индийской, китайской, арабской, позже возникает обобщенный образ полусказочного восточного мира, не высвечивая истинные духовные и материальные культурные ценности. Восток привлекал просветителей как воплощение экзотики, и увлечение восточной культурой часто исходило из желания сопоставить и даже противопоставить ее с европейской культурой. Из западных мыслителей впервые идею синтеза культур выдвинул И.-Г. Гете, считает Н. Н. Малахова. Качественно новое восприятие культуры Востока встречается в трудах романтиков. Для них характерно открытие богатейшего мира восточной культуры как единого целого, как системы, все части которой взаимосвязаны. Для них же характерны представления о культуре Востока как о носителнице ценных качеств, которых лишена западноевропейская культура. К концу XIX в. с осознанием равноценности культур Востока и Запада приходит осознание необходимости диалога культур.

Подлинно научный интерес формируется лишь в XX в., в частности в области философской компаративистики Ф. Нортропа, который выдвинул идею «встречи Востока и Запада». В последней трети XX в. это направление становится основным в межкультурной коммуникации²⁵.

Практически до недавнего времени разные полюса одного континента Евразии действительно были полярными и недостижимыми друг для друга. Деление мира на Запад и Восток оказалось вполне устойчивым и незыблемым. Развитие цивилизационного подхода в XX в. положило начало осознания многополярного и поликультурного мира. Свою лепту в решение проблемы дихотомии вносят исследования в области философии, истории и археологии, культурной антропологии, социологии и других наук. В глобализирующемся мире появляются новые факторы, способствующие смещению границы между Западом и Востоком, Европой и Азией.

²⁵ Малахова Н. Н. Трансформация представлений о Востоке в западной культуре : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 2005.

В науке существует ряд вопросов о том, что нужно включать в понятие «Евразия», что является «Центральной Евразией», можно ли приравнивать Россию к Евразии, как классифицировать Центральную Азию. Между Европой и Азией в цивилизационном, культурно-историческом плане лежит глубокая разница, но существует мнение о том, что помимо России как буфера между Западом и Востоком есть еще один промежуточный регион, который тоже претендует на срединную территорию между Востоком и Западом. В частности, Д. Кицикис после многолетних исследований евразийской проблематики обозначил на карте Евразии территорию, которая начинается от Адриатического моря и заканчивается у берегов реки Инд. Он открыл третий регион Евразии — так называемый Промежуточный регион на основании деления народов континента по конфессиональному признаку, и этот Промежуточный регион получил название собственно Евразии. Таким образом, на Западе остались все католики и протестанты, и славяне были разделены по религиозному признаку так, что деление между Западом и Промежуточным регионом было определено по границе Польши, выделив православно-христианский и мусульманский миры в самостоятельную территорию. Граница Промежуточного региона на востоке определена между концом исламского мира и началом индусско-буддийского мира. Данную точку зрения разделяют Ф. Бродель, П. Вандыч, Г. Койнас²⁶.

Как видно, эта концепция имеет некоторые противоречия. Во-первых, православный мир был объединен с мусульманским, что противоречит самой сути религиозного сознания этих двух конфессий; во-вторых, буддийский мир оказался разделенным так, что Тибет, Монголия, Внутренняя Монголия, Китай, Япония оказались по ту сторону этой воображаемой границы, в-третьих, не вошли в Промежуточный регион мусульманские провинции Китая, Индонезии и других азиатских стран. Очевидно то, что ученые хотели подчеркнуть обособленность Запада и противопоставить Польшу, Чехию, Венгрию как католические страны православной России и нарисовать четкую цивилизационную границу, принципиально разделив также православных сербов и хорватов-католиков.

Здесь возникает еще одна проблема современной Европы. Про-

²⁶ Койнас Г. Балканы и Евразия: теория Промежуточного региона // *Debaty Artes Liberales*. — Т. 8. Пограничье Евро-Азии. — Варшава, 2013. — 383 с.

цессы трансформации, демократизации и активного перехода к западной модели развития стран бывшего социалистического лагеря породили проблему европеизации, и Р. Коллморген выделяет основанный на этой идее методологический подход к изучению европейского сообщества в эпоху модернизации. Проблема европеизации высвечивает такой аспект, как культурная, социальная, экономическая и политическая трансформация стран Центральной и Восточной Европы с целью обрести западную идентичность и ощутить себя членами ЕС. Но этот процесс не всегда проходил гладко по причине большого спектра разных идеологических стратегий. Европеизация, считает Р. Коллморген, дает возможность проанализировать не только разные пути достижения преобразований, но и разные результаты посткоммунистического перехода²⁷.

Какое же место занимает Россия? Главный тезис евразийцев «Россия — это Евразия, она не принадлежит ни Востоку, ни Западу» был воспринят по-разному и по сей день подвергается интерпретации сообразно политическому климату и приоритетов социально-экономического развития. В чем же состоят особенности российской цивилизации? Исторически Россия воспринималась как синтез татаро-монгольских, византийских, восточнославянских начал. Своеобразие культурно-исторического развития российского общества выражается в мессианской ориентации.

В царской России преобладало аграрно-ремесленное производство, ориентированное на укрепление великоимперского, военного могущества. Экстенсивное развитие страны объяснялось в некоторой степени низким уровнем развития и внедрения передовых промышленных и управленческих технологий. Традиционно деспотическая власть самодержца опиралась на огромный штат чиновников, который по сей день в виде бюрократической иерархии остается влиятельной силой. Общеизвестно, что в стране всегда доминировала политика над экономикой и социальной политикой так, что патерналистское государство всегда стремилось регулировать не только социальную, но и личную жизнь россиян. Россия обладает огромным пространством, с малым количеством населения и плохо развитыми транспортными и информационными коммуникациями,

²⁷ Kollmorgen R. Theories of Postcommunist Transformation. Approaches, Debates, and Problems of Theory Building in the Second Decade of Research // Studies of Transition States and Societies. STSS. — Vol. 5. — Issue 2. — P. 88–105.

что типично в большей степени для регионов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока. Страна издавна была многонациональной и многоконфессиональной. Занимая огромную центральную часть Евразийского континента, постперестроечная Россия, как и в прошлом, испытывает постоянное культурное влияние как с Востока, так и с Запада.

Н. Я. Данилевский говорил о предназначении России в сохранении и развитии славянского культурно-исторического типа, тем самым выражая уmonoстроения определенных кругов интеллигенции о панславизме на основе общности исторического происхождения, языков, культуры, в некоторых случаях религии. Классики евразийской концепции, говоря о евразийской цивилизации, подчеркивали её геополитическое и пространственное местоположение, выделяя значимую роль туранского компонента и ряд других факторов. Евразийская концепция представлялась жизнеспособной и существовала параллельно с другими интересными и продуктивными концепциями.

В 90-х гг. XX в. на основе идей евразийства А. Тойнби, Н. Я. Данилевского, П. Сорокина рождается ряд исследований особенностей российской цивилизации, подчеркивающих возможность самостоятельного цивилизационного пути развития России. В своем исследовании в области теоретической историософской методологии Н. М. Морозов синтезирует данные разных социально-гуманитарных и естественных наук, проанализировав семантические структуры общепринятых дефиниций, систематизировал теоретико-методологический ресурс относительно подходов к изучению российской цивилизации. Н. М. Морозов анализирует две самые популярные стратегии в изучении российской цивилизации: первая из стратегий представлена в формате традиционного линейного развития формаций, вторую стратегию он связывает с именем Н. Я. Данилевского. Позже методологию Данилевского стали называть цивилизационным подходом к изучению локальных цивилизаций, что имеет определенный эвристический ресурс в изучении судеб российского народа. Для определения цивилизационной самоидентификации России важен вывод Н. М. Морозова относительно локальной цивилизации: «Локальная цивилизация — это часть человечества, проживающая в пространстве и во времени суперэтнoса, объединённая комплекментарными многовековыми традициями в социальном мышлении и

самоорганизации»²⁸.

В рамках концептуализации теоретического исторического знания о российской цивилизации современности Н. М. Морозов выделяет три познавательные модели: пространство как территория/жизненная среда, цивилизационная идентичность и место России относительно Запада и Востока. Первая познавательная модель основывается на таких категориях и понятиях, как структурированность изменчивого пространства, суперэтнос, экзистенциальные ценности в результате хозяйственного освоения территории. Во второй модели подчеркивается отождествление индивида, этноса, государства с российской цивилизацией на основе множества формообразующих факторов: исторического, языкового, религиозного, культурного, ментального, природно-климатического, геополитического, экономического, политического и других. Характеризуя место России в дихотомическом понятии «Запад и Восток», автор выделяет образную составляющую, традицию европоцентристского мышления и принципы организации социума в период незавершенной модернизации российского общества²⁹.

Очевидно то, как российский суперэтнос идентифицирует себя на огромном пространстве страны, при этом в познавательных моделях преобладают ценности, менталитет, духовная культура на фоне природно-климатических и экономических условий. Во всех трех познавательных моделях присутствуют основные признаки локальной цивилизации: пространство, суперэтнос, традиции, комплиментарность, самоорганизация. Веками сформировавшийся менталитет российского суперэтноса, проживавшего в многонациональном обществе, имеет положительную и эвристическую направленность, при этом демонстрирует образец диалога Востока и Запада, что может быть альтернативой понятию С. Хантингтона «столкновение цивилизаций» (*clash of civilizations*). А. Тойнби в середине XX в. прогнозировал противостояние культур, для С. Хантингтона в конце столетия вероятной перспективой становится конфликт цивилизаций. В концепции А. Тойнби цивилизации формируются и развиваются, отвечая на общественно-культурные «вызовы», когда они возглавляются творческим меньшинством, и погибают, когда

²⁸ Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. — Кемерово: Практика, 2014. — С. 76.

²⁹ Там же.

лидеры перестают отвечать социально-историческим потребностям.

«...В нарождающемся мире основным источником конфликтов, будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество и преобладающие источники конфликтов, будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики»³⁰.

С. Хантингтон приходит к выводу о неизбежном столкновении цивилизаций, поскольку между Востоком и Западом слишком великие различия, взаимодействие становится все более тесным, миграционные, глобализационные процессы стирают границы между культурами, пространственная и территориальная идентификация становится менее существенной. Следующий аргумент Хантингтона повторяет и развивает утверждение А. Тойнби о том, что экспансия Запада вызывает отторжение и протест против навязываемых ценностей. Наконец, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу, небезосновательно подчеркивает Хантингтон, особо выделяя при этом национально-этнические традиции и религиозный фактор.

Мнение С. Хантингтона считается достаточно спорным: если бы мир действительно следовал бы его прогнозам, было бы гораздо больше примеров эскалации напряженности, непонимания, военных конфликтов. Несмотря на пеструю мозаику культур, наций, этносов люди находят общий язык и преодолевают противоречия и разницу между цивилизациями. Все чаще и настойчивее поднимаются вопросы о возможности диалога между культурами Востока и Запада, об их принципиальной совместимости или несовместимости.

³⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: [http://www. politnauka. org/library/classic/hant. php](http://www.politnauka.org/library/classic/hant.php) (Дата обращения 20. 12. 14)

1.1.3. Межцивилизационный диалог: реалии и перспективы

Проблема диалога культур обусловлена различными геополитическими межнациональными антагонистическими противоречиями и часто вооруженными конфликтами, и взаимодействие культур и диалог между ними — это лучшее, что может противостоять ненависти, неприятию, нежеланию слушать друг друга. Понятие диалога выступает и применяется в качестве наиболее приемлемой формы цивилизованного со-бытия миров, культур, искусств, научных сообществ. В современном мире необходима консолидация мысли для обозначения будущего цивилизационного развития человечества и новых идеологических ориентиров. Приоритет принадлежит социально-гуманитарным наукам, искусству и религиозной рефлексии, где творческие личности изобретают новые формы постижения мира. Смыслоразнообразные основания человеческого бытия, переосмысление традиционных и выработка новых ценностей должны стать вектором стратегии выживания человечества.

Особое место в проблеме диалога культур занимает разрешение дихотомии Востока и Запада.

Восток и Запад, Евразия, многонациональная Россия как социально-экономические и политические системы имеют свои духовно-аксиологические ценности. Сегодня страны и народы не совсем готовы вести равноправный, разумный диалог друг с другом, сводя принципы взаимодействия к силовому воздействию на оппонентов, игнорированию их духовно-эстетических, социально-экономических, политических ценностей. Такая позиция чаще характерна для западной цивилизации, что приводит к справедливому протесту представителей азиатских традиционных культур. Вместо механического навязывания своей точки зрения следует начать изучать Другой мир со всеми его ценностями и реалиями.

Восточные и западные ценности трудно соединяются, поскольку Восток и Запад — две противоположные социокультурные модели цивилизационного развития мира. Агрессивная политика активного вмешательства во внутренние дела азиатских стран, ассимиляция коренного населения грозит вселенской катастрофой, ибо нарушает космический закон гармонии. Россия, располагаясь на европейском и азиатском континентах, представляет собой государство, в котором общество является средоточием многонациональных культур. В чистом виде Россия не относится ни к одному из типов цивилиза-

ций, исторически страна сложилась как конгломерат народов, относящихся к разным типам развития и объединенных централизованным государством с великорусским ядром.

В историческом плане обращение к диалогу всегда является свидетельством смены научной парадигмы. Суть диалогичности в продуктивном взаимодействии суверенных позиций, составляющих единое и многообразное смысловое пространство и общую культуру. Одним из эффективных подходов к изучению предпосылок межкультурного диалога является герменевтика, альтернативная рациональным способам теоретизирования методология. В арсенале герменевтики имеются такие категория и понятия, как интерпретация, герменевтический круг, слияние горизонтов, действенно-историческое сознание, преимуществом которых можно назвать возможность изучать феноменологически интерсубъективность, традиции, историческую память с некоторой долей психологического вживания. В герменевтическом дискурсе важно увидеть общечеловеческие ценности взаимодействующих культур как способ проникновения в систему ценностей той или иной цивилизации, преодоление непродуктивных предрассудков, синтез самобытного и универсального, ведущий к взаимообогащению и вхождению в мировой культурный контекст.

В связи с большим интересом философской науки к проблемам коммуникации и к межкультурной коммуникации в частности возникает новая синтетическая область социально-гуманитарного знания «философия коммуникации». Одним из самых известных ученых в этой области является американский философ Ф. Даллмайр. Его перу принадлежит целый ряд монографий о диалоге цивилизаций. Глобальная деревня порождает целый ряд предпосылок к успешному диалогу между разными мирами, не отменяя существенные различия между культурами. Ученый выявляет преимущества и недостатки предварительных условий осуществления коммуникаций через анализ западных и восточных культурно-исторических традиций, поскольку исследователи почти в равной степени как подчеркивают кардинальные отличия и трудности в общении, так и выявляют схожие черты и принципиальную возможность диалога. В данном методологическом подходе анализируются принципы ориентализма и европоцентризма в их качественном сопоставлении³¹.

³¹ Dallmayr F. Beyond Orientalism: Essays On Cross-Cultural Encounter. — New-York: State University, 1996.

Ф. Доллмайр анализирует проблему диалога с точки зрения герменевтической методологии, сравнивая с возможностями деконструкции. В числе выводов можно выделить идею об эвристическом смысле диалога между цивилизациями во имя мирного сосуществования и перспектив совместного развития³².

Возможности герменевтического диалога в цивилизации анализирует и В. М. Межуев, где главной является цивилизация диалога как единственно возможная модель будущей универсальной цивилизации. Человек, способный к такому диалогу, рождается в условиях уже нынешней глобализации, ставящей проблему обретения им культурной идентичности в зависимости не только от его этнической или национальной принадлежности, но и от его собственного свободного выбора³³. Здесь рассматривается личность как представитель цивилизации, как носитель характерных признаков своей культуры и его коммуникативные способности, которые дают ему возможность выйти за пределы своей цивилизации. Герменевтическая методология может стать способом анализа отдельных индивидов и целых цивилизаций. В данном случае автор говорит о подвижных границах своих культур, где универсальная цивилизация ассоциируется с идеей равенства и толерантности.

И. А. Василенко использует герменевтическую методологию в изучении политического диалога, применяя интерпретативную методику к анализу политической культуры, политических ценностей и интересов. В данном подходе можно подчеркнуть эвристический смысл изучения самого феномена политической культуры через призму диалога цивилизаций. Главная задача политической глобалистики заключается в декодировании социокультурных архетипов и кодов, и это дает возможность глубже постигать процесс понимания³⁴. В диалоге культур особенно важным является не просто обмен информацией, а выработка общего смысла, что влияет на дальнейшее развитие добрососедских отношений и делового сотрудничества. О диалоге цивилизаций особенно настойчиво стали говорить уже в 1990-х гг. не только ученые и широкая общественность, но и офи-

³² Dallmayr F. Dialogue Among Civilizations: Some Exemplary Voices. — Palgrave. St. Martin's Press, 2002.

³³ Межуев В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. — 2011. URL: (http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=387&Itemid=52) (Дата обращения 11. 01. 15)

³⁴ Василенко И. А. Политическая глобалистика. — М. : Логос, 2000. — 360 с.

циальные круги. Как новая геополитическая категория такой диалог получил признание и широко стал обсуждаться с конца прошлого столетия, в результате чего Генеральная ассамблея ООН провозгласила 2001 год Годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН. Организация Объединенных Наций является юридическим лицом, официальной международной структурой, регулирующей взаимоотношения между странами и народами. Велением времени стали меры по предупреждению конфликтов и наведению мостов между враждующими сторонами, поэтому ООН определяет диалог между цивилизациями как процесс, идущий внутри цивилизаций и на их стыке, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности, а также сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога.

Организация Объединенных Наций определила специфику высшей формы взаимодействия между народами, где диалог между цивилизациями — это процесс, направленный на достижение, в частности, следующих целей:

- содействие всеобщему участию, равноправию, равенству, справедливости и терпимости в отношениях между людьми;
- укрепление взаимопонимания и взаимного уважения с помощью взаимодействия между цивилизациями;
- взаимное обогащение и развитие знаний, а также понимание богатства и мудрости всех цивилизаций;
- выявление и поощрение того, что объединяет цивилизации, в целях устранения общих угроз для единых ценностей, универсальных прав человека и достижений человеческого общества в различных областях;
- поощрение и защита всех прав человека и основных свобод и достижение более глубокого общего понимания прав человека;
- содействие более глубокому пониманию общих этических стандартов и универсальных человеческих ценностей;
- обеспечение более высокой степени уважения культурного разнообразия и культурного наследия³⁵.

В последние годы Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями неизменно привлекает к себе все больший интерес

³⁵ Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/peace/culture/dialogue.shtml> (Дата обращения 15. 01. 15)

со стороны государств-членов, научных учреждений, неправительственных организаций и международных и региональных учреждений. Становится не просто актуальным, но и жизненно необходимым учиться понимать чужую культуру. ООН и подведомственная структура ЮНЕСКО сделали многое для формирования толерантного и понимающего мировоззрения в мире. Члены ООН подчеркивают универсальность общечеловеческих ценностей и основных прав человека. Духовные достижения разных культур должны стать кладезем мудрости и ценным образовательным источником для всего человечества так, что все должны иметь равный доступ к мировой сокровищнице достижений человечества. Важным принципом выдвинутой концепции является взаимодействие между цивилизациями на принципах гармонии и уважения, что означает, прежде всего, знания и умения выстраивать коммуникацию.

Примером таких попыток служит история российской цивилизации. Во внутреннем пространстве Россия является местом жительства большого количества наций, объединяющим разные по культурным традициям, религиозному сознанию, языку и обычаям народы Восточной Европы и Северной Азии в один суперэтнос Евразии. Россия как евразийское цивилизационное образование граничит с Восточной Европой, а вместе с ней и с ЕС, на Востоке — с азиатскими странами: Монголией и Китаем, а на юге — со странами СНГ. Цивилизационные взаимоотношения России с ее соседями имеют сложную историю, в современном мире тенденция к созданию Евразийского союза на основе идей евразийства рассматривается как одна из самых продуктивных в концепции внешней политики.

Использовать евразийскую идею в качестве теоретического обоснования практических действий в русле начавшихся интеграционных процессов на постсоветском пространстве предложил президент Казахстана Н. Назарбаев. Это было озвучено в 1994 г. во время выступления Н. Назарбаева в МГУ им. М. В. Ломоносова.

В 1995 г. было подписано соглашение о Таможенном союзе (ТС) между Россией и Белоруссией, к которому в том же году присоединился Казахстан, а позднее Киргизия и Таджикистан. В 1999 г. первый документ о евразийской интеграции был дополнен соглашением о Едином экономическом пространстве, в соответствии с которым государства-члены должны были завершить формирование ТС и начать формировать общий рынок. Следующим важным шагом на пути евразийской интеграции стал 2000 г., когда лидеры России,

Белоруссии, Казахстана, Таджикистана и Киргизии подписали договор об образовании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Целями нового интеграционного проекта были свободная торговля, формирование таможенных правил, функционирование единого экономического пространства и введение единой валюты.

Следующим судьбоносным годом стал 2009 г., когда президенты России, Белоруссии и Казахстана приняли решение о переходе к Единому экономическому пространству (ЕЭП), основанному на принципах и нормах Всемирной торговой организации. В 2010 г. соответственно подписывается Декларация о формировании ЕЭП на пространстве Таможенного союза трех стран. Фактически ЕЭП начало действовать с января 2012 г., когда вступили в силу базовые соглашения. Не за горами было уже создание Евразийского экономического союза.

Осенью 2011 г. лидеры России, Казахстана и Белоруссии выступили с программными статьями в газете «Известия» о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Президент России В. Путин, говоря о «Новом проекте интеграции для Евразии», высоко оценил практические шаги по созданию евразийского экономического пространства и выходу интеграционного проекта на новый качественный уровень. Характеризуя перспективы сотрудничества, В. Путин, в частности, сказал, что «создание Евразийского союза, эффективная интеграция — это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI в. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания»³⁶.

29 мая 2014 г. в Астане был подписан договор о создании ЕАЭС между лидерами России, Казахстана и Белоруссии. Согласно договору, ЕАЭС приступил к работе с 1 января 2015 г. в качестве правопреемника ЕврАзЭС, который прекращает свою деятельность.

В апреле 2014 г. Н. Назарбаев в своем выступлении в МГУ сказал о том, что Евразийский союз возможен только на принципах добровольности, равноправия, взаимной выгоды и учёта прагматических интересов каждой страны-участницы. Эта инициатива стала отправной точкой для нового исторического процесса, который сейчас называют евразийской интеграцией. Положительно оценивая

³⁶ Известия // Официальный сайт. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 12. 01. 15)

процесс евразийской интеграции, Н. Назарбаев особо выделил структуры, которые вносят лепту в укрепление евразийского сотрудничества: Евразийский банк развития, Евразийский деловой совет, Евразийский медиафорум, Евразийская ассоциация университетов и многие другие³⁷. Стоит отметить, что ЕАЭС является одним из главных центров мировой интеграции и прекрасным примером практического воплощения идеологии евразийства. Напрашивается параллель с Европейским союзом, что позволяет развивать мысль не столько о противостоянии и сравнении, а о разумных путях дальнейшего расширения сотрудничества уже между ЕС и ЕАЭС.

Почти два десятка лет существует проект Евразийского союза на огромной территории географической Евразии сначала в виде идей, затем в форме разных интегративных организаций, чьи функции сводились к постепенному переходу к процессу интеграции. Институционализация евразийской интеграции получила подтверждение, экономическое сотрудничество в действии как доказательство исторической предопределенности общей цивилизационной судьбы народов Евразии, и это еще предстоит осмыслить наукой. В этой связи необходимо отметить точку зрения М. К. Асанбекова на создание теории евразийской интеграции. Такая научная концепция на основе евразийской идеи до сих пор отсутствует, следовательно, введением времени является построение научного знания о происходящих на пространстве СНГ интеграционных процессах и евразийских цивилизационных процессах.

Проанализировав такие подходы, как «концептуальное обоснование взаимосвязи интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве», «теория постсоветского транзита в контексте концепции европейского соседства», «конфедеративная модель СНГ», «теоретическое обоснование евразийского концепта региональной интеграции на постсоветском пространстве» и «альтернативные модели политической интеграции на постсоветском пространстве», М. К. Асанбеков предлагает их соединить в качестве общего фундамента теории евразийской интеграции, поскольку каждый из этих подходов изучает отдельные стороны евразийской интеграции³⁸.

³⁷ URL: <http://bnews.kz/ru/videonews/post/201432/> (Дата обращения 12. 01. 15)

³⁸ Асанбеков М. К. Основные теоретико-методологические подходы в исследовании евразийской интеграции. URL: <http://easttime.ru/analytics/tsentralnaya-aziya/osnovnye-teoretiko-metodologicheskie-podkhody/8042> (дата обращения: 15. 01. 15)

Наиболее актуальным предметом исследований данной теории являются цивилизационные аспекты интеграционных процессов. Конечной целью интеграции всегда выступает создание сообщества, которое по определению не может состояться без сближения культур народов и принадлежности интегрирующихся стран к конкретной цивилизации. Поэтому создаваемая теория евразийской интеграции не может стать полноценной концепцией, если в ней не будет присутствовать знание о цивилизационных факторах интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Здесь мы находим попытку автора осмыслить интеграционные процессы на научном уровне, систематизировать факты и конкретные знания о практических шагах властей. Вслед за первыми успехами в области интеграции последуют вопросы и потребность понять, куда же народы Евразии, объединенные ЕАЭС, движутся и в чем истинный смысл межцивилизационного диалога. М. К. Асанбеков справедливо отмечает потребность выявить, изучить предпосылки и факторы формирования цивилизационного единства, и в этом вопросе теория евразийской интеграции как научная концепция поможет определять фундаментальные основы евразийской цивилизации.

Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (1992) и в Йоханнесбурге (2002) стали предтечей новейших тенденций в области современной интеграции стран. В июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро прошла конференция ООН по устойчивому развитию, состоявшаяся через двадцать лет после конференции в Рио-де-Жанейро (1992). В итоговом документе конференции ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 2012) «Будущее, которого мы хотим» сказано следующее: «Мы признаем, что искоренение нищеты, отказ от неустойчивых в пользу устойчивых структур потребления и производства, охрана и рациональное использование базы природных ресурсов экономического и социального развития являются главными задачами и важными предпосылками устойчивого развития...

Было провозглашено одно из главных подтверждений рио-де-жанейровских принципов — это обеспечение дальнейшей интеграции и согласованности: оценка достигнутого на сегодняшний день прогресса и сохраняющихся проблем с осуществлением решений

крупных встреч на высшем уровне по устойчивому развитию и рассмотрение новых и нарождающихся вызовов³⁹.

Итоговый документ конференции ООН по устойчивому развитию 2012 г. продемонстрировал готовность мирового сообщества к разумному межкультурному диалогу в третьем тысячелетии. Диалог между цивилизациями призван сегодня решать глобальные проблемы человечества, устранение которых почти невозможно осуществить усилиями только одной страны или локальной цивилизации. Не случайно в данном документе появляются такие проблемы, как нищета и устойчивое развитие, поскольку все, что связано с этими проблемами, имеет непосредственное отношение к качеству жизни и полной реализации личности.

В итоговом документе конференции ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 2012) «Будущее, которого мы хотим» говорится в п. 39, 40 и 41:

«39. Мы признаем, что планета Земля и ее экосистемы — это наш дом и что выражение «Мать-Земля» широко распространено в ряде стран и регионов, и отмечаем, что ряд стран признают права природы в контексте поощрения устойчивого развития. Мы убеждены в том, что для обеспечения правильного баланса между экономическими, социальными и экологическими потребностями нынешнего и будущих поколений необходимо постараться достичь гармонии с природой.

40. Мы выступаем в поддержку последовательных и комплексных подходов к устойчивому развитию, которые будут служить для человечества руководством в его стремлении жить в гармонии с природой и ориентиром в его усилиях по восстановлению здоровья и целостности экосистемы Земли.

41. Мы принимаем во внимание природное и культурное разнообразие мира и признаем, что все культуры и цивилизации способны внести свой вклад в устойчивое развитие...».

Межкультурный диалог призван содействовать осмыслению фундаментальных основ бытия, которые сегодня подвергаются изменениям и мировое сообщество обязано бить тревогу и предлагать работающие стратегии по достижению насущных задач современности. Если вновь обратиться к итоговому документу, то мы

³⁹ ЮНЕСКО // Официальный сайт. URL: (https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf) (дата обращения: 16. 01. 15)

увидим, что на самом высоком уровне Организации Объединенных Наций осуществляется этот комплексный, всесторонний и глобальный диалог. Предметом обсуждения становится основа основ нашей жизни — наша планета. Признавая природное и культурное разнообразие народов, специфику их обычаев, традиций, духовные и материальные ценности, высокое собрание пришло к выводу об эвристическом использовании этого потенциала, что было и зафиксировано в официальном документе».

Далее в итоговом документе конференции ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 2012) «Будущее, которого мы хотим» в п. 55 и последующих разделах сказано: «55. Мы обязуемся активизировать глобальное партнерство в интересах устойчивого развития, начало которому было положено в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Мы признаем необходимость придания нового импульса нашим совместным усилиям по обеспечению устойчивого развития и обязуемся вместе с основными группами и другими заинтересованными сторонами прилагать усилия для устранения пробелов в осуществлении.

Генеральная Ассамблея

80. Мы вновь подтверждаем роль и авторитет Генеральной Ассамблеи в глобальных вопросах, представляющих интерес для международного сообщества, как это предусмотрено в Уставе.

81. Мы подтверждаем далее центральное место Генеральной Ассамблеи как главного совещательного, формирующего политику и представительного органа Организации Объединенных Наций. В этой связи мы призываем Ассамблею к дальнейшей интеграции устойчивого развития в качестве одного из ключевых элементов общей основы деятельности Организации Объединенных Наций и уделению должного внимания вопросам устойчивого развития при подготовке повестки дня, в том числе на основе периодического проведения диалога на высоком уровне.

Экономический и Социальный Совет

82. Мы подтверждаем, что Экономический и Социальный Совет является главным органом, отвечающим за обзор политики, диалог по вопросам политики и вынесение рекомендаций по вопросам экономического и социального развития и за последующую деятельность по достижению целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, а также одним из центральных механизмов по координации деятельности системы Организации Объе-

диненных Наций и надзору за вспомогательными органами Совета, в частности его функциональными комиссиями, и по содействию осуществлению Повестки дня на XXI век путем укрепления общесистемной слаженности и координации. Мы подтверждаем также ведущую роль, которую играет Совет в общей координации деятельности фондов, программ и специализированных учреждений, обеспечивая слаженность их действий и не допуская дублирования мандатов и видов деятельности.

Политический форум высокого уровня

84. Мы постановляем учредить универсальный, межправительственный, политический форум высокого уровня, используя при этом преимущества, опыт и ресурсы Комиссии по устойчивому развитию, а также ее методы работы на основе широкого участия, с тем чтобы он впоследствии заменил собой Комиссию. Политический форум высокого уровня должен будет следить за обеспечением устойчивого развития, избегая дублирования усилий с существующими структурами, органами и учреждениями при обеспечении эффективности с точки зрения затрат.

85. Форум высокого уровня мог бы обеспечивать:

a) политическое лидерство, руководство и вынесение рекомендаций по вопросам устойчивого развития;

b) более эффективную интеграцию всех трех компонентов устойчивого развития на основе целостного межсекторального подхода на всех уровнях;

c) динамичную платформу для проведения диалога на регулярной основе, анализа достигнутых результатов и разработки программы действий в целях содействия устойчивому развитию;

d) наличие целенаправленной, динамичной и ориентированной на практические действия повестки дня, обеспечивающей надлежащее рассмотрение новых и возникающих проблем в области устойчивого развития»⁴⁰.

Как видно из Итогового документа, мировое сообщество не просто выражает теоретическую готовность к эффективному межцивилизационному диалогу, но осуществляет шаги в сторону совершенствования институционализации практики межцивилизационного диалога. Отправными точками являются понятия «глобальное парт-

⁴⁰ ЮНЕСКО // Официальный сайт. URL: (https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf) (дата обращения: 16. 01. 15)

нерство», «диалог на высоком уровне», «глобальные вопросы», «совместные усилия», «диалог на регулярной основе», «дальнейшая интеграция» и т. д. Стороны признают особую миссию и ответственные функции главного символа исполнительного органа межцивилизационного диалога — Генеральной Ассамблеи ООН, в деятельности которой отражены вышеупомянутые понятия, глубокий смысл которых дает ключ к пониманию фундаментальных основ реального взаимодействия цивилизаций. Человечество научилось извлекать уроки из многовековой истории непрерывных войн и вооруженных конфликтов, и Генеральная Ассамблея ООН была создана как орган координации гармоничных отношений между народами и государствами.

В документе также говорится еще об одном органе — Экономическом и Социальном Совете как свидетельстве поворота мирового сообщества и научной, творческой мысли в сторону социальных ценностей. И, наконец, решение учредить политический форум высокого уровня является признаком не только риторики готовности, но и свидетельством того, как мировое сообщество озабочено межправительственным взаимодействием. Каждая из структур реализует свои функции, вместе они составляют единое ядро межцивилизационного диалога на высочайшем уровне.

Очевидно то, что мировое сообщество движется к комплексной интеграции по всем направлениям, и в основе этого лежит стратегия устойчивого развития человечества как наиболее эффективная концепция дальнейшего цивилизационного развития человечества, следовательно, это говорит о готовности мира к глобальному управлению или «мировому правительству», о чем говорилось в итоговом документе конференции ООН в Рио-де-Жанейро.

В рамках конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» 13–17 июня 2012 г. состоялся VI Цивилизационный форум. Основной тон и направление дискуссии на этом форуме задал доклад международного коллектива ученых (включающего членов РАЕН и их единомышленников из разных стран) к конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» на тему «Основы долгосрочной стратегии глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций». Основные выводы доклада созвучны современным тенденциям межцивилизационного взаимодействия. Авторам доклада удалось осмыслить и уловить перспективные точки прогресса общества, они отмечают значение диалога культур и ци-

визаций, а в долгосрочной перспективе трансформацию Организации Объединенных Наций во Всемирную Федерацию государств и цивилизаций. Для преодоления глобального кризиса и реализации глобальной стратегии устойчивого развития необходимы межгосударственные и межцивилизационные объединения⁴¹. Данные исследований показывают, что в авангардных странах в ближайшем будущем можно будет наблюдать становление интегральной гуманистически-ноосферной цивилизации.

Итоги конференции ООН и значение результатов для цивилизационного развития всего человечества осмыслил В. В. Мантатов, в концепции которого подчеркивается гуманистическая интерпретация устойчивого развития в связи с ярко выраженным акцентом на социальной справедливости и инклюзивности. Развивая эти положения, В. В. Мантатов выдвигает свою концепцию межцивилизационного диалога на основе «революции в ценностях» и принятия новой парадигмы развития, ориентированной на гуманистические ценности устойчивого развития и на социалистические преобразования общественного бытия. Нельзя не согласиться с выводами В. В. Мантатова о том, что в рекомендациях форума, также как и в итоговом документе конференции ООН «Рио+20», недостаточно внимания уделено смыслообразующему и духовно-нравственному значению диалога цивилизаций.

«Отметим особую значимость эколого-этических ценностей в формировании общего смыслового поля мировой политики устойчивого развития. Диалог и партнерство цивилизаций предполагают отказ от представления врага в образе отдельного народа и замещения его образами «общих угроз всему человечеству», демократизацию любой власти, что предполагает прежде всего борьбу с элитарностью и замкнутостью властных структур и финансовых центров, усиление общей заинтересованности в устойчивом будущем планеты Земля»⁴².

«Диалог цивилизаций — это универсальный процесс, в результате которого происходит взаимное обогащение и развитие смысловых структур взаимодействующих культурно-цивилизационных систем. Этот диалог важен потому, что ни одна культура, ни одна

⁴¹ ЮНЕСКО // Официальный сайт. URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-34177.html?page=29> (дата обращения: 16. 01. 15)

⁴² Мантатов В. В. Концептуальные революции: доклад на Конференции ООН по устойчивому развитию. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013.

цивилизация, ни одна социально-экономическая модель мироустройства не может претендовать на универсальное или эталонное значение, на приемлемую для всех парадигму глобального устойчивого развития. Если первая система ценностей ведет общество к тоталитаризму, то вторая — к войне всех против всех. Обе системы ценностей, рассматриваемые изолированно друг от друга, ведут человечество к катастрофе. Логика диалога, т. е. диалектика, выводит нас на путь мировоззренческого синтеза этих ценностных систем. В процессе данного синтеза устанавливается динамическое равновесие единого и единичного, всеобщего и частного, и это равновесие мы рассматриваем как смысловое обоснование политики устойчивого развития. Философской основой вышеназванного синтеза является диалектический реализм, то есть диалогическая философия Востока и Запада».

По мнению В. В. Мантатова, исключительный интерес представляет теория и практика модернизации Китайской Народной Республики под руководством Коммунистической партии Китая: «История развивается циклично: сейчас заканчивается западный (европейский) цикл глобального развития и начинается восточный (азиатский) цикл. Смена циклов совпадает со сменой мировых цивилизаций, со сменой лидеров глобального развития. Уже в этом пятилетии коммунистический Китай станет мировой державой, выйдя на первое место в мире как по экономическому, так и человеческому потенциалу. Учитывая общемировой тренд на текущий момент, России необходимо решительно переориентироваться на Восток — на коммунистический Китай»⁴³.

На основании анализа парадигм западной и восточной цивилизаций, нового осмысления законов диалектики, современных процессов в ведущих западных державах и развития новых лидеров мирового сообщества в лице Китая, Республики Корея, Индии В. В. Мантатов приходит к выводу о том, что ныне успешно развивающиеся страны Востока создают предпосылки устойчивого, равноправного взаимодействия в разных областях, в перспективном межкультурном диалоге.

Духовные ценности как основа культурного развития, культурной и национальной идентификации являются не только этически-

⁴³ ЮНЕСКО // Официальный сайт. URL: (https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf) (дата обращения: 16. 01. 15)

ми ориентирами, но и основой воспитания и образования подрастающего поколения, средствами просвещения и убеждения, источниками дополнительных знаний для взрослого населения. Состоявшиеся личности, опытные профессионалы в своем самосовершенствовании не должны останавливаться, и моральные ценности никогда не исчерпают своего потенциала для всех, кто готов переосмысливать мировоззренческие позиции. Для трансформации общества на пути к устойчивому развитию необходимы конкретные предложения по формированию нового ноосферного сознания.

Теория устойчивого развития является одним из возможных путей дальнейшего развития человечества, стратегическим барометром интеллектуальных возможностей каждого индивида в отдельности и политической воли государств, мудрости и дальновидности ее правителей. Реальность такова, что перед лицом общей угрозы судьбам человечества необходимо выработать основы здравогомыслящего диалога, который был бы по душе высокопоставленным лицам, большим и малым народам, странам, конфессиям, местным сообществам, отдельным семьям и личностям. Песчинки формируют песок в дюны и барханы, каждая капля соединяется в единый мировой океан, также и мировые цивилизации отталкиваются от судеб людей. Хотят ли люди жить в гармонии с собой и друг с другом?

1.2. Трансграничье в междисциплинарных исследованиях

1.2.1. О понятиях «граница» и «пограничье»

В знаменитой работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (Encounter of Civilizations) говорится о территориальности локальных цивилизаций, из них именно смежные цивилизации формируют так называемое цивилизационное пограничье. Хантингтон говорит о непременной эскалации и захвате соседних пространств в результате экспансии⁴⁴. Соотношение центр — периферия всегда было предметом изучения в контексте великоимперской внешней политики, поскольку именно периферия формирует сообщество пограничной цивилизации и выход в сопредельные области для развития экономического, научного, культурного и политического сотрудничества.

⁴⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: [http://www. politnauka.org/library/classic/hant. php](http://www.politnauka.org/library/classic/hant.php) (дата обращения: 20. 12. 14)

Сотрудничество пограничных цивилизаций реализует собственные культурные, социальные связи вне зависимости от фактических географических и государственных границ, когда взаимодействия не ограничиваются ежедневными приграничными индивидуальными контактами, но формируют целые стратегические направления в рамках трансграничных договоров и соглашений.

В связи с трансформацией привычных российских границ после распада Советского Союза возникает потребность в изучении приграничья и пограничья в специальной отрасли научного знания лимологии. Автор учебного пособия по лимологии С. И. Дмитриева подчеркивает специфику и значимость предмета лимологии: «Лимология, или наука о границах (от греч. *limes* — граница), представляет собой исследовательское поле, на котором пересекаются интересы многих наук: географии, политологии, истории, социологии, науки о международных отношениях. Лимология изучает приграничные территории, пограничные институты, функции, процессы и т. п. Дисциплина возникла в конце XIX в. и получила распространение в крупных европейских странах и США. В новейших научных разработках, посвященных границам, активно применяется понятие Border (Boundary) Studies. Термин во многом эквивалентен понятию *лимология*, но фактически больший акцент делается на междисциплинарность исследований в области политической географии, истории, политологии, экономики, социологии, культурологии, экологии и пр.»⁴⁵.

К лимологии обращается В. А. Колосов, который анализирует развитие лимологических концепций особенно за последние 10–15 лет и возможности потенциального применения теоретических построений к изучению нового российского пограничья. Систематизируя развитие исследований политических границ, он отмечает, что с начала 1950-х гг. в лимологии превалировал функциональный подход в исследованиях трансграничных потоков людей, товаров, информации, взаимовлияния границ и элементов природного и социального ландшафта. К основным концепциям и достижениям вышеуказанного периода можно отнести: модели трансграничных взаимодействий на разных пространственных уровнях и типологию трансграничных потоков; изучение границ как многомерного и ди-

⁴⁵ Дмитриева С. И. Лимология: учеб. пособие / Воронежский государственный университет. — Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2008. — С. 5.

намичного социального явления; разработку концепции пограничного ландшафта и стадий эволюции приграничных территорий. Практическое применение получили разработки по пограничным вопросам, опыт трансграничного сотрудничества и регулирования социальных процессов на приграничных территориях, демаркация и делимитация новых политических границ.

В. А. Колосов фокусирует внимание на том, что с 1990 г. в лимнологии сформировалась мощная междисциплинарная отрасль, изучающая трансграничные эколого-политические проблемы и развиваемая главным образом политологами, специалистами по международному праву и географами. Целью данных исследований было решение глобальных и региональных/экологических проблем; управление международными речными бассейнами⁴⁶. В современном научном знании изучение пограничья или трансграничья ведется в разных аспектах: геополитическом, социологическом, историческом, демографическом, экологическом. Социокультурные аспекты все чаще становятся предметом исследования фронтального бытия, главной мыслью которых является сохранение трансграничного (пограничного) региона как формы отражения локальных цивилизационных взаимодействий, основанных на сходстве культурных ценностей.

Научные дискуссии о понятиях «граница», «рубеж», «фронт», «пограничье», «трансграничье», «приграничье», «окраина», «периферия» ведутся в интеллектуальной среде не только России, но также соседствующих стран: Польши, Белоруссии, Украины, Казахстана, Монголии, Китая. Следует провести разграничение относительно содержания и основного смысла понятий, соответствующих значению «граница» в русском языке. Многозначность и наличие коннотаций заставили ученых обратиться к аналогичным словам в других языках, в частности в английском. Здесь существуют, по крайней мере, три слова, передающих в русском языке слово «граница»: *border*, *boundary*, *frontier*.

На основе интерпретации разницы в значениях в разнообразных контекстах возникают подступы к теории пограничья. Слово «*border*» обозначает географическую границу, «*boundary*» относится

⁴⁶ Колосов В. А. Источники глобальной опасности // Журнал теории международных отношений и мировой политики. — 2011. — Т. 9. — № 3(27) [Электронный ресурс] URL: <http://www.intertrends.ru/index.htm> (дата обращения: 10. 02. 15)

к ментальной и культурной демаркации, понятие «frontier» первоначально в истории США обозначало движущуюся границу по мере освоения новых земель поселенцами и продвижения цивилизации на запад континента.

В 2000-х гг. теорию пограничья на примере изучения восточно-европейских рубежей активно разрабатывают белорусские ученые. При анализе понятия «borderlands», которое использовалось для обозначения расположенных вдоль политических (национальных) границ регионов с высоким уровнем экономического, социального и культурного обмена, О. Шпарага не ограничивает его смысл только приграничными взаимодействиями. Она считает, что этот термин стал распространяться и на описание ментального пространства границ между США и Мексикой, Канадой, затем на геополитический дискурс об этнической идентичности в Европе. Традиционные рамки и представления об идентичности в таком пограничном пространстве не могут быть применены к реальному жизненному опыту культуры, пересекающей границы⁴⁷.

Однако понятие «border» все же чаще истолковывают в тех случаях, когда необходимо указать на наличие юридически зафиксированной границы между двумя разделенными пространствами, в том числе между территориями двух государств, утверждает С. Харитонович, относя к этому понятию также и некоторую часть пространства, непосредственно прилегающую к зафиксированной границе, т. е. пограничье.

Под термином «boundary» С. Харитонович подразумевает границы внешнего естественного предела, т. е. то, что было сформировано самой природой или дано историей и потому не нуждающееся в дополнительном административном закреплении. Интересная интерпретация представлена Харитоновичем в отношении термина «frontier»⁴⁸. В определении фронта он ссылается на С. Панарина, где frontier тоже указывает на разделение пространства, в том числе по признаку его государственной принадлежности, и на пограничье. Но в обоих значениях эта категория подразумевает противопоставление одной территории другой. Соответственно в значении «госу-

⁴⁷ Шпарага О. Как и зачем концептуализировать Беларусь // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2004. — № 1–2.

⁴⁸ Харитонович С. Выстраивание Пограничья: анализ трансформационных импульсов // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2007. — № 1–2. — С. 143–156.

дарственная граница» *frontier* подчеркивает наличие разделительной черты, снабженной всеми необходимыми атрибутами разграничения пространства — таможней, пограничной службой, контрольно-пропускными пунктами и т. п. Считается, что *frontier* как неопределенный в количественном отношении пояс земель исчезает после того, как обретает статус политико-юридической границы, признанной как минимум двумя субъектами его легитимации. Если говорить о государственных границах, то процесс их полного превращения в *border* проходит несколько этапов⁴⁹. Значение этого термина как «пограничье» указывает на нечто неопределенное и даже подвижное, на пояс земель, в восприятии которого доминируют не количественные параметры, а качественные. Фронтир как промежуточная зона между двумя цивилизациями характеризуется Харитоновичем не как реальная, а идеальная граница, которая может и не улавливаться сознанием⁵⁰. В данном толковании фронта как пограничья кроется эвристическая идея, связанная с особыми взаимоотношениями этносов, веками складывающимися многообразным социокультурным бытием.

Реальные и нереальные границы, а соответственно два подхода разграничивает и О. Бреская, к одному из них она относит исследования географического пространства, а второй подход связывает с воображаемыми границами. В связи с этим О. Бреская анализирует разные смысловые оттенки понятий *border studies*, *boundary studies*, *frontier studies*. При анализе первого понятия Бреская солидаризируется с большинством авторов теории Пограничья и обозначает это в качестве демаркационной линии и проблемы приграничных районов. Со вторым понятием автор связывает процессы культурной диверсификации и мультикультурализма, постколониальные и гендерные исследования. Под фронтиром в данной точке зрения понимается территория на краю культурного образования, место, где одна культура взаимодействует с другой. Фронтиры — это «области между» и результаты особых исторических обстоятельств.

При анализе приграничных и пограничных взаимодействий

⁴⁹ Цит. по: Харитонович С. Выстраивание Пограничья: анализ трансформационных импульсов // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2007. — № 1–2. — С. 143–156.

⁵⁰ Харитонович С. Выстраивание Пограничья: анализ трансформационных импульсов // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2007. — № 1–2. — С. 143–156.

О. Бреская выделяет социальный аспект и индивидуального или коллективного субъекта со способностями формировать границы присутствия в публичном пространстве. Для обозначения специфических функций социальных смыслов и целеполаганий автор вводит еще одно понятие «граница» и развивает мысль о так называемой четвертой «2-Б модели Пограничья». Разницу в понятиях, обозначающих значение «граница», О. Бреская видит также в возможности изменения субъекта и выполнении социальных функций. Пересечение государственной границы не отражается на изменении субъекта, а «boundary» понимается как зона истощения влияния субъекта и присутствия ментальной линии между субъектами, соответственно пересечение этой границы влечет за собой изменение субъекта. А вот в четвертой 2Б-модели границы и пограничные пространства сосуществуют⁵¹. О. Бреская не включает в эту четвертую модель качественные характеристики фронтирного бытия, хотя отдает должное исторически сложившемуся культурному взаимодействию в промежуточном пространстве, представленному в качестве особой контактной зоны.

Говоря о реальных и идеальных, материальных и воображаемых, конкретных и ментальных границах, необходимо осознать разные способы актуализации проблематики, связанной с феноменом промежуточного пространства. Характерным признаком культуры является наличие схем воображения или воображаемых границ, которые могут достигать определенной степени социальной убедительности и даже обрастают социальной властью, считает Г. Миненков. Граница устанавливается логикой идентичности, и поэтому понятие «пограничье» как «borderlands» может приобретать особое значение в конструировании границ⁵². В любом случае «пограничье» в ментальной форме, воображаемой модели способно объединять или разделять целые народы, местные сообщества, профессиональные группы, семьи, отдельных индивидов, вследствие чего социокультурное пространство между границами все время находится в постоянном изменении.

Изучение пограничья с точки зрения топика пространства осу-

⁵¹ Бреская О. Введение в пограничную теорию // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2007. — № 1–2. — С. 156–175.

⁵² Миненков Г. Европейская идентичность как горизонт белорусского воображения // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2006. — № 3–4. — С. 22–39.

ществляет И. Бобков, который определяет пограничье как пространство, прилегающее к границе, соединенное и связанное с границей, пространство, для которого именно граница является организующим принципом, сущностью и центром притяжения. В характеристике своеобразия пограничного пространственного статуса здесь подчеркивается парадокс, т. е. определение целостности через факт собственной разделенности, встречи и перехода Своего и Чужого или Единого и Иного. В геометрической проекции И. Бобкова рассматривается соотношение центра и периферии сквозь призму европейского мышления, особенность которого заключается в восприятии пограничья, существующего только как механическое соединение разделенных границей двух периферий.

Для того чтобы сложить более менее объективную картину, необходимо сравнить разные подходы, стили мышления. И. Бобков справедливо противопоставляет восточную онтологию, иной способ восприятия мира, и обращается к даосизму, где центральным понятием является не Дао, а Тай Ци (Тай Чи) — Великая Граница. И вся даосская мудрость — это мудрость существования в пограничье, мудрость присутствия в динамическом событии разграничения, встречи и перехода Инь и Ян, Своего и Чужого. Бобков находит в альтернативной онтологии такой горизонт, в котором пограничье может быть увидено как определенная динамическая целостность или разрыв тождества, но в то же время событие. При такой геометрии пограничье не является периферией: динамика пространства основывается не на получении импульсов из центра, а на столкновении сущностей, их разграничении и соединении⁵³.

Как видно из вышеизложенного, в точке зрения И. Бобкова имеется попытка сопоставить западную и восточную точки зрения на сущность пограничья. Он извлекает глубокий и эвристический смысл из диалектического единства и противоречия целого и его частей, единства и разграничения, разрыва и сосуществования далеко не разных пограничных миров. Целеполагание любых действий наполняется дополнительным смыслом настолько, что в области межкультурного пограничного взаимодействия активизируются, обнажаются глубоко спрятанные в обычной ситуации мотивы, чув-

⁵³ Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2005. — №3–4. — С. 127–137.

ства, намерения. Опыт пограничья богаче и значительнее того, что обычно ассоциируется с периферийным бытием. Сама жизнь предоставляет широкие и неограниченные возможности проявления внутреннего опыта индивида.

Изучение пограничья белорусскими учеными находится в одном русле с осмыслением пограничного бытия польскими гуманитариями по ту сторону фактической государственной границы. Подвергаются рефлексии способы контактирования на исторически сложившейся истории взаимоотношений родственных народов. Также как для белорусов или украинцев, для поляков пограничные процессы являются достаточно сложными, корнями уходящими в глубь веков.

Польский ученый Я. Кеневич определяет пограничье как пространство цивилизационной идентификации, деление последствий особого типа межличностных отношений, связанных с существованием границ и их пересечением. Я. Кеневич также обращается к пространственной теории и характеризует пограничье как пространство, связанное с одной цивилизацией, а не промежуточным состоянием и реальностью «между цивилизациями». На примере Речи Посполитой Я. Кеневич рассматривает цивилизационный диалог на Пограничье, задавая вопрос, была ли Речь Посполитая не только многокультурной и многорелигиозной, но и многоцивилизационной. Пограничность в данном случае оказывается обстоятельством освоения чуждости. Поэтому Я. Кеневич задается вопросом, как в контексте идей Пограничья можно интерпретировать часть евроазиатского континента, расположенную между Эльбой и Днепром? Проживающие здесь люди, в том числе и в Речи Посполитой, на протяжении тысячелетия находятся в сфере воздействия нескольких цивилизаций, формируя свою цивилизационную принадлежность, определяя диапазон воздействия самостоятельно функционирующих форм государственного правления. Цивилизационное Пограничье обосновывается автором состоянием социальной системы, обусловленным способностью к диалогу. Принадлежность к одной и той же цивилизации доказывается соотношением периферии и центра. Периферийные сообщества сформировались на месте прежнего пограничья, т. е. располагались пригранично по отношению к великим центрам, считающим себя цивилизациями. Несмотря на внешние и сильные влияния извне, эти сообщества идентифицировали себя с той цивилизацией, которую считали своей. Данное

положение Я. Кеневич доказывает историей европейского пограничья Нового времени. В прошлом веке такие сообщества встречались повсеместно в Евро-Азии, к тому же эти пограничные сообщества активно принимали участие в европейской экспансии, охарактеризованной Кеневичем при помощи концепции Европы на Востоке⁵⁴. Обширный ареал Восточной Европы представлен как западный вариант евразийского фронта на западных рубежах Российской Федерации, исторически вовлеченный в многовековые распри, изменения границ и перераспределения власти.

Осознание так называемой европейской идентичности не всегда можно объяснить только историческими процессами. Признание периферийного состояния не означает обязательное противостояние центру цивилизационного образования. В сравнении двух концепций соотношения центр — периферия в рамках теории пограничья необходимо подчеркнуть перспективные идеи И. Бобкова, когда взгляды на пограничное сосуществование опираются на разумный и равноправный диалог Запада и Востока.

С точки зрения «пограничья» Украина, Беларусь, Польша одинаково находятся у западных границ России, в срединном пространстве между Востоком (Россией как Евразией) и Западом, так что по ту и другую сторону они осознают свое промежуточное бытие и часто не могут определить свою собственную идентичность именно по причине своего состояния «между». Ситуация усложняется и в политической, экономической областях, когда наступает момент выбора стратегических партнеров, и тогда возникает проблема равноправия и признания ЕС граничащих с Россией восточно-европейских соседей действительно европейскими сообществами. В этом плане существует расхожее мнение о том, что это страны Восточной Европы. Намекая на не совсем европейскую принадлежность, западные соседи не всегда склонны считать их принадлежащими к подлинно европейской цивилизации.

К западному пограничью Российской Федерации относится и Балтийский регион. Исследуя потенциал инегративных процессов Калининградской области как территории с особым статусом, коллектив ученых РГУ обобщил знания о социально-экономических

⁵⁴ Кеневич Я. Обстоятельства диалога на пограничье: некоторые размышления // *Debaty IBI AL*. Т. 4. Цивилизационный выбор и пограничье. — Варшава, 2011. — С. 91–107.

процессах приграничных российских регионов, к которым по формальному признаку совпадения одной из границ с государственной можно отнести 48 субъектов Российской Федерации. Более 70% из всех приграничных субъектов РФ депрессивные, как это в 2006 г. показывают авторы в коллективной монографии под ред. В. П. Гутника, ситуация с тех пор кардинально не изменилась. Большинство из них по базовым показателям социально-экономического развития (региональному валовому продукту на душу населения, инвестициям в основной капитал на душу населения, удельному весу убыточных предприятий и т. д.) существенно уступает другим российским регионам. Кроме того, и самим приграничным регионам свойствен «синдром приграничья». Как правило, чем дальше тот или иной район от регионального центра и ближе к границе, тем меньше экономическая активность, тем беднее население, пустыннее и безлюднее территория.

Авторы выделяют помимо внутренних социально-экономических и политических связей четыре типа внешних связей:

а) между приграничными и центральными регионами (как правило, наиболее интенсивные для приграничных регионов, но меньшие по интенсивности по сравнению со связями между центральными регионами);

б) между самими приграничными регионами (практически всегда довольно слабые);

в) транзитные — проходящие через приграничные регионы связи между центральными регионами разных стран;

г) трансграничные связи самих приграничных регионов.

В силу своего географического положения приграничные районы являются «зоной контакта» России с внешним миром. Использование этого контактного потенциала, развитие приграничного сотрудничества с регионами соседних стран могут и должны стать базой для вывода приграничных регионов России из нынешнего депрессивного состояния, считают калининградские авторы. На основе классификации внешних связей выделяются типы сотрудничества: трансграничная кооперация (cross-border cooperation) — тесное сотрудничество между прилегающими приграничными регионами и межрегиональная кооперация (inter-regional cooperation) — субъективно-ориентированное сотрудничество между региональными и местными органами власти и другими организациями, которые могут быть расположены в любом месте государственной тер-

ритории. Интенсивность кооперации на западном пограничье РФ иллюстрируется примерами из европейской интеграции, среди которых интегрированные и зарождающиеся еврорегионы, скандинавские группировки и рабочие сообщества образуют пространственные образования субнационального уровня, включающие в себя регионы нескольких государств и отличающиеся активным приграничным и межрегиональным сотрудничеством и постоянно растущим уровнем социально-экономической интеграции⁵⁵.

Калининградские авторы делают акцент на развивающемся потенциале еврорегионов. Создание еврорегионов — перспективная форма не только приграничного, но и в широком смысле фронтирного сотрудничества. Схожие выводы делает и С. Харитонович:

«Новый взгляд на Пограничье состоит в том, что природу границы сегодня нельзя изучать только как разделительную черту между двумя странами. Во все более взаимозависимом и интегрированном мире заметную роль играют наднациональные организации, например «единая Европа» (т. е. государства Европейского союза). Барьерная функция границы сильнее там, где она разделяет не страны, а военно-политические или экономические блоки⁵⁶.

О связях типа А между приграничными и центральными регионами много говорится в других концепциях о соотношении и неравнозначности центра — периферии. Не секрет, что авторитетный центр часто подавляет нормативными указаниями инициативы периферии, не всегда положительно влияя на стратегию развития приграничных регионов. Связи типа Б и В относятся к отрегулированному ритму взаимодействия, где каждый актор является простым винтиком большого механизма приграничной зоны. С точки зрения перспективных взаимосвязей и творчески разрабатываемых стратегий связи типа Г представляют особый интерес, потому что они влияют на самосознание фронтирного бытия и проявления региональной, а может быть даже межцивилизационной идентичности. Только трансграничное сотрудничество охватывает не только приграничные регионы, но и широкое пространство географического

⁵⁵ Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза / под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. — С. 74.

⁵⁶ Харитонович С. Выстраивание Пограничья: анализ трансформационных импульсов // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2007. — № 1–2. — С. 144.

ареала, не имеющего непосредственного соприкосновения с государственной границей. Только связи типа Г могут породить евразийский фронтир со всем комплексом межличностных, межэтнических, межрелигиозных, институциональных, межгосударственных связей.

О вопросе, имеется ли разница в понятиях «пограничье» и «трансграничье», исследователи не имеют единого мнения. Д. В. Сергеев выдвигает предположение, что «пограничье» и «трансграничье» не описывают разные типы границы, а подчеркивают скорее разные состояния, этапы и динамику развития взаимоотношений между территориями. В терминах «пограничье» и «приграничье» приставки «по» или «при» фиксируют направленность движения вдоль линии границы, но никак не через нее, в то время как префикс «транс» в термине «трансграничье» указывает на преодоление заданных пределов. В отличие от калининградских ученых Д. В. Сергеев также отмечает, что житель трансграничья социально мобилен и предприимчив. Он живет в трансграничных ритмах, которые могут значительно отличаться от ритмов других (центральных) регионов⁵⁷.

В понимании Сергеева «пространство, где происходит непосредственное соприкосновение культур, может быть обозначено термином «пограничье», а там, где идёт речь о взаимодействии, может быть использовано понятие «трансграничье»⁵⁸. Очевидно то, что автор склонен под термином «пограничье» подразумевать существование соседних культур в статике, без взаимного влияния и обогащения. Зато «трансграничье» ассоциируется с преодолением границ и динамикой культурного взаимодействия.

Проанализировав теоретические подходы к изучению соседствующих регионов, можно прийти к выводу о том, что понятия «пограничье» и «трансграничье» являются в достаточной степени идентичными, и могут быть использованы в качестве взаимозаменяемых синонимов. Третий термин «фронтир», как уже было сказа-

⁵⁷ Сергеев Д. В. Трансграничье в изменяющемся мире // Журнал / Забайкальский гос. гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. — 2010. — № 1 [Электронный ресурс] URL: http://elibrary.ru/title_items.asp?id=31023 (дата обращения: 02.02.15)

⁵⁸ Сергеев Д. В. Постмодернистская модель в осмыслении понятий Пограничье, Трансграничье, Лимитрофа // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского филос. конгресса. — Т. 4. — М.: Современные тетради, 2005. — С. 390–391.

но выше, охватывает разнообразные потоки, смыслы, действия, процессы в промежуточном пространстве и поэтому отражает и динамику, и целеполагание, и перспективы многостороннего взаимодействия. В связи с этим в дальнейшем тексте мы будем использовать все три термина для обозначения межцивилизационного диалога, преодолевающего видимые и невидимые границы, с приоритетом в пользу термина «фронтир».

1.2.2. Граница и трансграничный регион

Феномен трансграничья (фронтира) играет все большую роль в эпоху глобализации в связи с необходимостью адаптироваться к стиранию физических, а порой и географических, границ, к формированию единого информационного пространства, ускорению и интенсификации контактов на разных уровнях. В зависимости от внутренней политики центра жизнь периферийного сообщества строится по разным сценариям. Не случайно считают пограничье пространством, где цивилизационные признаки внутреннего ядра размываются. Так происходит почти во всех промежуточных регионах Евро-Азии, где соединяются цивилизации Запада и Востока. Россия имеет протяженную границу с множеством государств и различных культур, соответствующие приграничные регионы являются не просто периферией по отношению к федеральному центру, но и средоточием активной кросскультурной коммуникации.

На основе анализа литературы по исследованию трансграничных отношений Т. Ю. Черкашина, Т. Ю. Богомолова выделяют три методологических подхода. Историко-географический подход изучает стремление трансграничных территорий сохранить свою объективную целостность. Институциональный подход подразумевает исследование существующих в настоящее время разнообразных форм взаимоотношений акторов на трансграничной территории, инструментов регулирования данных отношений, а также способов формализации взаимодействий. Эволюционный подход предлагает выделять в трансграничном сотрудничестве различные формы, связанные со ступенями эволюционной зрелости политической организации отношений. Авторы подчеркивают эвристическую значимость эволюционного подхода, который позволяет проследить этапы эволюционной зрелости трансграничных отношений от простейших приграничных контактов до сетевой формы трансгранич-

ного сотрудничества в условиях глобализации⁵⁹. Эволюционный подход претендует на разновидность цивилизационного подхода и охватывает разнообразные аспекты взаимодействий, прежде всего культурно-исторического и социокультурного характера, что может говорить об использовании диалектических принципов развития общества.

Американский ученый индийского происхождения Х. Бхабха предлагает культурологический подход к изучению пограничья в контексте постколониальных реалий и иммигрантской волны в западных странах. Х. Бхабха использует метафору «срединного пути» в качестве обозначения промежуточного положения мигрантов в постколониальной ситуации, когда массовая миграция на Запад выступает как следствие осуществленной колонизации Востока. Таким образом, западное общество заполняет вакуум, полученный в результате разрушения родообщинных, племенных отношений и семейных уз. Выводы Х. Бхабхи основаны не на абстрактных сторонних наблюдениях, а отражают реальную жизненную практику тех, кто поменял местожительство, но не нашел себя в новом обществе. Он пишет: «Пограничье западной цивилизации является верным признаком ее конечности: колониальное пространство исчерпало себя, а энергичный дискурс постколониальной иммиграции разрушил холизм истории. Постколониальное пространство остается «вторичным» по отношению к центру метрополии, оно занимает подчиненное положение, но уже не возвеличивает Запад, а перекраивает его границы посредством агрессивного полемического пограничья (культурного различия), которое никогда не бывает количественным приростом, но всегда выявляется как нечто иное по отношению к доминирующей нации и ее оппонентам».

Концепция Х. Бхабхи о сущности пограничья (трансграничья) фокусирует на предельно сложном и многослойном характере взаимоотношений, ощущений, интерпретации, понимания, рефлексии иммигрировавших индивидов. Он приводит пример индивидуальных историй, нарратива, литературного творчества, критики в состоянии своеобразного изгнания, когда интерпретаторы эстетического осмысления действительности находятся между культурами.

⁵⁹ Черкашина Т. Ю., Богомолова Т. Ю. Трансграничные отношения сибирских регионов: методолого-методические подходы к изучению // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы VI всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Барнаул, 25-26 июня 2012 г.) / под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова. — Барнаул: Си-пресс, 2012. — Т. 1. — 295 с.

Само название статьи Х. Бхабха «Местоположение культуры» содержит символический смысл и посвящается размышлениям о раздвоенной личности писателей постколониальных обществ, их непросто́м самоосознании своего положения между двумя культурами. Несмотря на доступность достижений цивилизации, многие творческие личности ощущают себя в эмиграции бездомными. Многие из них находятся в промежуточном состоянии, и это часто приводит к психологическому надлому. Проблема промежуточности выливается в проблему самоидентификации. Х. Бхабха, опираясь на деконструкцию Ж. Деррида, выдвигает нестандартную идею для представителей постколониальной литературы — писатели бывших колоний должны построить новый дискурс, оставив позади основные ценностные позиции метрополии.

Еще одна интересная мысль была высказана Х. Бхабхой, она касается определения локальности через темпоральность в противовес горизонтальности и историцизму как характеристикам традиционного взгляда на нацию и культуру. Пространство современной нации не горизонтально, считает Х. Бхабха, поэтому, говоря о проблеме ассимиляции иммигрантов в западной культуре, выделяем символизм и эмоциональность как признаки новой культурной идентичности⁶⁰. Если пограничье культур и промежуточное пространство многослойны, то горизонтальная структура переходит в вертикальную, состоящую из разных культурных слоев. Отсюда следует, что Х. Бхабха уловил диалектические противоречия современного западного общества, состоящего из большого количества мигрантов из бывших колоний и не желающих интегрироваться в европейское сообщество, пытаясь сохранять свою культурную идентичность в новых условиях. Доказательством правдоподобия концепции Х. Бхабхи можно назвать сложные и противоречивые явления и процессы в Западной Европе 2000-х гг., которые усугубляются миграционным кризисом в Западной Европе с 2015 г.

Понятие пограничья сегодня далеко не ограничивается географическими рамками, а, по словам Г. Миненкова, способом восприятия ситуации культуры, положением в этой культуре «промежуточных» пространств и конструированием соответствующих идентичностей. Анализируя концепцию Х. Бхабхи, Г. Миненков подчер-

⁶⁰ Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2005. — № 3–4. — С. 161–192.

кивает необходимость выработки новой индивидуальной или коллективной идентичности. По-другому теперь осмысливается и традиция. Посредством реструктуризации прошедшего и внесения в него инновременных культурных конструктов осуществляется избрание традиции и как следствие происходит столкновение изначальной идентичности традиционного общества и постколониальных реалий в ситуации пограничья.

«Срединный путь» в пограничье ведет к гибридной идентичности, по определению Х. Бхабхи. Интерпретируя теорию ученого, Г. Миненков характеризует гибридность как пространство согласования, т. е. третье пространство между колонизаторами и колонизируемыми — это местоположение и есть пограничье. Гибридность пересекает границы, она изменчива, но отражает не равенство, а зависимость позиций⁶¹. Очевидно то, что гибридность, о которой пишет Х. Бхабха, является новой формой проявления идентичности пограничья в постколониальном обществе. Писатели, критики этого пограничья тоже находятся в состоянии гибридности и гибридно все их постколониальное творчество, в недрах которого очень трудно определить истинно национальные традиции и вновь воспринятые культурные ценности и символы. В контексте событий 2015 г. — катастрофического наплыва в Европу беженцев из арабских стран так называемая гибридность может уступить место коллапсу европейской идентичности под угрозой экспансии чуждой культуры.

Определенный вклад в теорию пограничья вносят ученые Сибири и Дальнего Востока. Феномен трансграничья представляет собой комплекс уровней, структур, процессов т. д. и поэтому требует применения междисциплинарного подхода. Авторы коллективной монографии под ред. П. Я. Бакланова и М. Ю. Шинковского «Трансграничный регион: понятие, сущность, форма» разработали методологическую базу междисциплинарной теории трансграничья и определили понятийно-категориальный аппарат данного феномена. Анализ трансграничья осуществлен научным коллективом с применением таких подходов как исторический, экономический, географический, геополитический. Такой широкий спектр подходов позволил коллективу многосторонне проанализировать трансгранич-

⁶¹ Миненков Г. Европейская идентичность как горизонт белорусского воображения // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2006. — № 3–4. — С. 29–30.

ные взаимодействия и найти ключи к пониманию сложных социокультурных явлений в промежуточном пространстве между культурами.

Авторы монографии приходят к выводу о том, что трансграничность в новом качестве есть порождение глобализации и свидетельство тенденций к углублению интеграции на разных уровнях межкультурных взаимодействий. Трансграничье, очевидно, — это целостная органическая саморазвивающаяся система, включающая границу и прилегающие к ней территории, характеризующаяся постоянными изменениями и противоречивостью. Трансграничье в любом географическом местоположении представляет собой определенное качество пространства вместе с присущими только этому региону историческими, культурными, экономическими и другими характеристиками. Трансграничная территория может быть объектом сотрудничества, зоной конфликта и зоной возникновения новых государств. Авторы отмечают синонимический ряд понятия «трансграничье» с такими понятиями, как «транслокальность», «транснационализм», «детерриторизация». Авторы монографии, также как и многие другие ученые, отмечают сложную структуру социокультурного пространства, в которой переплетаются географический, культурно-исторический, политический, экономический, правовой и другие аспекты.

Авторы монографии называют «пограничным пространством» границы приграничных регионов, тем самым подразумевая социально-географическую зону вдоль границы и в прилегающей около границы территории, где протекают процессы взаимодействия и взаимовлияния с соседними приграничными сообществами⁶². Пограничное пространство в интерпретации данного коллектива исследователей ограничивает зону контактов территорией вдоль и около границ, тогда как белорусские и польские исследователи подразумевают под пограничьем довольно широкий диапазон межкультурного взаимодействия.

В социокультурном пространстве трансграничного региона Т. Н. Кучинская выделяет центры-ядра, обозначающие национальные социокультуры, региональные и локальные социокультурные образования стран-участниц. Нельзя не согласиться с тем, что Т. Н. Кучинская подчеркивает принципиальную открытость транс-

⁶² Трансграничный регион: понятие, сущность, форма: монография / науч. ред. П. Я. Бакланов, М. Ю. Шинковский. — Владивосток: Дальнаука, 2010. — 276 с.

граничного региона, что позволяет социокультурному разнообразию двух сопредельных приграничных культур функционировать как единое целое на основе трансграничного взаимодействия, представляющего специфический интеграционный потенциал соразвития.

Достаточно продуктивной представлена типология трансграничного регионализма, где в российском пространстве выделяют европейскую, постсоветскую и азиатскую модели трансграничного регионализма. Европейская модель трансграничного регионализма во многом руководствуется принципами и подходами, выработанными в ЕС и Совете Европы, в частности, Европейской рамочной конвенцией о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ. До недавнего времени «еврорегионы» рассматривались как эталон трансграничного регионализма, однако кризисные явления в ряде стран-участниц последних лет ставят это утверждение под сомнение. Под постсоветской моделью трансграничного регионализма подразумеваются ныне страны СНГ, бывшие республики СССР. Экономические и политические разногласия с соседними странами затрудняют процессы интеграции. Азиатская (китайская) модель трансграничного регионализма определяет специфику приграничного сотрудничества для регионов России, приграничных с Китаем и Монголией. На юго-восточных границах России формируются новые пространственные формы трансграничного взаимодействия, условно обозначаемые трансграничными региональными парами, центрами которых выступают российские территории Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья с одной стороны, и Северо-Восточного региона КНР с другой стороны. Китайская модель трансграничного регионализма является значимой для России в плане развития восточных приграничных регионов и интеграции в макрорегиональное пространство Северо-Восточной и Восточной Азии, что обуславливает необходимость её детального анализа с целью выработки эффективной модели соразвития⁶³.

Азиатская модель трансграничья представляется достаточно перспективной в свете последних политических событий вокруг Украины, экономических санкций западных государств против России и напряженных дипломатических отношений с альянсом ЕС и

⁶³ Кучинская Т. Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // Современные проблемы науки и образования. — 2011. — №6. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2011/6/106.pdf> (дата обращения: 01.02.15)

США. Динамично развивающийся Китай становится все более притягательным партнером для стратегического сотрудничества на Востоке. В контексте типологии моделей трансграничных регионов возрастает значимость Байкальского региона как территории евразийского фронта. В целом же все три вышеупомянутые модели свидетельствуют о том, что трансграничье — это обобщенная формула не типичных для глубинных российских регионов жизненных ценностей, установок, стилей поведения и коммуникации, способов хозяйствования.

Социально-философский анализ трансграничья и его составных компонентов часто осуществляется с позиции международного права. Так, А. В. Ярошенко рассматривает феномен трансграничья прежде всего как систему международных социальных взаимодействий и к основным ее элементам относит регион, сотрудничество, образование, культуру, торговлю, рынок (труда), исследование, институты, агломерацию, развитие, передачу персональных данных, радиовещание, трансграничные миграционные процессы и т. д.

По поводу сущности понятия «трансграничье» А. В. Ярошенко высказывает обобщенную точку зрения, определяя этот феномен в идеальном варианте как пространство, где легально и систематически взаимодействуют юридические и физические лица, социальные системы, относящиеся к сопредельным государствам, с целью осуществления взаимобмена товарами, услугами, материальными, информационными, культурными, интеллектуальными, трудовыми и другими ресурсами. Это сотрудничество относится как к приграничным регионам, так и к территориям, непосредственно к границе не прилегающим. В определении понятия «граница» А. В. Ярошенко особо выделяет пределы и линию раздела. С точки зрения современного международного подхода граница — это рубеж национальной территории, это прежде всего физический рубеж, который ограничивает территорию государства. Под границей автор подразумевает функции национального суверенитета, и поэтому в термин «трансграничный регион» включаются три основных компонента: ограниченное пространство, сообщества или группы населения; а также взаимоотношения, которые между ними возникают⁶⁴.

Исторический и геополитический ракурс можно найти у

⁶⁴ Ярошенко А. В. Проблемные пути концептуализации трансграничья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2012. — № 152. — С. 43–44, 41–47.

Н. С. Розова, который называет трансграничье ровесником эпохи национальных государств, поскольку до нее внешние границы империй были подвижны, нередко размыты или вовсе отсутствовали. Фактически огромные зоны, на которых осуществлялось взаимодействие между малыми и сконцентрированными цивилизационными центрами, такими как Египет, Месопотамия и Греческий мир; Восточный и Западный Рим, Западная Европа, Литва, Московия, Персия, арабские халифаты, Китай, Северная Индия, Тибет, Япония, Корея и т. д., Н. С. Розов называет прототрансграничьем. В сравнении с современным статусом международных границ официально закрепленные рубежи в прошлом были относительно, поэтому, согласно мнению Н. С. Розова, эти обширные пространства резко сокращались по мере проведения, укрепления и контроля за границами со стороны государств⁶⁵. Применительно к евразийскому фронтиру между Россией и Монголией действительно существовала зона передвижения кочевых племен, промежуточное пространство осваивалось веками и торговлей. Размытость границ во многих вышеперечисленных случаях была исторически обусловлена и оправдана.

Но при этом история знает немало случаев агрессии и насилия. Н. С. Розов обращается к примерам отрицательных действий в трансграничье, среди которых были военные, насильственные (набеги, малые и большие войны, завоевания, карательные рейды вплоть до геноцида) и геополитические взаимодействия (аннексии, перенос границ, смена сфер влияния, установление особых режимов и т. д.) В противовес многовековой истории войн и конфликтов автор приводит пример активного и успешного развития трансграничья — это современная европейская интеграция⁶⁶. К удачным геополитическим союзам можно отнести и АСЕАН, ЕАЭС, ШОС, НАФТА, БРИКС и др.

В Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова зафиксировано значение еще одного слова, семантика которого близко отражает понятие «граница». «Лимитроф (-а)» происходит от латинского слова «limitrophus» — пограничный. Первоначально этим словом обозначались государства, образовавшиеся после Ок-

⁶⁵ Розов Н. С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия—Китай—Монголия: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16—20 окт. 2006 г.). — С. 109—113. URL: www.nsu.ru/filf/rozov (дата обращения: 10. 02. 15)

⁶⁶ Там же.

тябрьской социалистической революции на окраине бывшей Российской империи, — Эстония, Литва, Латвия, а также Финляндия⁶⁷.

Термин «лимитроф» был обновлен и переосмыслен в геополитическом контексте В. Л. Цымбурским: «Становилось ясно, что все бывшее постсоветское пространство прочерчивается как единый пояс. Единый пояс, отделяющий Россию от всех примыкающих к незамерзающим океанам центров силы и цивилизационных центров: это Евроатлантика это арабо-иранский Ближний и Средний Восток, это Индия. Прочерчивается гигантская «подкова», отделяющая Россию от этих территорий. «Подкова» западной Евразии. Стало ясно, что это единая система, которую я обозначил понятием «Великий Лимитроф». Но одновременно шли интересные процессы в Восточной Азии. Проблема тогдашнего режима в Монголии, достаточно четкого антироссийского. Проблема возможной дестабилизации в Южной Сибири — в Туве, Бурятии. Возникла мысль о возможности потрясений в этом поясе. Что это будут за потрясения? Возникает некая специфическая система, отодвигающая Россию от Китая и управляемая США и Японией. Об этом писал патриотический эксперт Суриков. Или же это будет пояс, направляемый Китаем и в значительной степени оказывающийся под его контролем? Таким образом, модель Великого Лимитрофа пришлось дополнить восточной частью, поясом тюркских, монгольских, как говорят лингвисты, алтайских народов, простирающихся по стыку России и Китая и замыкающихся на еще одном алтайском народе — корейцах. Очерчена была система Великого Лимитрофа — от Корейского полуострова до Финляндии»⁶⁸.

Термин «лимитроф (а)» в современной научной литературе обозначает культурное пространство между цивилизациями, и связывают это с подвижной границей между двумя мирами, развивающимися на стыке и несущими характеристики и того, и другого сообщества. Д. В. Сергеев не ограничивает местоположение лимитрофа и не связывает с физической границей между государствами, поскольку мир сегодня не может локализоваться в конкретном пространстве, а становится все более открытым к информационному

⁶⁷ Толковый словарь / Д. Н. Ушаков. URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/ushakov/limitrof> (дата обращения: 10. 02. 15)

⁶⁸ Цымбурский В. Л. Россия: линии разлома. URL: <http://anti-glob. narod.ru/st/stzymb.htm> (дата обращения: 10. 02. 15)

воздействию⁶⁹.

Лимитрофом называет цивилизационную границу между Европой и Азией и И. Г. Яковенко, при этом он подчеркивает, что рубеж пролегает западнее Урала и Каспия и не является устойчивой, неподвижной сущностью. Основная мысль — это то, что понятие «лимитроф» фиксирует континуум переходных состояний между цивилизациями. И. Г. Яковенко считает, что евразийство возникло как цивилизационная рефлексия лимитрофа, тем самым подчеркивает диалектическую сущность лимитрофа как пространства, не разделяющего страны и народы, но объединяющего в контексте совместного цивилизационного развития⁷⁰.

Идея объединения народов под идеей российской государственности находит отражение в суждении У. А. Винокуровой, которая считает, что понятие «лимитроф» охватывает европейскую, исламскую, китайскую цивилизации. При отсутствии ядерной целостности Российская империя создавала свою цивилизацию и столицы России — г. Москва, Санкт-Петербург — были воздвигнуты на лимитрофе Европы. Нельзя не согласиться с мнением У. А. Винокуровой о том, что другие части империи относились к лимитрофам азиатских цивилизаций⁷¹. Как следствие срединного положения и одновременной принадлежности к Европе и Азии в России появляется идеология евразийства.

Если сравнивать понятия «трансграничье», «лимитроф» и «фронтир», можно прийти к выводу о том, что в каждом из них содержится идея ментального конструирования границы между двумя мирами, воображаемый континуум, наполненный метафорическими образами, символическими понятиями о разных уровнях социальных отношений с соседями. Лимитроф имеет некоторые схожие моменты с фронтиром, но фронтир имеет более широкое значение, больший онтологический смысл.

Содержательную сторону феномена пограничья У. А. Винокуро-

⁶⁹ Сергеев Д. В. Постмодернистская модель в осмыслении понятий Пограничье, Трансграничье, Лимитрофа // *Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского филос. конгресса*. — Т. 4. — М.: Современные тетради, 2005. — С. 390–391.

⁷⁰ Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. — Новосибирск, 1999. — С. 19.

⁷¹ Винокурова У. А. Евро-Азия: дефис как лимитроф цивилизационных процессов / *Debay Artes Liberales*. — Т. 7. Пограничье Евро-Азии. — 2013. — С. 57–73.

ва изучает с антропологических и этнографических позиций, она исследует это явление в контексте проблематики этнического самосознания и идентификации. Для выявления специфики эволюционного процесса этничностей в условиях межкультурного взаимодействия У. А. Винокурова выделяет три аспекта изучения пограничья как пространства. Первый, когнитивный аспект связан с концепцией Л. Н. Гумилева, где пограничье выражается в этническом опыте осмысления месторазвития и его фиксации в виде географических терминов, этнических понятий. Второй аспект описывает разные формы взаимодействия культур Пограничья, третий аспект выделяется на основе определения цивилизации Я. Кеневича и анализа соотношения этнической и цивилизационной принадлежностей.

На основе моделирования этих аспектов выделяется восемь видов культурных границ: контактные, барьерные, имманентные или трансцендентные, разграничение или отграничение, нормативные или ненормативные, позитивные или негативные, конъюнктивные или дизъюнктивные, эндогенные и экзогенные. В пределах этих видов границ формируется ментальность приграничного сообщества, с точки зрения направленности этнических контактов Пограничья. У. А. Винокурова особо подчеркивает внутренние (интериорные) и внешние (экстериорные) границы национального менталитета. Интериорные границы могут быть запряжаны очень глубоко и проявляются в авто- и гетеростереотипах межэтнических отношений. Или, по-другому говоря, внутри своего этноса в процессе актуализации духовных ценностей, эстетическом самовыражении, в разных видах общения. Интериорные границы свидетельствуют о внутреннем духовном потенциале жителей трансграничья. Экстериорные же границы проявляются в виде правил поведения с внешней средой. Основным механизмом взаимодействия этносов Пограничья, подчеркивает У. А. Винокурова, является Встреча или переговоры⁷². В этом должен заключаться глубоко эвристический смысл стремлений людей пограничных пространств к миру и согласию.

Одним из самых продуктивных подходов к изучению трансграничья можно назвать культурологический. Главным концептом трансграничного региона Д. Г. Емченко определяет саму границу,

⁷² Винокурова У. А. Цивилизация как территориальное и воображаемое пограничье / *Debay Artes Liberales*. — Т. 6. Пограничье культур – культуры пограничья. — Варшава, 2012. — С. 34–49.

называя «смысловым полем», подчеркивает этот сложный и многоуровневый феномен. Реальная граница как историко-географическая или политико-административная сущность может быть отражена на карте, но может быть и воображаемой ментальной конструкцией. Д. Г. Емченко расширяет набор терминов для обозначения границы, помимо уже известных трех понятий *border*, *boundary*, *frontier*, в общий список добавляются граница-окраина (*margin*), «метафизическая» граница-предел (*limit*) и «раздробленная» граница-периферия (*periphery*). Для характеристики трансграничного региона дискурс границы представляется возможным со всеми вышеназванными модификациями границы, считает автор.

За трансграничным регионом Д. Г. Емченко закрепляет автономный статус со своими историко-культурными характеристиками и правилами управления и развития «жизненного пространства». Ведущим признаком такого региона он определяет потенциальность, т. е. скрытую сущность, готовую проявиться при определенных обстоятельствах. В социокультурном пространстве трансграничного региона подчеркивается динамичность, дающая возможность развиваться двум сопредельным культурам, функционировать как единое целое⁷³.

В данной концепции жизненное пространство, обладающее своим особым смысловым полем позволяет рассматривать трансграничье как средоточие историко-культурного своеобразия, обогащающегося благодаря непрерывным контактам, расширяющейся картине мира носителей этого потенциала. Социально-философский подход выделяет закономерности трансграничного общественного и индивидуального сознания, а также различные способы освоения межцивилизационной действительности.

С. И. Семенов, обсуждая ибероамериканскую и евразийскую проблематику, предложил подобные социокультурные общности определять как пограничные культуры. Он характеризует их как общности целостные, полиэтнические, сформировавшиеся в результате симбиоза-синтеза на рубежах религиозных миров. Пограничные культуры на стыке проживания разных народов и этнических групп предрасположены к восприятию культурных ценностей других сообществ и внутренне готовы поделиться своими ценностями

⁷³ Емченко Д. Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Челябинск, 2011. — С. 47.

и представлениями о мире. С. И. Семенов, подчеркивая гетерогенность, полиморфность и толерантность таких культур, выделяет выполнение ими роли своеобразных мостов между Западом и Востоком, Севером и Югом⁷⁴.

Трансграничные регионы в XXI в. сформировали своеобразные, самобытные промежуточные культуры на основе эффективных кросскультурных взаимодействий, накопили богатый опыт, прежде всего, не противостояния, а нахождения консенсуса с соседними сообществами. Граница в трансграничном пространстве — это не только полоса разделения, но и мотив, позыв к осмыслению собственной идентичности как результат совместного бытия в контексте межкультурного диалога.

1.2.3. Евразийский фронт в контексте проблематики трансграничья

Дальний Восток, Республика Бурятия и Забайкальский край в составе Юго-Восточной Сибири граничат с северо-восточными провинциями Китая. На всей протяженности границы вместе с прилегающими территориями развивается, как называет Т. Н. Кучинская, китайская (азиатская) модель трансграничного регионализма⁷⁵. Если посмотреть шире, охватить в масштабе не только Китай, но и Монголию, Южную Корею, Индию, Японию, то следует говорить об азиатской модели, где, безусловно, далеко немаловажную роль играет КНР.

На огромной территории Восточной Сибири и Дальнего Востока сложилось несколько трансграничных регионов. Используя культурологический и политологический подходы, Л. Е. Бляхер анализирует социально-экономическую ситуацию в *приморском трансграничье*, выделяя сложные взаимоотношения между его ключевыми акторами: местным населением, федеральным центром и приграничными соседями. Традиционно Дальний Восток считался самой

⁷⁴ Семенов С. И. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры // *Общественные науки и современность*. — 1994. — № 2. — С. 159, 160; *Его же*. Традиции и инновации в развитии современных пограничных цивилизаций. — М., 2005.

⁷⁵ Кучинская Т. Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // *Современные проблемы науки и образования*. — 2011. — № 6. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2011/6/106.pdf> (дата обращения: 01.02.15)

дальней периферией, и Москва как центр не всегда равномерно распределяла внимание к региону. Дальний Восток как трансграничный регион испытывал большие трудности особенно в период реформ 1990-х гг., не получая должной поддержки со стороны федеральных властей. Л. Е. Бляхер пишет о том, что это породило известные предпосылки противостояния между Дальним Востоком и федеральным центром. Это было обусловлено тем, что Москва внезапно «вспомнила» о существовании дальневосточных интересов и рубежей и решила вернуться в регион. За все это время у жителей региона сложились так называемые мифологические представления о центре. Автор прямо критикует центр за такой же мифологический подход к региону, когда сложилось представление о том, что регион был «пуст» и «беден» и остро нуждался в инвестициях и людских ресурсах.

Миф используется автором и в отношении к российско-китайскому сотрудничеству в регионе. Мифологическое сознание лежит в основе трансграничной коммуникации, и стало основой коллективного знания, считает Л. Н. Бляхер. Выходом из этого положения автор называет компромисс всех трех акторов трансграничного взаимодействия⁷⁶.

Регионом трансграничья Н. С. Розов называет *Забайкальское Трансграничье* России, Монголии и Китая. Он поднимает проблему неравномерного развития приграничных регионов России и Китая, а также проблему экономической экспансии китайскими предпринимателями российских территорий и ставит вопрос о кардинальном пересмотре взаимоотношений с Монголией.

Интересную мысль высказывает Н. С. Розов в контексте общегосударственной геополитики. Быстро развивающиеся районы северного Китая, значительные дешевые трудовые ресурсы, технологический и энергетический голод, растущий класс потребителей, природные богатства Восточной Сибири и Монголии вполне могут быть интересны для Европы. Роль России в том, чтобы предоставить европейцам здесь наиболее благоприятные возможности, более того — стать проводником европейских интересов в данном регионе. Н. С. Розов считает, что достойная и весьма перспективная по-

⁷⁶ Бляхер Л. Е. Трансграничное сотрудничество: экономические выгоды и политические проблемы, или интеграция несистемных сетей «Желтороссии» // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона. — Владивосток: Дальнаука, 2010. — С. 316–346.

зация, с которой следует вести диалог в Забайкальском Трансграничье — это быть форпостом великой русской и великой европейской культуры, а значит, повышать требования к культурному, научному и образовательному уровню⁷⁷. Нельзя не согласиться с его мнением, поскольку евразийский фронтир, являясь встречей цивилизаций, Запада и Востока, России и Азии, должен охватывать многообразные формы репрезентаций европейской, русской культуры. В противном случае фронтирное пространство может скоро превратиться в закрытое сообщество со своими специфическими смыслами, способами интерпретации, схемами и стереотипами, что приведет к сообществу закрытого типа, не способного вести полноценный межкультурный диалог в условиях трансграничья.

Взгляд на обширную территорию евразийского континента остаётся нависающим над восточными границами России, где возделывается совместное поле евро-азиатского взаимодействия. Польско-сибирская группа как научное направление в Варшавском университете рассматривает Евро-Азию как Пограничье, но в таком Пограничье нет места жесткой подчиненности центру. Евро-Азия исследуется в контексте цивилизаций Центральной, Южной, Восточной Европы и Центральной, Южной и Восточной Азии. Поскольку размываются цивилизационные границы всюду, где есть трансграничное событие, то пограничная ситуация между Россией, Монголией и Китаем также может быть охарактеризована как зона межкультурных контактов. В рамках традиционных дебатов в Варшавском университете можно выделить несколько контекстов, которые связаны с Евро-Азией: здесь присутствует и российский контекст, и балканский, и христианский православный, и контекст Азиатской России. Каждый из данных контекстов является почвой для возникновения диалогического отношения, и каждое из событий в данном контексте становится пунктом осмысления идентификации человека.

Изучая возможность диалога Востока и Запада, З. Морохоева сначала определяет идентичность культурных традиций отдельно Запада и Востока, генезис формирования таких понятий, как «целое», «локальное», «свой», «чужой», «центр», «периферия» и т. д. Автор приходит к выводу о возможности межкультурного диа-

⁷⁷ Розов Н. С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия—Китай—Монголия: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–20 окт. 2006 г.). — С. 109–113. URL: www.nsu.ru/filf/rozov (дата обращения: 10. 02. 15)

лога при сохранении культурной идентичности между обобщенными мировоззренческими формулами «Другой» и «Другой» вместо соотношения «Свой» и «Чужой», потому что здесь пролегает изначальная, имманентная и принципиальная непохожесть Европы и Азии⁷⁸.

Возможности межкультурного диалога в пограничье рассматривает З. Морохоева и на основе существования метаязыка. Перспективы диалоговых отношений в пограничье Востока и Запада в единой Евро-Азии были проанализированы с точки зрения участников пограничья, акторами стали методологические концепции: российское евразийство рубежа XIX–XX вв., постмодернизм в американской типологии культуры А. Аппадуря и традиционные восточные подходы к целостности бытия. В этих концепциях автор предпринимает попытку обнаружить элементы бытия как времени, поскольку убеждена в том, что понимание Евро-Азии возможно в перспективе времени. В этих концепциях представлено множество различных решений, как возможны идентификации личности и общества, ценностей и норм. Если постмодернизм идет по пути конструирования уникальности и разнообразия ценой разрушения субъект-объектных отношений, то российское евразийство это делает путем выстраивания коллективной личности как субъекта. Восточные концепции же занимаются реинтерпретацией западной идеи прав человека в своем контексте.

Опираясь на воззрения А. Аппадуря, З. Морохоева обращается к постмодернистской феноменологии и рассматривает неодинаковость участников межкультурного взаимодействия, а их различие, которое становится очевидным и обнаруживается прежде всего в контексте пограничья. Основанием картины мира Востока автор называет принцип связи, и поэтому категории бытия, пространства, времени и т. д. организованы здесь по-другому. Модель открытости бытия в разных контекстах пограничья, как доказывает автор, набирает свою определенность и локальность во временном измерении. Идея открытости идентична равенству акторов пограничья, и именно в такой перспективе возможен диалог Востока и Запада⁷⁹.

З. Морохоева осуществила удачную попытку, соединив в единое

⁷⁸ Морохоева З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализации. Перспектива Евро-Азии. — Варшава; Киев: Таксон, 2013.

⁷⁹ Морохоева З. Пограничье в перспективе Евро-Азии / *Debaty Ibi Al.* — Т. 4. Цивилизационный выбор и Пограничье / под ред. Я. Кеневича. — Варшава, 2011. — С. 11–38.

методологическое основание метаязыка межкультурного диалога три непохожие концепции, выбрав время как исходный и объединяющий принцип, что было оправданно в связи с ускоряющейся изменчивостью бытия в эру глобализации. Актуальным также стал выбор самих концепций: постмодернизм с его релятивизмом и множественностью в интерпретации американского ученого индийского происхождения, евразийство как российская теория, возникшая в эмиграции в Западной Европе, и восточная философия со специфическими понятиями и категориями. Все три подхода были показаны как равноправные и одинаково эвристические для изучения диалога в пограничье. Сам выбор и метод исследования, обобщения и выводы З. Мороховой позволили проложить мосты к сравнительно-сопоставительному анализу возможностей межкультурного диалога как разновидности межкультурных контактов Востока и Запада.

В результате сопоставления картин мира Запада и Востока, сравнительного анализа полярных миров через культуроцентризм и ситуацию глобализации автор приходит к выводу о том, что только в признании многополярного мира, в Пограничье так называемого дефиса Евро-Азия возможен диалог. Путь к диалогу лежит и через переосмысление основ западного мышления философами XX в., в том числе постмодернистами. Были проанализированы фундаментальные основы бытия человека западного и человека восточного, подведен онтологический базис для осуществления глобальной межкультурной коммуникации с учетом возможности преодоления локальных картин мира внутри каждой из полярных культур. Данная концепция открывает методологические перспективы дальнейшего изучения диалога Востока и Запада в зоне так называемого Пограничья, переосмысленного в контексте глобализации и в пространстве непосредственного взаимодействия Европы и Азии, и где России отводится непростая роль практической реализации межкультурного взаимодействия.

Так или иначе трансграничные исследования выходят на актуальный в современном глобализирующемся мире коммуникативный подход, это объясняется тем, что межкультурная коммуникация охватывает все наше повседневное бытие и отражает человеческие взаимоотношения, мир чувств, коммуникативное поведение, помыслы и устремления членов социума. В контексте евразийского фронта в процессе коммуникации каждый индивид отражает по-

нения и ценности своей национальной культуры. Массовое сознание содержит культурные коды, ментальные стереотипы, психологические клише мыслительных процессов и поведения жителей трансграничья. Институциональные контакты также основаны на межкультурной коммуникации и зависят от законов коммуникации в мультикультурном обществе пограничья.

Срединное местоположение и культурное сознание представляют сложный феномен. Являясь результатом взаимодействия локальных сообществ, срединная культура, порождающая коммуникативное сознание, и есть особый тип контактной культуры, необходимый для выработки основ межкультурного диалога. С данными закономерностями связано функционирование культуры в трансграничье. О современных тенденциях в сфере межкультурной коммуникации пишет И. Бобков, который подчеркивает, что культура возникает лишь в событии разграничения и отграничения, но живет и развивается только в попытках перешагнуть свои границы, расширить свое пространство. Он определил очень важную тенденцию, что в результате детерриторизации пространства изменился онтологический статус культурной границы: если раньше она обретала легитимность только в отношении определенных территорий, ее символического прочтения в форме идеологии или конфессии, геополитики, то теперь единственный критерий культурного разграничения лежит в сфере возникновения и функционирования знаков. Знаки утратили свою локализацию и привязанность к территории⁸⁰. Действительно, в последние два-три десятилетия в связи с распространением информационных технологий и расширяющегося доступа к интернету границы коммуникационных процессов раздвинулись настолько, что стали почти невидимыми и эфемерными.

Ситуацию разрушения локализованных, закрытых культур И. Бобков называет эпохой *транскультурности*, культурной трансцендентности, когда культура не совпадает с культурой своего традиционного местоположения и ее текстовым наличием. Когда культура выходит на свои пределы в пространство других культур, она становится посланником своих кодов и символов. И. Бобков связывает транскультурность с функционированием знаков, возникших в

⁸⁰ Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2005. — № 3-4. — С. 127–137.

другом культурном пространстве, разнообразными практиками перехода культурных границ, многополюсной идентичностью, состоящими из гетерогенных элементов традиций. Автор подчеркивает мысль о том, что в сегодняшнем мире транскультурность — это развивающееся явление, проблемное поле, обозначение факта, что сегодняшняя ситуация в культуре является не столько механической суммой разных культур, сколько динамическим равновесием различных и неравных культур, знаки которых беспрестанно строятся, пользуясь все более эффективными посредниками⁸¹.

Отсюда следует, что транскультурность в понимании И. Бобкова высвечивает проблему безграничности культур и новых типов взаимоотношений между ними. Автор также, как и многие ученые, констатирует, что межкультурный диалог есть наиболее приемлемая форма взаимодействий и далеко не одна и не самая распространенная форма. И. Бобков помещает транскультурность в контекст разных видов теоретических концепций и идеологем: постмодернистская транстекстуальность, трансгрессия М. Фуко, мультикультурализм как порождение культурной релятивности и замена идеи «плавильного котла» в США, культурная толерантность как европейская модель мультикультурности. Транскультурность сегодня заставляет по-новому осмысливать национальные культуры, совпадающие с политическими образованиями и границами. Сегодня национальные культуры, сохраняя символическую связь с национальной территорией, считает И. Бобков, реально локализованы там, где существуют зоны производства, потребления, интерпретации и символического присвоения их текстов. Тем не менее национальная культура не может быть однородной и навсегда застывшей, она должна отвечать вызовам времени⁸². Отсюда следует, что национальная культура как составная часть транскультурности на фронтальном пространстве претерпевает изменения, вырабатывая не только способы сохранения своей самобытности, но и находясь в поиске путей дальнейшего развития в условиях мультикультурализма и глобализации. Транскультурность, очевидно, отвечает требованиям современности и также приходит на смену уже мультикультурализма, не прошедшего проверку временем, эпохой, скры-

⁸¹ Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2005. — № 3-4. — С. 127-137.

⁸² Там же.

тыми социальными процессами в Западной Европе.

М. И. Гомбоева на основе культурологического подхода осуществляет социально-экономический и политический анализ трансграничья, подчеркивая необходимость преодоления стереотипов и признания Другого в развитии трансграничного сотрудничества на онтологическом уровне. Трансграничие осмысливается автором как «пространство, где действует комплекс взаимно ориентированных участников, согласующих свои действия с действиями Другого». М. И. Гомбоева выделяет типы трансграничного сотрудничества: 1) межгосударственное взаимодействие; 2) как пространство конкретного взаимодействия через непосредственных акторов; 3) сетевое взаимодействие с участием организаций, институтов и других юридических лиц. В третьем типе происходит «удовлетворение интересов “Другого” и поэтому стираются межцивилизационные границы и формируется культура «трансграничного посредничества». Автор выделяет *Восточно-Забайкальское трансграничие* на основе исторически сложившегося в Восточном Забайкалье нового качества трансграничья — «единого социокультурного пространства регионов, структурирующегося трансграничными социокультурными сетями взаимодействия»⁸³.

С точки зрения культурологии также изучает трансграничие Д. А. Трубицын, называя «лимитрофу» сферой взаимопроникновения пронизывающих все пространство культурных образцов. В рамках культурологического подхода выделяется проблема асимметрии российско-китайского трансграничья, ведущая к неравномерному освоению приграничных территорий в пользу китайских поселенцев на российской стороне. В исследовании *забайкальского и дальневосточного трансграничья* Д. В. Трубицын приходит к выводу о необходимости пересмотра многих подходов, которые довольно часто осуществляются в отечественных исследованиях⁸⁴.

К изучению трансграничья наиболее эффективно применяется

⁸³ Гомбоева М. И. Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья: материалы науч.-практ. конф. «Трансграничие в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18–20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум. -пед. ун-т. — Чита, 2006. — С. 41–46.

⁸⁴ Трубицын Д. В. Трансграничие как объект культурологического исследования: методологический обзор // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2(26). — С. 130–137.

междисциплинарный подход, как это доказываются представителями разных наук. Б. Л. Раднаев и А. С. Михеева называют Бурятию и сопредельные пространства по обеим сторонам границы *Байкальским трансграничьем*. В условиях глобализации и стремительного экономического развития Китая российские приграничные территории Байкальского трансграничья должны иметь особую стратегию социально-экономического развития, считают авторы. Приграничное с Китаем и Монголией географическое положение должно стать для Забайкалья одним из главных факторов социально-экономического развития. Авторы также заостряют внимание на трансграничной асимметрии, поскольку в настоящее время трансграничная социально-экономическая асимметрия складывается в пользу сопредельных с Россией территорий. Концепция решения как социально-экономических, так и экологических проблем, лежащих в основе трансграничной асимметрии, должна выражаться в развитии образа Байкала как мировой и национальной ценности. Органы государственной власти, местного самоуправления, бизнес, общественность должны способствовать получению конкурентных преимуществ и дополнительной поддержке территории в связи с охраной оз. Байкал. Формирование «байкальской» идеологии должно выражаться в связи благополучия каждого отдельного члена общества с благополучием оз. Байкал⁸⁵.

Основным дифференциальным признаком выделения Байкальского трансграничья называется озеро Байкал как природный, социокультурный, геополитический центральный объект региона, вокруг которого складывается вся жизнедеятельность трансграничного региона. Байкальское трансграничье типологически равнозначно евразийскому фронтиру на территории Республики Бурятия как воображаемой границе между Востоком и Западом, европейской и азиатской ментальностью.

Необходимость концептуального подхода к изучению феномена трансграничья Байкальского региона как территории взаимодействия России и азиатских стран, перекрестка, где соединяются Восток и Запад, продиктована актуальностью реального сотрудничества. Проблема регионализации, в том числе трансграничной, в течение

⁸⁵ Раднаев Б. Л., Михеева А. С. Географическая концепция социально-экономического развития Байкальского трансграничья // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Естественные науки. — 2012. — №1 (42). — С. 136–150.

последних десятилетий превратилась в одну из центральных проблем современного научного знания вследствие распада дихотомического мира и самосознания регионов в качестве самостоятельных культурно-исторических образований и их активизации в общественной жизни. Трансграничные области, имеющие рубежи с национальными государствами, принадлежащие к разным культурам и цивилизациям, ощущают на себе наиболее сильное влияние границы во всех отношениях.

Исследование современных тенденций развития фронтирного бытия, перспективных направлений и приоритетов развития российско-монгольских, российско-китайских отношений представляется логичным в связи с поворотом внешней политики РФ в сторону Востока. В этом контексте Бурятия как срединная земля Байкальского региона играет роль не только медиатора, но и демонстрирует модель межкультурного, межкультурного взаимодействия как многонациональная и межконфессиональная республика с развитой духовной и материальной культурной, наукой и образованием. Байкальский регион постепенно становится все более значимым субъектом международного сотрудничества и интеграционного взаимодействия с ближайшими соседями евразийского фронта.

Слово «фронтир» перешло в русский язык калькой из английского языка, семантическое значение которого обозначено в толковом словаре А. Хорнби: «*Frontier* — 1. part of a country bordering on another country; (land on each side of a) boundary. 2. (fig) extreme limit»⁸⁶. Значение слова «фронтир» в англо-русском словаре зафиксировано как «*frontier* — 1. 1) граница, рубеж; 2) пограничная полоса; 2. предел, граница 3. *амер. ист.* граница продвижения переселенцев; 4. *уст.* пограничная крепость, пограничный форт»⁸⁷.

Первичные значения данного слова порождают движения мысли в направлениях, позволяющих охватить всю многостороннюю действительность пограничного района, социокультурный, исторический мир с конкретными проявлениями материально-практического бытия и духовную жизнь народов этого пространства. В данной работе «фронтир» будет главным понятием по причине емкости и многозначности смысла понятие «евразийский фронтир» также не-

⁸⁶ Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: специальное издание для СССР. — Т. 1. — С. 347.

⁸⁷ Большой англо-русский словарь: в 2 т. / под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. — Изд. 4. — М.: Рус. яз., 1987. — Т. 1. — С. 649.

сет метафорический смысл, оно распространяется на все формы проявления реальности.

Томские исследователи изучают *южно-сибирский фронтир* в пространстве *евроазиатского фронтира*, географическом измерении Западной Сибири. До 2003 г. Томским государственным университетом осуществлялся проект «Евроазиатский фронтир: межкультурное сообщество и система коммуникаций» по программе «Федерально-региональная политика в науке и образовании» в рамках подпрограммы «Международное научно-образовательное сотрудничество». Исследовательский коллектив томских историков в своих докладах и дискуссиях предложил взаимопересекающиеся, комплементарные, имеющие общий методологический фокус теории и методы, позволяющие создавать исследовательские стратегии под эгидой методологического синтеза. Концептуальная целостность может быть достигнута лишь на основе конструктивного диалога, поэтому основой исследования евроазиатского фронтира стало понимание человеческой коммуникации как универсального конституирующего общественную жизнь процесса. Концептуальная перспектива решения этой глобальной проблемы опиралась на психологию и социологию. *Южносибирский фронтир* был исследован в культурно-историческом, антропологическом, экзистенциальном, феноменологическом, этическом, транскомуникативном и других аспектах, приоритетами стали гендерные и конфессиональные проблемы, формирование коммуникативной культуры.

Условно разделив историю взаимоотношений регионов Сибири, народов и государств Центральной Азии на четыре сюжета: военнополитический, экономический, межэтнический и направление культурно-научных связей XVII-XX вв. — авторы приходят к выводу о том, что опыт формирования и развития западносибирского межкультурного сообщества как зоны взаимодействия Запада и Востока, Европы и Азии уникален и заслуживает внимательного изучения как наименее конфликтный и толерантный. На границах цивилизаций удивительную жизнеспособность демонстрируют ментальность и психологические установки традиционного общества, но в то же время усиливаются междоцивилизационные взаимодействия⁸⁸.

Изучением особенностей менталитета, художественной культу-

⁸⁸ Евроазиатский фронтир: межкультурное сообщество и система коммуникаций. URL: <http://www.case.vsu.ru/mion3005/index.html> (дата обращения: 02. 02. 15)

ры и коммуникации евразийского фронтирного бытия активно занимаются филологи (литературоведы и лингвисты, фольклористы, педагоги), осуществляя междисциплинарные исследования, используя компаративистский, текстологический, структурный, семиотический и другие подходы. Об этом свидетельствуют труды творческих коллективов Бурятского, Иркутского, Забайкальского, Томского государственных университетов. Творческий коллектив факультета филологии и журналистики ИГУ занимается изучением говоров Прибайкалья, сибирской литературой, рефлексией сибирской тематики в творчестве русских писателей-классиков, бурятским фольклором, бурятской устной поэзией и т. д.

Международный коллектив русских, итальянских, немецких славистов под эгидой Томского госуниверситета в 2004-2007 гг. изучал евроазиатский межкультурный диалог в коммуникативном пространстве языка и текста, где выделяются такие проблемные аспекты, как Россия, Запад и Восток в евроазиатских контактно-типологических интертекстах, Сибирь — пространство *евроазиатского фронтира*. Соответственно анализируются произведения русской словесности, проблемы контактно-типологических связей русской и европейской с одной стороны, русской и азиатских культур с другой стороны, а также исследуется феномен интертекстуальности и перевода, сибирский локус, национальное самосознание, реконструируются локальные тексты русской словесности. Творческий коллектив ТГУ разрабатывает трансграничную проблематику в рамках масштабного научно-исследовательского проекта «Евроазиатский культурный диалог в коммуникативном пространстве языка и текста»⁸⁹.

Немалую лепту в изучение трансграничного взаимодействия вносит творческий коллектив факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Научными направлениями деятельности филологических кафедр являются опыт филологического моделирования в трансграничном регионе, изучение русской литературы в Китае, литературы Монголии и Китая, сравнительно-сопоставительный анализ русской и китайской литератур, предметом анализа также стали русская литература и социокультурное

⁸⁹ Евроазиатский культурный диалог в коммуникативном пространстве языка и текста: рабочие материалы международной научной конференции (Томск, 30 сент. – 3 окт. 2004 г.) / Томский гос. ун-т [Электронный ресурс]. URL: <http://istina.msu.ru/collections/1549769/> (дата обращения: 17. 02. 15)

пространство Китая, социальное взаимодействие и региональное образовательное пространство, а также кочевые цивилизации.

Издав несколько сборников научных статей по тематике *евразийского фронта*, сотрудники Института филологии и массовых коммуникаций БГУ сформировали целое научное направление в изучении контактной цивилизации Байкальского региона на пограничье между Россией, Монголией и Китаем. В поле зрения филологических и междисциплинарных научных исследований находится этнос и национальный характер (типическое и пограничное национального характера, культурно-национальные стереотипы поведения характера, универсальная личность и национальный характер); концепт «национальное» в русской и азиатских культурах, концепт «национальное» в глобализирующемся мире; интеграционные возможности языка, литературы, культуры; литература и религия; постперестроечные ситуации в культуре, литературе, языках народов Азии и России на современном этапе.

Исторически сложившиеся трансграничные и приграничные связи свидетельствуют о богатом опыте многих поколений, накопленных в постоянном и плодотворном взаимодействии в области торговли, сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, туризма. Взаимные связи имеют многовековую историю тех времен, когда Байкальский регион был традиционно местом оживленной торговли. Великий чайный путь — исторически сложившийся торговый караванный маршрут из Китая через Улан-Батор (в прошлом Урга), Дархан, Алтан-Булак (в прошлом Маймачен), в Кяхту (в прошлом Троицкосавск), Новоселенгинск, Гусиноозерск и Улан-Удэ (в прошлом Верхнеудинск). Этот путь далее проходил через Кабанск, Бабушкин, Слюдянку и вел в Иркутск.

Из Иркутска вдоль реки Лены, через Якутск наиболее значительное направление пути вело на Аляску.

Параллельно с сухопутным караваном водно-сухопутный маршрут шел по реке Янцзы до Шанхая, далее — через Хуанши и Порт-Артур до Тянь-цзина и Чанчуня в Харбин и, наконец, через Хайлар достигал нынешней Маньчжурии.

В Верхнеудинске оба маршрута соединялись. В районе Байкала также действовали сухопутные пути через хребет Хамар-Дабан и Кругобайкальский путь, а также особую роль играли водные пути через Байкал и по Селенге. Великий чайный путь по обороту уступал только Великому шелковому пути. Как видно из подробной

картины перемещения караванов Великого чайного пути, Бурятия с приграничными и трансграничными населенными пунктами играла немаловажную роль в торговле чаем и распространении чайной культуры, культурных, этнографических, региональных знаний о соседних народах и их укладе. В Восточной Сибири также изменились условия торговли. Кяхта утратила монополию на чайный товар. Чай стал поступать в Россию морским путем через Одессу, а со строительством Сибирской железной дороги — через Владивосток и КВЖД. Таможню в 1861 г. из Кяхты перевели в Иркутск. Кяхта во второй половине XIX в. сохраняла еще значение в торговле дешевыми сортами плиточного и зеленого чая. Оборот достигал 30 млн р. и более. В начале XX в. обороты сократились в шесть раз. Кяхта пала как столица русско-китайской торговли. Главными пунктами обмена с Монголией стали Урга, Кобдо и Улясутай. Со второй половины XIX в. развилась пограничная торговля с Монголией через Цурухайтуй, Абагатуй, Цаган-Олуй.

Трансграничный, в нашей терминологии фронтирный, Байкальский регион, имея многовековую историю взаимодействия с приграничными областями и шире с государствами Восточной Азии, демонстрирует тенденции к сохранению самобытной культуры народов Забайкалья, обнаруживая готовность к дальнейшему изучению разнообразия и многогранности культур соседних сообществ и осмыслению своей роли и места в конгломерате культур и цивилизаций евразийского континента.

Территория «Байкальский регион» не является в строгом смысле географическим понятием, значение этого понятия отражает веками сложившуюся традицию экономического, политического, культурного взаимодействия, центром которого является озеро Байкал как широкий геополитический объект, связывающий воедино разные сферы бытия, придающий глубокий онтологический и нравственный смысл жизнедеятельности государств, хозяйствующих субъектов, институтов, коллективов и просто индивидов. Среди субъектов Российской Федерации в их политическом, экономическом, социокультурном развитии наиболее тесно связаны с Байкалом Республика Бурятия, Иркутская область и Забайкальский край. В контексте глобализирующегося мира Байкальский регион как полюс активной евразийской интеграции имеет большой потенциал в расширении международных контактов России с азиатскими странами, соблюдении национальных интересов на Востоке и формировании

модели будущего общества устойчивого развития. Активные процессы сотрудничества с соседями по *евразийскому трансграничью* свидетельствуют о современной тенденции в сторону укрепляющейся регионализации, одной из важнейших факторов процесса глобализации.

В каждой концепции идея границы и трансграничного взаимодействия нашла свое отражение сообразно наиболее актуальным проблемным вопросам в срединном пространстве. Гигантский материк Евразия охватывает такое количество стран и народов, цивилизационных моделей развития, что трудно окинуть это обширное смысловое поле единым взором, отсюда и разнообразие терминов и понятий, обозначающих то, что всем понятно и интересно, — пространство между мирами. В таблице предпринята попытка сравнить и свести в одно целое разные точки зрения и подходы по этому поводу.

Транскультурность евразийского трансграничья

Западные границы РФ. Польша, Беларусь, Украина	Западная Сибирь	Бурятия, Иркутская область. Озеро Байкал. Монголия	Забайкальский край, Китай	Дальний Восток, Приморский край. Китай, Япония
Евро-Азия как Пограничье	Южно-сибирский фронтир, Сибирь как евроазиатский фронтир	Байкальское трансграничье, Евразийский фронтир	Забайкальское трансграничье, Восточно-Забайкальское трансграничье	Приморское трансграничье, Дальневосточное трансграничье

2.1. Проблемы глоболизирующей евразийской цивилизации

2.1.1. Проблема трансграничной идентичности

В любом обществе существуют стратегии идентификации ее членов сообразно этническому делению, социальной стратификации, политическим взглядам, общественным движениям, гендерной принадлежности и т. д. В связи с интенсивными процессами глобализации и интеграции определение идентичности не поддается хорошо знакомым способам классификации, а подвергается сомнению и переоценке. Так, в российской действительности этническое возрождение претерпело взлет в постперестроечную эпоху, потому что в ситуации системного кризиса и трансформации общественных устоев необходимо было вернуться к этническим традициям и ценностям. Последующие вслед за перестройкой и крушением основ социалистического уклада процессы информатизации и глобализации породили потребность в особой актуализации проблем этнической идентификации и внутриэтнической консолидации перед лицом опасности быть ассимилированными в контексте мультикультурного мирового сообщества.

Альтернативы Восток–Запад, глобализация–локализация, открытость–закрытость в информационном обществе принимают почти эфемерные границы. Многие проблемы современного человечества связаны с переосмыслением феномена оппозиции данных понятий в контексте интенсифицирующихся связей. Стремление навязать восточному сообществу либеральные ценности, подогнать под заданный стандарт или, наоборот, стремление отгородиться от всего мира, сохранить уникальность своей культуры и консерватизм взглядов вызывают критику именно потому, что мир изменился безвозвратно и для восстановления гармонии мироустройства необходимо искать новые пути самодентификации.

С конца 1990-х гг. в пространстве евразийского фронта особое значение приобретают вопросы возрождения этнических традиций, сохранения этнокультурной самобытности народов, населяющих Байкальский регион, в который входят три субъекта РФ — Иркут-

ская область, Республика Бурятия, Забайкальский край — с общим населением 4,489 млн чел.⁹⁰ Национальное (этническое) самосознание является важнейшим признаком этнической общности, без которого трудно определить место личности в быстроменяющемся мире, решать проблемы выбора и ответственности, осуществлять трудовую и общественно полезную деятельность, интегрироваться в местное сообщество. Под этническим самосознанием Ю. Г. Волков понимает представление народа о своем личном этносе, представление об установленной идентичности всех ее членов в языке, в нормах морали, произведениях искусства и, конечно же, народного творчества. Этническое самосознание — это сложное социально-психологическое явление, которое есть продукт исторического развития. В разные периоды истории в зависимости от ситуации внутри того или иного государства, уровня развития общественных связей внутри страны, ее поли- или моноэтничности характер этого явления и отношение (оценка) людей к этому явлению были разными. В соответствии с этим в разные периоды по-разному проявлялось и само это явление, и интерес людей к нему⁹¹.

Осознание своей принадлежности к конкретной группе народа начинается с собственного имени, этнонима, самоназвания, данного своей общности. Важным элементом этнического и регионального самосознания также является сознание своей принадлежности к определенной территории. Не случайно примордиалистские концепции (К. Гирц, Э. Шилз, Л. Гумилев, Ю. Бромлей, М. Руткевич, А. Гулига и др.) считают этничность объективным феноменом, зависящим от географических, генетических и социокультурных факторов. Соответственно приоритетными критериями в определении этнической идентичности являются язык, религия, принадлежность к определенному роду (племени), материальная и духовная культура, что помогает этносу определиться как объективному образованию. Этническое самосознание как результат влияния этих факторов проявляется и в отношениях к другим этносам. Там, где между двумя этническими общностями складывались отношения сотруд-

⁹⁰ Антохонова И. В. Потенциал Байкальского региона в ментальном евразийском пространстве // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. — С. 82–86.

⁹¹ Волков Ю. Г. Многомерный мир современного человека / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. — М.: Прогресс, 1998. — С. 36.

ничества, вырабатывалась в основном положительная установка в отношениях друг к другу, предполагающая терпимость к существующим национальным различиям. Если отношения между народами были далекими, не затрагивающими их жизненных интересов, эти народы могли быть не настроены враждебно друг к другу, но могли и не питать друг к другу особой симпатии.

Конструктивистские и инструменталистские концепции (М. Вебер, Т. Лукман, А. Коэн, Ф. Барт, А. Здравомыслов, В. Тишков и другие) подвергают сомнению влияние объективных признаков на формирование и реализацию этнической идентичности, на что влияют политические, социокультурные процессы конца XX в. и их осмысление с точки зрения постмодернистской парадигмы. Все в этом мире относительно, в том числе и самосознание этносов, на которое оказывает воздействие не только изменяющаяся биологическая среда, но и глобальные процессы современности: интеграция и взаимообмен на всех уровнях, а также возросшая мобильность населения, информационная открытость, массовая культура и массовые коммуникации, геополитические процессы, символизация культурных кодов, экологические проблемы и другие вызовы XXI в.

Отличают как рациональные (когнитивные) компоненты этнического самосознания (собственно осознание своей принадлежности к этносу), как это представлено в примордиалистских теориях, так и эмоциональные (аффективные) компоненты, говорящие о сопереживании своего единства с другими членами социально-этнической общности. Очевидно то, что национальное самосознание существует не только на уровне индивида, но и над личностью, в том числе в объективированных массовых формах общественного сознания: в языке, в произведениях народного творчества и профессионального искусства, научной литературе, нормах морали и права и т. д. В современном контексте конкретные способы актуализации идентичности в разных формах общественного сознания становятся особенно востребованными в межкультурном диалоге.

Самой центральной и срединной территорией евразийского фронта и Байкальского региона является Бурятия, многонациональная республика, где проживает около 150 этносов. По данным официального сайта Правительства Республики Бурятия, численность постоянного населения на 1 января 2013 г. составила 971,8 тыс. чел. Национальный состав республики, по данным переписи 2010 г., следующий: русские — 66,1%, буряты — 30%, укра-

инцы — 0,6%, другие национальности — 3,3%. На территории Республики Бурятия проживают представители коренных малочисленных народов: эвенки — 0,3%, сойоты — 0,4% общей численности населения. В группу по численности от 1,5 тыс. до 2,5 тыс. чел. входят белорусы, армяне, эвенки, сойоты, азербайджанцы и немцы. Впервые после переписи 1897 г. была получена численность лиц, отнёсших себя к казакам, — 52 чел. (в России около 140 тыс. чел.). Возросла численность китайцев (с 119 до 604 чел.), монголов (с 52 до 307 чел.), киргизов (с 208 до 500 чел.), корейцев (с 339 до 596 чел.)⁹².

Титульным этносом РБ являются буряты, или бурят-монголы, как представители самой северной части монгольской метаятнической общности или монгольского суперэтноса. Несмотря на исторически сложившиеся процессы взаимодействия и сотрудничества с проживающими на этой же территории славянской и китайской межэтническими общностями, монгольский суперэтнос, а в его составе и буряты, сохранили дифференцирующие особенности. Основным таким признаком являлся хозяйственно-культурный тип, выраженный в кочевом образе жизни, и вытекающие отсюда факторы этнической и культурной идентификации. Бурят-монголы традиционно заселяли степные районы и формировали соответствующие этнокультурные традиции. Менталитет, картина мира и основанные на этом способы самоидентификации сформировались под влиянием ландшафтных и климатических условий Великой Степи. Уникальность этноса как первоисточник самоидентификации также выражается в языке. Л. Л. Абаева подчеркивает особенность проявления данного признака этнической идентичности бурят — буряты, в основном утратившие особенности языковой культуры, сохранили феноменальные способности воспринимать и транслировать многие традиционные ценности другими способами, т. е. духовными достижениями. Тому способствует и особенный психологический склад, раскрывающий характерный стереотип мышления и менталитет⁹³.

Вышеизложенные факторы свидетельствуют не только о способности бурят сохранять и транслировать свою культуру иными дос-

⁹² URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=325>

⁹³ Абаева Л. Л. Этнокультурная идентификация и самосознание этносов в условиях модернизационных и глобализационных процессов (на примере монгольских народов) // Человек, культура, общество в изменяющемся мире: сб. науч. Тр.: в 2 ч. / науч. ред. Д. Ш. Цырендоржиева. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. — Ч. 1. — С. 23–25.

тупными и возможными формами, быть верными генетической памяти, национальным традициям несмотря на русификацию, утерю большей частью бурятского населения языковой компетенции, процессы урбанизации и вестернизации, но и о возможности адаптации в условиях глобализации к реалиям транграничного взаимодействия. Фронтирное бытие заставляет искать иные пути сохранения культурных традиций через осмысление исторического прошлого и национальной самобытности, подниматься на новые уровни самоидентификации, отвечающей требованиям динамично развивающегося общества.

В определенной степени актуализацию этнической идентичности в России, в том числе и в Бурятии, можно объяснять кризисом гражданской идентичности 1990-х гг. «В условиях глобализации, когда социальные функции государства качественно сокращаются, а ресурсы распределяются через транснациональный бизнес или через посредство неформальных связей вне контроля государства, на первый план вновь выходит этническая и религиозная принадлежность, связанная с повышением роли этнических общин и уходом современного, «постнационального» государства от социальных функций. Внешне это проявляется как «ренессанс» этноса⁹⁴.

Структура этнической идентичности бурятского этноса стала намного сложнее и включает теперь не только традиционные родоплеменные группы определенных географических ареалов, но также сельское и городское население отдельно, дифференцированные группы по религиозному убеждению, диаспоры в Монголии, Китае, Москве, Санкт-Петербурге и других населенных пунктах России и мира, космополитов, потомков смешанных браков, казаков и прочие большие и мелкие сообщества. Несмотря на такое разнообразие, современный бурятский этнос находит внутренние ресурсы для определенной степени консолидации. Очевидна угроза полного растворения этноса в недалеком будущем, поскольку ослабевают родоплеменные связи в представлениях молодого поколения. Духовно-историческое наследие предков не является нечто сакральным и незыблемым, материальная и духовная культура претерпевают необратимые изменения в эпоху глобализации и высокой мобильности, мифы и улигеры из уст сказителей не выдерживают конкурен-

⁹⁴ Орлов А. Д. Этническая идентичность в условиях глобализации // Социальные и этнические процессы в развитии общества: сб. науч. трудов: в 2 ч. — Улан-Удэ, 2013. — Ч. 1. — С. 39–42.

ции с виртуальным миром и яркими шоу и постепенно уходят в прошлое. Не случайно И. Г. Балханов заостряет внимание не только на проблеме родного языка, но и роли индустриального общества в изменении этничности бурят⁹⁵.

Проведенные социологические исследования свидетельствуют о сложном процессе развития этнической идентичности народов Байкальского региона. По результатам социологического исследования Ц. Б. Будаевой, Н. Ц. Хантургаевой и Д. Ц. Будаевой в 2005 и 2007 гг., этноидентификация для бурят является более значимой, чем гражданская идентификация, этот показатель почти в два раза выше, чем у местных русских. Авторы приходят к выводу о том, что многие буряты боятся ассимиляции и поэтому пытаются хотя бы на уровне самосознания сохранить свою этническую принадлежность⁹⁶.

Д. Л. Хилханов считает результатом конструирования идентичности бурятской интеллектуальной элитой данные опроса 1999–2002 гг., когда респонденты давали предпочтение этническому самоопределению в сравнении с российской и региональной идентификацией. В 2005 г. при сохранении приоритета в пользу этнической идентичности опросы обнаруживали тенденцию к формированию новой идентичности — опрошиваемые высказывали желание быть представителями Байкальского региона⁹⁷. Нет сомнения в том, что динамика изменений в структуре этнической идентичности отражает не только родовой или биологический уровень, но и социальный уровень, когда возникает необходимость социализации или вступления в более широкий контекст и участвовать в непрерывно изменяющихся в обществе процессах. Усиливающийся процесс интеграции народов евразийского фронта заставляет жителей Байкальского региона задуматься над спецификой своей территории в контексте геополитических процессов и над развивающимся вектором российской внешней политики в сторону Востока.

⁹⁵ Балханов И. Г. Этническая идентичность бурят // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. трудов: в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — Ч. 1. — С. 61–63.

⁹⁶ Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии в свете общественного мнения (по материалам прикладных социологических исследований 2005 и 2007 гг.) / Ц. Б. Будаева, Н. Ц. Хантургаева, Д. Ц. Будаева и др. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. — 127 с.

⁹⁷ Хилханов Д. Л. Этническая идентичность: роль хозяйственно-экономических и культурно-языковых факторов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Улан-Удэ, 2007. — С. 19.

К традиционным способам репрезентации этнической идентичности добавились новые формы, которые являются отражением современных реалий. Характерными признаками проявления бурятской идентичности, бурятского самосознания является особый акцент на принадлежности к роду, связь с малой родиной (тоонто нютаг), с религией, наличие собственного бурятского имени. Наряду с чисто генеалогическими признаками можно выделить способы символической репрезентации, некие символические коды коллективной памяти народа, отдельные биографии индивидов⁹⁸.

Последние два десятка лет свидетельствуют об объединении биолого-географических факторов и социокультурных символических характеристик, когда стали проводиться широкомасштабные зрелищные мероприятия, объединяющие либо представителей монгольского суперэтнуса, либо кочевников Центральной Азии, либо творческую, научную интеллигенцию, спортсменов монгольских народов. «Голос кочевников», «Ердынские игры», «Алтаргана», «Торгон Зам», «Гэсэриада», «Сагаалган» и другие фестивали и конкурсы, ставшие популярными и значимыми не только для бурят, но и всего населения Байкальского региона, свидетельствуют о возвращении этнического самосознания и необходимости манифестации этнической принадлежности для полноценного осмысления экзистенциальных характеристик индивидов.

Такие событийные акции Н. П. Копцева называет художественными культурными практиками или специфическими постсоветскими практиками по сохранению этнической идентичности коренных народов Сибири. Исполнительный орган государственной власти — Министерство культуры — берет на себя организацию, координирование, бюджетное финансирование ряда мероприятий, истоки проведения которых коренятся в советской культурной политике. Календарные национальные праздники, поддержка народного творчества, художественной самодеятельности позволяют, минуя нормотворческие меры, содействовать сохранению уникальной

⁹⁸ Явловский А. Для чего социологу микроистория? Вклад в биографические исследования районов пограничья // *Debaty Artes Liberales: Пограничье культур — культуры пограничья*. — Warszawa, 2012. — Т. VI. — С. 199–214.

культуры малых народов⁹⁹.

Государство участвует в деле этнической мобилизации бурят, подчеркивает и П. Варнавский, потому что власти заинтересованы в перенаправленности дискурса этничности в социокультурное русло и это может быть использовано в качестве инструмента для поддержания группового самосознания. В исследовании механизмов институционализации воспроизведения идентичности, поддержания группового самосознания и интегративной функции праздников П. Варнавский приходит к выводу об определенной роли маркированных мероприятий в актуализации идеи единого монгольского культурного пространства и отвлечения от политических заявлений¹⁰⁰. В идее консолидации монгольских народов заложена модель интеграции по принципу родства и единой культурно-исторической памяти. В ситуации вызовов XXI в. становится востребованным способ консолидации как ответ внешним воздействиям. Отсюда может следовать и преодоление локальности в сторону мультикультурности, пока хотя бы за пределы монгольского мира.

О возвращении к идее панмонголизма все чаще стали говорить в связи с усилением интегративных связей и коммуникативными практиками не только в контексте восточных стран-соседей, но и в широком мировом пространстве. Р. Дугарова утверждает о возникновении новой бурят-монгольской идентичности, проявляющейся в различных коммуникативных ситуациях как в глобальной сети, так и в реальности¹⁰¹. К информационным технологиям и новым коммуникативным возможностям автор добавляет возникновение транснациональной диаспорной публичной сферы в условиях детерриториализации и отрыва от родины. Самоидентификация бурят-мигрантов находит дополнительные возможности актуализации в сети интернет, изыскивая источники вдохновения в иноязычной и инокультурной среде. Здесь возникает, по всей вероятности, еще

⁹⁹ Копцева Н. П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_10989.html (дата обращения: 03. 03. 2015)

¹⁰⁰ Варнавский П. Конструирование социокультурных границ в дискурсе бурятской этничности (начало XXI в.) // *Debaty Artes Liberales: Пограничье культур — культуры пограничья*. — Warszawa, 2012. — Т. VI. — С. 244–267.

¹⁰¹ Дугарова Р. От Бурятии к Бурят-Монголии. Репрезентации дрейфующей идентичности на переломе столетий // *Debaty Ibi Al: Цивилизационный выбор и пограничье*. — Warszawa, 2011. — Т. IV. — С. 157.

одна проблема в рамках этнической идентификации — это проблема восприятия данного феномена и необходимости ее возрождения у молодого поколения бурят, возвращенного на постперестроечной и пореформенной волне. В эпоху подъема интереса к этническому самосознанию молодежь в большинстве демонстрирует сопричастность к популяризации национальной культуры, национальных традиций и обычаев, ассоциирует проявление этнической идентичности с проявлениями религиозного сознания, отпращиванием буддийских и шаманистических культов.

Этническая идентификация бурятских диаспор в Монголии и Внутренней Монголии (КНР) становится предметом исследования ученых и привлекает внимание сложными переплетениями различных видов идентичностей и влиянием взаимозависимых контекстов. Известно, что отдаленность от родных мест, изоляция от культурной среды своего этноса, необходимость ежедневных контактов с другими этносами порождают потребность в обостренном восприятии и осмыслении проблемы этнической идентичности. Защитные механизмы самосохранения с необходимым этническим и культурным атрибутами помогают более сознательно относиться к проблеме родного языка, семейным узам, традиционному хозяйственному укладу, бережному отношению к фольклору и искусству. В самосохранении бурят за пределами традиционного ареала проживания особую роль играет историческая память о своем народе, сохранение субэтнических подразделений и сохранение родо-племенных отношений, ритуалов и обычаев, особое отношение к идее территориальной общности и малой родины. Коллективная память сохранилась в фольклорных источниках. Наиболее распространенным жанром у бурят Монголии, как считает Л. Ц. Халхарова, является песня. Литература монгольских бурят создается на территории титульного этноса (халха-монгольского) и содержит целый ряд элементов этнической идентификации. В поэзии популярными можно назвать мотивы родины и дома, осознания себя частью бурятского этноса. Проявление двойной идентичности у молодежи, но сохранение традиций среди пожилых автор объясняет непростой судьбой бурятской диаспоры в Монголии¹⁰². Двойная идентификация мон-

¹⁰² Халхарова Л. Ц. Типы этнической идентичности в художественном творчестве бурят Монголии // Россия — Азия: ценностные установки и социальный опыт: материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 16–19 июня 2011 г.). — Улан-Удэ, 2011. — С. 71–74.

гольских бурят является современной тенденцией, свидетельствующей не столько об ослаблении этнического влияния, сколько о стремлении молодого поколения выйти за рамки своего сообщества и интегрироваться в монгольское общество, все более осознавая относительность границ между этносами, в современных условиях идентифицируя себя как представителей монгольского суперэтноса, и ощущая на себе влияние трансграничных явлений.

За свою историю Монголия испытала сильное воздействие культуры Китая (с 1636 по 1912 г. она входила в состав Маньчжурского государства, позже — в состав Китая) и русской культуры (контакты с Россией особенно усилились в начале XX века). Китай и Россия, эти сильные и далеко ушедшие вперед в своем развитии империи, стали для Монголии не просто «культурными колонизаторами», но и своеобразными культурно-историческими и геокультурными ориентирами: если Китай был для Монголии Востоком, то Россия — Западом, и борьба этих двух влияний в начале XX в. достигла особой остроты.

В. Попков и Е. Тюгашев рассматривают цивилизационные взаимодействия Монголии по глобальной оси «Восток — Запад» и приходят к выводу о том, что Монголия жестко дистанцирована от Востока (прежде всего в лице Китая). Это позволяет им говорить не о собственно азиатской, что можно было бы считать естественной, о евразийской (точнее — североевразийской) идентичности Монголии. Авторы считают, что евразийская идентичность Монголии есть как продукт интерференции внешних цивилизационных влияний, так и результат собственного развития, обусловленного ландшафтной организацией ойкумены монгольского социума. Ученые провели исследования, по результатам которых стала очевидной ярко выраженная регионализация, т. е. деление населения на западных и восточных монголов. Восточные регионы представлены в основном халха-монголами и, согласно опросу, ими были названы самыми близкими народами русские и буряты¹⁰³. У монголов наличие ассоциации с евразийской цивилизацией, которая олицетворяется, прежде всего, с Россией. К бурятам как родственному народу у монголов отношение неоднозначное, что связано с разделением

¹⁰³ Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Цивилизационная идентичность Монголии в контексте дихотомии «Восток — Запад» [Электронный ресурс] URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_12/4189-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 22.03.2015).

монгольского суперэтнуса государственной границей двух стран и существенным влиянием на бурят русской культуры.

Что касается монгольской идентичности в современном глобализирующемся мире, Д. Д. Амоголонова выделяет два вектора этого процесса: инклюзивный и эксклюзивный. Инклюзивный тип идентичности предполагает идею возрождения культуры всемонгольской общности, а через нее и расширение сотрудничества между странами и народами¹⁰⁴. Второе направление явно страдает однобокостью, стремлением утверждать идею «монгольскости» и исключительного приоритета халха-монголов. Идея панмонгольской инклюзивности содержит эвристический потенциал, во-первых, в преодолении «халхацентризма», во-вторых, содействует интеграции монголов не только в контексте монгольского суперэтнуса, но и в широком масштабе межцивилизационного взаимодействия в пространстве Евразии.

Буряты в Китае составляют скромное меньшинство численностью чуть более 6 тыс. человек. Официально они не выделяются в отдельную этническую группу, в китайской переписи населения они квалифицируются как монголы, тем не менее буряты Внутренней Монголии представляют устойчивую общность, объединенную общей историей, представлениями о единстве происхождения, этническим самосознанием. Название *шэнэхэнские буряты* происходит от местности Шэнэхэн недалеко от Хайлара и является признаком осознанного выделения этнической группы из числа подобных в Китае. Специфика этнокультурного развития бурят Китая — ориентация на повторяемость норм, ценностей, смыслов, приверженность традициям во многом обусловлена географической локальностью, относительной замкнутостью, компактностью проживания, а также более поздним включением в модернизационные процессы.

В среде шэнэхэнских бурят бурятский язык сохранился как основное средство коммуникации, продолжая служить средством накопления и передачи информации, в малой степени он испытывал влияние извне. Именно язык продолжает еще выступать для шэнэхэнских бурят одним из основных этноинтегрирующих факторов, т. е. идентификационным символом, способствующим моделированию своего мира. В настоящее время растет популярность китай-

¹⁰⁴ Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурная практика. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. — С. 96.

ского языка, что обусловлено, прежде всего, прагматическими соображениями, в частности, необходимостью продолжения образования, вследствие чего многие молодые шэнэхэнцы бурятского происхождения в одинаковой степени владеют и бурятским, и китайским языком¹⁰⁵.

Возвращение шэнэхэнских бурят на историческую родину, ставшее возможным в начале 90-х гг. XX в., показало, что раздельное существование бурят в Китае и России привело к сложению двух бурятских культур. Возвратившиеся в Россию буряты сразу же производили впечатление естественными навыками владения родной речью, аутентичным поведением, что свидетельствовало о сохранении традиций и обычаев, а также знанием фольклора, пословиц и поговорок. Резмигранты поразили соплеменников из России своим знанием протяжных старинных бурятских песен, традиционной бурятской одеждой и украшением, что позволяло им быть символом архаической чистоты этноса, последовательными проводниками истинно народного бурятского наследия.

После многолетней разлуки с родными местами и вынужденной изоляции в степях Внутренней Монголии шэнэхэнские буряты сохранили этническую идентичность, именно бурятский язык стал ключевым этническим идентификатором, вербальным доказательством общей этничности — все это в совокупности дало им возможность избежать кризиса идентичности и легко адаптироваться в российской действительности, к социокультурному пространству российских бурят. Этот процесс имеет и другие стороны, каждая из которых показывает многообразные межэтнические связи евразийского фронта. Было проведено эмпирическое исследование шэнэхэнских резмигрантов. «Устанавливая тесные связи с доминирующей русской культурой, шэнэхэнцы сохраняют элементы своей культуры и остаются самостоятельным субъектом межэтнического взаимодействия. Несмотря на господствующее положение русской культуры в среде переселенцев, они стараются не потерять то, что им передалось через поколения, т. е. сохранить свою особую этническую идентичность.

¹⁰⁵ Boldonova I., Boronoeva D. The Buryats in China (Shenehen Buryats): the Role of School Education // Styles of Communication. — 2013. — Vol. 5, Issue No. 1. — P. 7–25.

Итак, в процессах стереотипизации отражены основные тенденции межэтнических отношений между шэнэхэнскими бурятами и китайцами в КНР. Они носят несколько негативный характер и связаны с отрицанием у другого этноса наиболее высоко оцениваемых характеристик своего этноса, — пишет С. Н. Болдохонов, — однако исследование показало и пути улучшения взаимоотношений. Так, шэнэхэнские буряты адекватно оценивают такие качества китайцев как трудолюбие и нравственность. Кроме этого, представители исследуемой группы оценивают свой народ как характеризующийся добродушием и гостеприимностью. Эти положительные стереотипы могут помочь в установлении лучшего взаимопонимания, искреннего общения между народами»¹⁰⁶. Буряты в Монголии, буряты в Китае, реэмигранты активно вовлечены в процесс этнической социокультурной коммуникации через фестивали и события, решения экономических и хозяйственных проблем, межличностные контакты на приграничных территориях и в сети интернет.

Этнонациональные взаимоотношения переплетаются с надэтническим панмонгольским уровнем, что является велением времени, немаловажную роль в консолидации играет общая религия. Разновидность буддизма — ламаизм — пришла в Бурятию из Монголии и Тибета. Буддизм является официально признанной российскими властями религией, Бурятия признана центром всех буддистов России, буддизм также получил распространение в Туве, Калмыкии, на Алтае. Взаимоотношения с коренной религией местного населения — шаманизмом — у буддизма не всегда были гладкими и однозначными, но многие элементы культа шаманизма вошли в буддизм. Исторически сложился дифференциальный признак этнической идентичности в двух вариантах: восточные буряты ассоциируют буддизм с принадлежностью к этносу, в то время как западные буряты Иркутской области считают исконной религией своих предков шаманизм.

Значительный пласт межконфессиональных отношений приходится и на восприятие и оценку местным населением христианства. Старожильческая культура является неотъемлемой частью мультикультурного общества Байкальского региона. По словам И. А. Ар-

¹⁰⁶ Болдохонов С. Н. Этническая идентичность и толерантность реэмигрантов (на примере шэнэхэнских бурят) // Человек, культура и общество в изменяющемся мире: сб. науч. тр. : в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. — Ч. 1. — С. 140–143.

зуманова, трансграничье Байкальского региона охватывает части православной культуры, буддийской цивилизации и в контексте межкультурного трансграничья с Китаем также конфуцианско-буддийский мир. В контексте общих глобализационных тенденций религиозное пространство Восточной Сибири подвергается изменениям, об этом свидетельствует тотальная переоценка религиозно-аксиологического фактора социальной жизни, утверждает автор. Дихотомия Восток — Запад проявляется в конфессиональной стратификации Байкальского региона, где присутствуют православие (включая старообрядчество), ламаизм и шаманизм. И. А. Арзуманов приходит к выводу о том, что в религиозном пространстве Байкальского региона проходят трансформационные процессы, связанные с миссией постпротестантских, римско-католических и тибето-теократических религиозно-обусловленных комплексов, а также процессы конфессионализации региональных форм шаманизма¹⁰⁷.

И. А. Арзуманов, используя культурологический, философско-антропологический, философско-религиоведческий подходы, изучает философско-культурологическую проблематику цивилизационного трансграничья между Россией, Монголией и Китаем в поликонфессиональном составе Байкальского региона. Процессы, связанные с регионализацией религиозного сознания распространились на евразийском фронтире еще с 90-х гг. XX в. Совместное проживание породило традицию религиозной толерантности, что содействовало сплочению народов Байкальского региона. Духовные, философские основания двух ведущих конфессий — буддизма и православия — не только обеспечили веротерпимость и устойчивость сосуществования, но и не препятствовали заимствованию других религий. Д. Будаева отмечает, что более 2% верующих бурят признали православие своей религией и примерно столько же русских указали на принадлежность к буддизму. Заимствование религий служит свидетельством формирования и развития религиозного плюрализма, обеспечивающего сближение и единение духовного мира соседних народов и, в конечном счете, консолидацию регио-

¹⁰⁷ Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансазиатском контексте (XX-XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2008.

нального сообщества¹⁰⁸.

Осознание своей принадлежности бурятами к буддийской цивилизации исторически не противоречило идентификации в контексте Российской империи, более того, цивилизационная идентичность основывалась и развивалась на этнической идентичности. Обширный контекст существования бурят С. Ю. Лепехов разделяет на российскую имперскую государственную общность, монголоязычную культурную общность и буддийскую цивилизацию. При этом сближение всех трех идентификаций вело к мобилизации цивилизационной идентичности на основе мобилизации нижележащих слоев сознания. Об этом свидетельствует обоснование А. Доржиевым более тесного сближения Тибета, Монголии и России¹⁰⁹. Следовательно, возникновение цивилизационного союза на евразийском пограничье было закономерным ходом развития общества на пересечении путей с Запада на Восток, из Азии в Европу, где Россия как евразийская страна потенциально могла воспринимать и восточные ценности, духовное наследие буддийской цивилизации.

Существование буддизма в индо-тибетской разновидности в Байкальском регионе дает основание ученым осмысливать общие корни, духовные традиции, теорию и практику буддийской философии применительно к реалиям монгольских народов, в том числе и бурят. Распространение буддизма имело положительные стороны в плане более высокого уровня организации жизнедеятельности, формирования духовных основ, менталитета, распространения образования, развития искусства и буддийской культуры, проведения просветительских мероприятий. Буддизм рассматривается в качестве объединяющего фактора и обоснования особой буддийской цивилизации. Индо-тибето-монгольская цивилизация определяется И. С. Урбанаевой как универсальная буддийская цивилизация. Индийская система буддизма стала основой государственной и обще-

¹⁰⁸ Будаева Д. Истоки поликонфессиональности и религиозного поведения населения, находящегося в условиях историко-культурного пограничья (на материалах Республики Бурятия // *Debaty Ibi Al: Цивилизационный выбор и пограничье* / под ред. Я. Кеневич. — Warszawa, 2011. — Т. IV. — С. 272–287.

¹⁰⁹ Лепехов С. Ю. Цивилизационная идентичность и самосознание бурятской интеллигенции начала XX в. // *Интеллигенция в изменяющемся мире: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития: материалы VIII Междунар. науч. конф. (Байкальская встреча) (Улан-Удэ, 15–18 июня 2010 г.)* /отв. ред. И. И. Осинский. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. — С. 361–368.

ственной жизни тибето-монгольского мира еще в добуддийский период, основанием цивилизационной идентичности кочевников с древности служила их традиционная духовность — степная этика, а также духовные учения, основанные на почитании Неба, а позднее — буддизм. С распространением в Центральной Азии буддийской традиции постепенного пути просветления, принесенной из Индии Атишей, она стала наиболее мощным духовным вектором цивилизационной интеграции. На основании выявления исторической, духовной общности данному типу цивилизации И. С. Урбанаева придает даже не региональное, а универсальное значение. При этом очевидно стремление автора обособить тибето-монгольский мир с признанным кочевым типом хозяйствования от китайского мира с его оседлым хозяйством и земледелием с одной стороны, и с другой стороны, принимая во внимание разные принципы концептуализации истории¹¹⁰.

Религиозные взаимоотношения формируют фундамент цивилизации и дальнейших взаимоотношений на цивилизационном пограничье. В данном случае принадлежность к тибето-монгольской цивилизации дает возможность бурятам и монголам выйти за рамки собственной этнической идентичности и соприкоснуться с ценностями других конфессий. В частности, в сравнении с конфуцианством Китая можно по-иному взглянуть на мировоззрение, психологию, историографию, летоисчисление. Исторические документы свидетельствуют о крайне сложных взаимоотношениях с китайской цивилизацией, но в современном мире поиск путей межкультурного диалога является велением времени. На основании совместного существования в евразийском пространстве необходимо пересматривать традиционные и консервативные взгляды на инаковость «другого». Исторически сложилось взаимопроникновение духовных учений буддизма и конфуцианства и их влияние на судьбы народов и государств.

В Китае постепенно приходит понимание опасности влияния западных ценностей и размывание национальной идентичности китайцев. Экономическое соревнование с западными странами привело Китай к высокому уровню конкурентоспособности, вырос жизненный уровень рядовых граждан, появился средний класс, который и

¹¹⁰ Урбанаева И. С. Буддийский вектор цивилизационного пограничья // *Debaty Artes Liberales*. — 2012. — Т. VI. — С. 122–156.

следует либеральным ценностям и имеет тенденцию к западному образу жизни. Следствием этих процессов становится меняющаяся национальная китайская идентичность, чему противостоит процесс переосмысления традиционных китайских, конфуцианских ценностей в новом контексте. Идентичность китайцев менялась несколько раз в зависимости от исторических событий, в последние годы идентичность носит явно выраженный положительный настрой великоимперского масштаба, чувство превосходства над другими формирует определенный тип идентичности.

Взаимное влияние русской, православной и китайской православной культур происходило в районе Трехречья, городах Харбин, Хайлар, Шанхай, Тяньцзинь и др. Из истории известно, что массовое переселение русских эмигрантов в Китай было связано со строительством железной дороги, а также с исходом беженцев в гражданскую войну. Сегодня вышеназванные территории несут отпечаток русского присутствия в регионе, где по сей день сохранились черты влияния русской культуры, пишет Ю. Н. Соломеина: «Трехреченцы сегодня — это потомки от браков русских с китайцами. Современное состояние деревень свидетельствует о том, что русская идентичность существует и сохраняется за счет православия и традиционного хозяйства. Сейчас в волости проживают русские в основном во втором и третьем поколении, старшее поколение еще говорит порусски, но для их внуков и детей родным является китайский язык. Трехречье длительное время в силу различных причин было центром притяжения русского населения, что не могло не оставить отпечатка на его облике. Слияние различных типов культур на современном этапе и составляют неповторимый облик региона¹¹¹.

Мы наблюдаем, эффективность мер идеологии культурного национализма, которые проявляются в четко сформированной гражданской идентичности китайской молодежи, которая представляет собой будущее страны. Культурная идентичность этносов Китая сегодня — это сложное, многомерное явление, которое формируется под влиянием главной этнополитической силы — идеологии

¹¹¹ Соломеина Ю. Н. Поликультурное пространство Трехречья как результат миграционных процессов // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. — Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. — С. 98–104.

культурного национализма¹¹².

Среди ведущих тенденций трансформации китайской национальной идентичности Т. Н. Кучинская называет процесс культурной регионализации как результат регионального структурирования китайского пространства. Внутри определенного региона происходит актуализация самоидентификации и региональная, часто этническая идентичность соотносится с национальной идентичностью. Модернизация китайского общества заставляет ученых задуматься над способами формирования новой национальной идентичности, в основу которой должны быть положены и традиционные ценности и заимствованные адаптированные элементы других культур. Т. Н. Кучинская подчеркивает стратегию китайского государства в условиях глобализации и регионализации, направленную на гармоничное развитие, национальное сплочение и диалог культур¹¹³. В условиях межцивилизационных взаимодействий китайские власти поддерживают идею развития Северо-Восточного региона, граничащего с Забайкальским краем, Хабаровским краем РФ и Монголией. С открытием для ханьцев Маньчжурии они стали очень скоро основным ее населением и стали заметным фактором в жизни русского Дальнего Востока. В начале XX в. они прочно утвердились в золотопромышленности, пограничной и розничной торговле, а в постперестроечную эпоху Маньчжурия стала основным буфером активного торгового сотрудничества двух стран, сформировав приграничный форпост свободной зоны межкультурного диалога. Новая китайская идентичность развивается с учетом фронтирного социокультурного, экономического, политического диалога, который опирается на идею евразийского сотрудничества на основе общей исторической памяти, взаимного обогащения культур. Очевидно и то, что Китай признает сопричастность к особой евразийской цивилизации на основании многовековых контактов, международной торговли в этих краях, традиционного обмена, функционирования

¹¹² Меркушина Я. С. Особенности культурной идентичности китайцев в условиях политики культурного национализма // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. — Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. — С. 73–78.

¹¹³ Кучинская Т. Н. Социокультурная идентичность в деле консолидации современного китайского общества // Россия — Азия: ценностные установки и социальный опыт: материалы межд. науч. конф. (Улан-Удэ, 16-19 июня 2011 г.). — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. — Вып. 4. — С. 189–192.

трансграничных потоков в разных областях.

Процесс формирования региональной идентичности прослеживается не только в Китае, но и в России. Р. Ф. Туровский говорит о региональной идентичности в России как о характерном явлении по отношению к русским в республиках. По данным тех же опросов 1994–1995 гг., региональную идентичность предпочли общероссийской 48,1% русских Якутии, 20,3% — Татарстана, 13,3% — Тувы, 6,7% — Северной Осетии. Результат существенно ниже, чем для титульных народов, и ниже, чем для русских в краях и областях, но тенденция все равно наблюдается, считает Туровский. Он это объясняет высокой степенью укорененности русских в республиках, длительным опытом совместного проживания с титульным населением. Например, доля местных уроженцев среди русских Бурятии и Татарстана составляет около трех четвертей, она еще выше в Мордовии. Во многих республиках социокультурная дистанция между русскими и титульными народами действительно минимальна, что способствует формированию *наднациональной региональной идентичности*. Этот процесс характерен для финно-угорских республик, Чувашии, национальных автономий Сибири и Дальнего Востока (кроме Тувы)¹¹⁴. Попытки создания в республиках наднациональной идентичности (татарстанцы, якутяне и др.) свидетельствуют о тенденциях вложить в понятие региональной идентичности стремление к обобщенной самоидентификации для более широкой возможности приобщаться к культурам других народов. В трансграничье такие попытки вполне оправданы желанием расширить круг географических, экономических, социокультурных факторов для выражения самобытности и причисления себя к цивилизационному уровню в условиях трансформации общества.

Региональная идентичность национальной республики часто совпадает полностью или частично с этнической идентичностью, это объясняется тем, что региональная идентичность обладает одним очень важным свойством — способностью объединять представителей разных народов и конфессий, ломать или снижать барьеры между этими группами. Р. Ф. Туровский выделяет шесть типов региональной идентичности:

- республиканская идентичность, которая характерна для ти-

¹¹⁴ Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России. — М. : Гендальф, 1999. — С. 10.

тульных этносов республик и явно доминирует над общероссийской;

- наднациональная республиканская идентичность, объединяющая титульный народ, русское население и другие народы, проживающие в республиках;

- русская региональная идентичность, которая привязывается к субъектам федерации и является двойной, т. е. сочетается с общероссийской идентичностью;

- русская региональная идентичность, которая связывается с субэтническими общностями; русская региональная идентичность, связанная к крупным географическим общностям (например, Сибирь);

- регионально-идеологическая идентичность, которая определяется политико-идеологической, электоральной ориентацией регионов¹¹⁵.

В нашем регионе в последние годы определилась тенденция к преобладанию второго вида региональной идентичности. Многие жители Бурятии склонны осознавать факт территориальной общности и соотносить себя с коллективным образом региона «Мы — Бурятия». Наличие своеобразной мировоззренческой концепции, близость священного Байкала, соседство Монголии и Китая, миролюбивый настрой позволили формированию, как считают Н. В. Цыпышева и Е. В. Молева, вида региональной идентичности — забайкальской идентичности на основе экологической морали¹¹⁶. На основании проведенного социологического опроса М. Ханхунова говорит о появлении в Бурятии особой ментальности¹¹⁷. Особый тип ментальности жителей Бурятии, забайкальская самобытность дают основание Е. А. Голубеву судить о сибирской идентичности¹¹⁸. Местная географическая специфика, чувство принадлежности к определенной территории свойственно и жителям Байкальского региона

¹¹⁵ Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России. — М. : Гендальф, 1999. — С. 39.

¹¹⁶ Цыпышева Н. В., Молева Е. В. Самобытность и особенности менталитета жителей Республики Бурятия // Народы Сибири в составе Российского государства: история и современность: материалы регион. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2011. — С. 83–88.

¹¹⁷ Ханхунова М. Этническая идентичность в региональном информационно-коммуникационном пространстве (на примере Республики Бурятия) // *Debaty Ibi AI: Цивилизационный выбор и пограничье* / под ред. Я. Кеневич. — Warszawa, 2011. — Т. IV. — С. 169–181.

¹¹⁸ Голубев Е. А. Сибирская идентичность и забайкальская самобытность // Сб. науч. трудов. Серия: Общественные науки. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2006. — Вып. 10. — С. 89–92.

как срединной земли на евразийском фронтире. Самосознание населения определенной территории, основанное на идентификации себя и своего социального бытия с данной местностью, формирует особый взгляд на мир. Исходной точкой может быть принадлежность к сибирскому пространству и формирование так называемой новой идентичности на пограничье.

Немаловажным фактором в идентификации регионального сознания является имидж региона, т. е. целенаправленно создаваемый образ, имеющий объемную характеристику, направленный на его позиционирование и обеспечение устойчивого присутствия в информационно-коммуникативном пространстве. В ходе анализа данных анкетирования 2011 и 2013 гг. Е. Горбатовых были получены следующие результаты: у большинства опрошенных Республика Бурятия ассоциируется с озером Байкал, с буддийским религиозным центром (Иволгинский дацан), с культурными особенностями и традициями, среди которых национальное бурятское блюдо буузы, некоторые респонденты отвечали на этот вопрос строчкой из гимна Бурятии: «Таежная, озерная, степная...», у половины опрошенных респондентов Бурятия ассоциируется с Родиной. На вопрос, чем наша республика выгодно отличается или может выгодно отличаться от других субъектов России, большинство респондентов (одинаковое количество бурят и русских) отметило солнечный климат, озеро Байкал, природные целительные источники, самобытность бурят, их национальный колорит, традиции и быт¹¹⁹.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод о том, что жители Бурятии, проявляя региональную идентичность, подчеркивают характерные оценочные качества собственного коллективного бытия, выделяют особенности региональной ментальности и выражают патриотическое отношение к своему месту жительства. Из опроса видно, что местные жители выражают чувство гордости за регион, проявляют глубокие эмоциональные связи, самоуважение, и от этого Бурятия становится более привлекательной для гостей и инвесторов. А. Л. Зверев выделяет временную самоидентификацию русских в этнонациональном регионе. Оптимальным решением применительно к Республике Бурятия, представителям обоих этно-

¹¹⁹ Болдонова И. С., Горбатовых Е. Брендинг как проявление региональной идентичности (на примере Республики Бурятия) // Социальные и этнические процессы в развитии общества: сб. науч. тр.: в 2 ч. / науч. ред. Д. Ш. Цырендоржиева. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. — Ч. 1. — С. 157–160.

сов, русских и бурят, будет этнорегиональный тип идентичности¹²⁰. На наш взгляд, это может служить праобразом региональной идентичности фронтирного бытия.

Региональная идентичность, по мнению Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанова, является результатом отождествления: «Я — член территориальной общности». Предполагается, что для каждого индивида при фиксированном наборе образов территорий механизм идентификации постоянен. Авторы указывают, что каждый индивид обладает образом «Я — член территориальной общности», который вместе со способом соотнесения (сравнения, оценивания, различения и отождествления) образа «Я» и образов территориальных общностей образует механизм региональной идентификации¹²¹.

Ярким примером отражения евразийской фронтирной идентичности является город Улан-Удэ, средоточие и перекресток разных миров и культур. З. Морохоева полемизирует с А. Бреславским в его поиске азиатскости, который принимает в качестве доминанты контекста «Город с азиатской душой» этнические мифологемы — о «великой истории», «принадлежности к великой центральноазиатской и буддийской цивилизации», «великих культурных героях» (в первую очередь, Чингисхане), «праве титульного этноса на этническое пространство». Город Улан-Удэ претендует на четыре мощных пространственных представления: «Улан-Удэ — столица бурятского мира», «Улан-Удэ — буддийская столица России», «Улан-Удэ — восточные ворота России», «Улан-Удэ — столица Байкальской Азии», из которых Бреславский выделяет третье измерение как наиболее соответствующее контексту «города с азиатской душой», но как подчеркивает З. Морохоева, Бреславский строит это представление об Улан-Удэ на субстанциальной (западноевропейской) модели мира. В то время как З. Морохоева обращается к бурятским мифологемам, которые отсылают к модели мира, принципиально отличной от субстанциальной модели мира. Они создаются по законам мира, которые весьма отличны от русского православного мира. «Бурятский мир был основан на принципе связи, то есть взаимопроникновении микро- и макрокосмоса. В основу простран-

¹²⁰ Зверев А. Л. Актуализация региональной идентичности в условиях политической трансформации российского общества в постсоветский период : на материалах Республики Бурятии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2003.

¹²¹ Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования. — М. : Социс, 1998. — С. 18.

ственно-временного континуума в картине мира положена моментальность. Динамизм и взаимный переход противоположных начал являются основными характеристиками такой картины мира. Можно допустить, что основной категорией здесь выступает время, а не пространство»¹²². Автор принципиально настаивает не на устойчивости, а на изменчивости как точке отсчета, равной моменту равновесия. Изменчивость, моментальность, приоритет времени над пространством помогают установить гармонию. Данная идея соотносится с гармонией разных уровней идентичности на евразийском фронтире, и город Улан-Удэ как модель евро-азиатскости меняет этническую идентичность, региональную в узком понимании идентичность в пользу идентичности более широкого порядка.

Предпосылки формирования новой территориальной идентичности складываются и в соседней Иркутской области. Особенность современной модели Иркутской области О. Б. Истомина определяет как высокий уровень контактности русских и коренных народов Сибири, что находит объяснение в длительном характере совместного проживания, общности хозяйственно-бытовых связей, мирным и бесконфликтным типом взаимоотношений. Проведенное анкетирование О. Б. Истоминой на предмет межэтнических установок населения доказывает позитивную этническую идентичность, толерантность и восприятие Предбайкалья моделью своеобразного «перекрестка культур»¹²³. Другими словами, позитивная этническая идентичность населения готова перерасти локальный внутриэтнический уровень и выйти на модель идентификации, отражающую успешную межкультурную коммуникацию и взаимодействие этносов.

В Забайкальском крае имеет место общность ценностей, традиций, связей между социокультурными общностями, что анализируется Н. С. Зиминной через понятия «социокультурное пространство» и «регион». Характер трансграничного взаимодействия во многом определяется социокультурной устойчивостью включенных в него субгосударственных регионов. Характеризуя Забайкальский край как «контактную зону» межкультурного взаимодействия, автор называет мирное диалоговое сосуществование культур, сохранение и

¹²² Морохоева З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализации. Перспектива Евро-Азии. — Варшава; Киев: Таксон, 2013. — С. 257–258.

¹²³ Истомина О. Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы, тенденции (региональный аспект) / науч. ред. И. И. Осинский. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — 288 с.

презентацию собственной культуры как культурный регионализм¹²⁴.

Наиболее сильное изменение принципов и механизмов трансграничного взаимодействия (также и в культурной области) можно наблюдать на пространстве приграничной территории Забайкальского края, считает В. С. Морозова, где традиционное культурное самосознание, связанное с концептом «форпост», находящимся в непосредственной близости с враждебными соседями, приобретает в настоящее время иные черты, актуализируя основание для становления новой регионально-культурной идентичности. Как представляется, усиление международной составляющей развития отдельных элементов региональной культуры вовсе не означает утрату ими своей самобытности. Речь идет о том, что в процессе межкультурного взаимодействия происходит формирование новой формы социокультурной идентичности, где в наиболее эффективных формах могли бы реализовываться национальные интересы действующих в ней участников и осуществляться совместный поиск решения проблем, имеющих жизненно важное значение для человеческой цивилизации в целом.

Так как Забайкальский край является воротами в Азию не только для Дальнего Востока России, но и для ряда западных регионов страны, то в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР основой культурной идентичности для населения Забайкалья может стать соединение в себе восточного и западного начал. Становление Забайкальского края как универсального посредника между АТР и Европой способно сгладить межкультурные противоречия, вывести диалог между этими регионами на принципиально новый уровень.

В настоящее время очевиден факт того, что Китай расширяет сферы своего влияния не только с позиции экономики и политики, но и с позиции культурного обмена между государствами. Привнося новые элементы в культуру соседнего государства, Китай также заимствует определенные рациональные элементы культуры этой страны. Такое взаимодействие, в свою очередь, приводит к трансформации процессов идентичности народов обеих стран. Однако, как показывает китайский опыт, региональная культура в данном

¹²⁴ Зими́на Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации (на примере Забайкальского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Чита, 2012.

случае ассимилирует в себе необходимые ей нововведения, адаптирует их с точки зрения традиционной культуры и использует для дальнейшего развития¹²⁵.

Идентификация себя с территориальной общностью не только Забайкальского края, единого Байкальского региона, но и с более глобальным трансграничным сообществом евразийского фронта становится велением времени и у соседей Республики Бурятия.

Региональная идентичность местного уровня (Республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край) может переходить в региональную идентичность более глобального уровня на основании антропологических предпосылок. Ощущение комфортности проживания в Байкальском регионе, чувство сопричастности к национальному своеобразию духовной и материальной культуры коренных народов этой местности, включающей самобытность бурят, русских старожилов, казаков, эвенков, сойотов, татар. Позитивный настрой к месту проживания во многом объясняется вековыми традициями восприятия малой родины, проживания в этом краю не одного поколения предков, в результате чего пришлые все же стали по определению и менталитету местными. Локальный патриотизм по отношению к Байкальскому региону объясняется также гордостью и склонностью к сакрализации озера Байкал, осознанием своего срединного местоположения между Европой и Азией, Западом и Востоком, евразийским фронтирным бытием, где исторически сложились обширные территории кочевой цивилизации, перекрестки торговых путей. Жители Байкальского региона склонны гордиться толерантностью и реалиями межкультурного взаимодействия в многонациональном сообществе. Все это позволяет судить о достаточной уникальности региона.

Существенной характеристикой региональной идентичности М. В. Назукина называет осознание региональной «самости»¹²⁶, что выводит на более высокий уровень анализа ценностных установок, социальных смыслов, мировоззренческих вопросов. Отсюда и интерес ученых к изучению менталитета жителей Байкальского региона

¹²⁵ Морозова В. С. Трансформация региональной культуры и формирование новой социокультурной идентичности в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР (на примере Забайкальского края // Вестник БГУ. — 2010. — № 6. — С. 95–99.

¹²⁶ Назукина М. В. Граница в дискурсе идентичности региональных сообществ России // Вестник Пермского ун-та. Сер. Политология. — 2007. — № 1. — С. 11–17.

и системы представлений местного сообщества своей идентичности, восприятия и оценки социокультурного контекста, позволяющих судить о принадлежности к особому типу региональности — территории в центре с озером Байкал. Коллективная память фиксирует и хранит многовековую историю контактов внутри региона и с ее соседями. На евразийском фронтире имеется, по крайней мере, еще два форпоста трансграничной коммуникации, это приграничные Маньчжурия и Кяхта. Одним из наиболее значимых городов китайского приграничья в контексте межкультурного взаимодействия является г. Маньчжурия. Город получил статус «цивилизационного порта общегосударственной важности».

Схожие географические условия проживания, усиливающаяся роль Байкала как фактора перехода к устойчивому развитию, стратегического социокультурного, экономического и политического ресурса позволяют судить о надрегиональной идентичности более высокого уровня осмысления. Наличие самобытных культур народов Байкальского региона и постоянное, интенсивное взаимодействие с не менее самобытными культурами близлежащих сообществ по ту сторону евразийского фронта — Монголии и Северо-Восточного региона Китая — формируют предпосылки к определению особого самосознания населения этой обширной территории. Оно включает функционирование четырех основных языков (русского, монгольского, бурятского, китайского), модели поведения, религиозное сознание, нравственные и эстетические ценности. Осознание принадлежности к общим конструктам географического, культурного, аксиологического характера позволяет подвести основу под символическое единство сообщества Байкальского региона. Региональная идентичность нового формата на евразийском фронтире с включением региональных идентичностей локального масштаба собственно Байкальского региона РФ, Монголии, Северо-Восточной провинции Китая формируется на обширной социально-территориальной общности под воздействием процессов глобализации.

Обществоведы, объясняя генезис нынешних конфликтов, придают первостепенное значение тому, что сегодня важнейшим маркером объединения или разделения людей являются уже не территориальные и государственные границы, не этнические или расовые признаки, и даже не политические и национальные идеологии, а именно цивилизационная идентификация людей, т. е. конструирование человеческой идентичности в зависимости от духовных, цен-

ностных, религиозных факторов, базовых для каждой цивилизации. Учитывая значимость при использовании цивилизационной логики, умения видеть не только цивилизационные различия и противоречия, но и возможности наведения мостов и взаимопонимания между разными цивилизациями, можно согласиться с мнением, что осмысление феномена цивилизационного пограничья как пространства междивизиационного взаимодействия приобретает сегодня особую актуальность¹²⁷.

Нельзя не согласиться с А. О. Бороноевым в том, что цивилизационное пограничье изменяет границы территориальные, государственные, культурные, придавая им новые характеристики. Он говорит о возрастании роли культурного пограничья и национально-региональных культур, что можно применить, например, к сообществам на границах Забайкальского края и Маньчжурии, Кяхтинского района РБ и приграничных аймаков Монголии, поселений Внутренней Монголии КНР, горных районов Бурятии и Тывы с Монголией. Но в отличие от конфликтного потенциала во взаимодействии ислама и христианства, о котором пишет А. О. Бороноев, межконфессиональные отношения христианства (православия), буддизма, шаманизма, конфуцианства, как это было сказано выше, достаточно миролюбиво уживаются на евразийском фронтире. Вследствие этого цивилизационные границы, разные уровни региональной идентичности, коммуникационные практики формируют новую идентичность цивилизационного порядка.

Цивилизационный концепт по сравнению с национально-культурной, государственными формами идентичности пытается исключить политику, считает О. Бреская. Для функционирования цивилизационного концепта важно формирование новой структуры сознания, новой ментальности или новой социокультурной картины мира. Трансформационные процессы в религии, взаимодействие православия, буддизма, шаманизма, конфуцианства на евразийском фронтире и порождают такую картину межкофессионального диалога в ситуации религиозного плюрализма. Сегодня в общественном сознании народов и индивидов господствуют ментальные представления на опыте национальных историй, элементы народной памяти и мифологии, что порождает сложность взаимоотноше-

¹²⁷ Бороноев А. О. Концепт пограничья как методология исследования социокультурных процессов // Вестник БНЦ СО РАН. — 2011. — № 4. — С. 119–123.

ний культурной, государственной и цивилизационной идентичности и ментальности¹²⁸. Этническая идентичность народов Байкальского региона, построенная на генеалогической памяти, традициях и обычаях, родном языке, фольклоре, чувстве принадлежности к определенной местности, в контексте глобализации постепенно перерастает свои границы и перетекает в социокультурное русло, откуда изменяется в сторону региональной идентичности: Сибирской, Восточносибирской, Центральноазиатской, Байкальской, Байкальской Азии, Республики Бурятия. В любом случае региональный тип идентичности демонстрирует наднациональную территориальную идентичность и приближается к цивилизационному уровню обобщения и осмысления своей принадлежности к сообществу на основе схожести культурно-исторического ареала, физико-географического и ландшафтного районирования.

Осознание своей принадлежности к цивилизационному пограничью евразийского фронта содержит в себе новые возможности не только экономического или политического характера, но и ресурс духовного обогащения как результат постижения других культур. Таким образом, становится очевидным преимущество трансграничного бытия ввиду возможности формирования новой идентичности. Я. Кеневич ставит во главу угла цивилизационной идентичности пограничья поиск ценностей. «Это значит, — пишет Кеневич, — что люди не только принимают свою судьбу, но и создают свою идентичность на основе принципов и примеров, общих не только для них, но и для людей другой идентичности, другой культуры...»¹²⁹.

Кеневич говорит о судьбе сибирских народов, ищущих пространства, в котором они могли бы проявить качества, необходимые для выражения чувства принадлежности к более широкому кругу, чем тот, который обеспечивает собственная культура. Данное состояние он называет «дрейфующей идентичностью» под воздействием трансформации общества. Под цивилизацией он понимает форму идентификации людей за пределами их культурной или национальной идентичности, подразумевающую способность осознания подобной более высокой или более широкой принадлежности. Далее, Я. Кеневич подчеркивает идею творчества по созданию ци-

¹²⁸ Бреская О. Введение в пограничную теорию // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2007. — № 1–2. — С. 156–175.

¹²⁹ Кеневич Я. Человек и судьба: о вероятности гуманистической теории цивилизации // Человек. Общество. Среда. — 2010. — № 3 (16). — С. 48.

визационной идентичности, поскольку она не дается по праву рождения (как культура) или выбора (как гражданство). Цивилизацию создают люди, осуществляя ежедневный выбор ценностей, на основании которых они устанавливают свой образ жизни¹³⁰.

Трансграничное бытие Байкальской Азии, евразийского фронта добавляет данному контексту еще одно преимущество — возможность межкультурного диалога Запада и Востока. В центре рефлексии о цивилизационной идентичности лежит концепт граница между своим и чужим: буддийский / небуддийский мир, кочевой / оседлый мир, буряты / халха-монголы, монгольские народы / китайцы, шэнэхэнские буряты / ханьцы Китая, российские буряты / реэмигранты, народы Байкальского региона / заграничные соседи и т. д., когда разные виды идентичности должны прийти к общему знаменателю. На цивилизационном пограничье — от дихтомии «Мы / Они» осознание принадлежности к общей евразийской идентичности приводит к диалоговому сознанию «Мы и Они».

Цивилизационная идентичность на евразийском фронтире строится на наднациональной региональной идентичности в России, модернизации китайского общества и инклюзивной идентичности монголов. Стоит согласиться с О. В. Дроздовой в том, что цивилизационная идентичность не противоречит гражданской национальной идентичности, не нацелена на сепаратизм, а укрепляет российскую идентичность и патриотизм пониманием патриотизма территории проживания¹³¹. Евразийская региональная идентичность более широкого уровня — это дискурсивная матрица, в диалоге встречаются различные модели евро-азиатского трансграничного дискурса, когда разные народы могут транслировать ценности через свои духовные и культурные достижения. В этом случае они способны перешагнуть границы своих идентичностей в воображаемую сферу, где формируется новое символическое бытие евразийской цивилизационной трансграничной (фронтирной) идентичности.

¹³⁰ Кеневич Я. Выбор ценностей и цивилизационная принадлежность: возможность или необходимость // *Debaty Ibi Al.* Цивилизационный выбор и пограничье. — 2011. — Т. IV. — С. 328–338.

¹³¹ Дроздова О. В. Проблема формирования гражданской российской нации в условиях полиэтничности // *Вестник БГУ.* — 2009. — Вып. 14. — С. 100–103.

2.1.2. Роль образования в диалоге Востока и Запада и формирование поликультурной личности евразийского фронта

Острая социальная потребность в упрочении духовно-нравственных основ человеческого бытия в поликультурной среде евразийского фронта во всей своей сложности и многоаспектности выступает сегодня объектом исследования представителей самых разных наук, фокусирует в себе многие острые проблемы современности. В условиях поликультурной среды эта общая задача не может быть осуществлена без анализа специфики личности и факторов ее развития в контексте межнационального, межконфессионального взаимодействия народов Забайкалья и межкультурного диалога с народами пограничных стран. Традиционно Бурятия представляла евразийскую модель развития внутри российской цивилизации. Поликультурная среда евразийского фронта формировалась веками путем взаимопроникновения и взаимовлияния различных национальных и региональных культур, и личности всегда было сложно выделить или предпочесть ту или иную культуру в качестве духовного ориентира. Историческая обусловленность поликультурной среды предполагает качественно различную взаимосвязь ее элементов в каждую эпоху. На современном этапе развития общества содержание и структура поликультурной среды настолько усложняются, что без их анализа трудно уяснить особенности духовного развития личности.

Ю. Ц. Тыхеева, анализируя реалии евразийства в России, пишет: «Вообще человек, живущий на территории нашей страны за Уралом, на азиатской стороне, напоминает двуликого Януса, обращенного как на Восток, так и на Запад. Он находится на границе двух миров, между Востоком и Западом...

Культура России — наследница не только Византии и западной Европы, но и кочевой империи Чингисхана, облагороженной православием. Этническое своеобразие российской цивилизации и культуры обусловлено ее интегральным характером, т. е. тем, что она вобрала в себя культурное наследство большого числа этносов и народов туранского, угро-финского, монгольского, арийского происхождения»¹³². Поэтому воспитание личности, формирование ин-

¹³² Тыхеева Ю. Ц. Глобализация и проблемы евразийского мира // Евразийский фронт: концепт «национальное» в русском, монгольском, китайском и бурятских языках и литературах: сб. науч. ст. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. — С. 17.

дивидуального кредо вбирают в себя не одну, а несколько культурных традиций.

Американский ученый А. Инкелес, опираясь на данные исследований разных сообществ, пришел к выводу о том, что в результате процессов модернизации формируется *the modern man* (современный тип личности), что предполагает культурный образец реформирующегося общества. Для современной личности характерны независимость поступков и суждений, открытость инновациям, достаточно высокий уровень правового сознания, толерантность, активная социальная и гражданская позиции, преимущественная ориентация на настоящее и будущее. Особо следует подчеркнуть такую способность современной личности, как адаптивность и независимость от официальных границ. А. Инкелес считает, что вышеизложенные качества являются необходимыми условиями успешной жизнедеятельности в современной цивилизации¹³³.

Сегодня в мире становится очевидным факт осмысления личностью своей культурной идентичности в условиях нарастающей глобализации и интеграции. Современная личность, находящаяся в междивизиационном взаимодействии, уже не может зависеть только от своей этнической принадлежности, он вынужден выбирать и осмысливать новую идентичность своего местоположения «между». Такая личность является представителем своей культуры и цивилизации, благодаря своим коммуникативным способностям становится способным к междивизиационному диалогу.

Анализируя разницу между культурой и цивилизацией, А. В. Чебунин под культурой понимает совокупный продукт жизнедеятельности человека, важнейшим из которых выступает сам человек. Под цивилизацией он подразумевает способ организации жизнедеятельности человека, охватывающий все социальные институты и их материальную основу, при этом цель и задача культуры — формирование человека как Личности, а цель и задача цивилизации — создание условий развития человека как Личности. Взаимодействие между культурами, безусловно, имеет продуктивный характер, поскольку человек получает возможность более широкого развития без коренной ломки традиционного уклада, т. е., развивая свою ценностную структуру, он развивается как личность. В основу меж-

¹³³ Inkeles A. One World Emerging?: Convergence and Divergence in Industrial Societies. Boulder: Westview Press, A Division of Harper Collins Inc., 1998.

цивилизационного диалога должен быть положен общекультурный критерий социального развития или общие культурные ценности. В свою очередь, в основе общекультурного критерия социального развития лежат критерии развития личности, как подчеркивает А. В. Чебунин. Общество может успешно развиваться, если в основу социального развития будет положен закон всестороннего развития личности¹³⁴.

До недавнего времени Запад и Восток были полярными сторонами света и представляли противоположные ценностные ориентиры для становления личности. Принято считать, что восточная личность сконцентрирована на своем внутреннем мире, часто замкнута на своих переживаниях и мыслях, познает действительность через созерцание или медитацию, подвержен влиянию традиций и подчиняется авторитету старших. Личность западной цивилизации более практична, познает внешний мир рационально, не имеет устойчивых связей со своими корнями. И, как считает И. Бобков, национальная культура не может быть однородной и навсегда застывшей, она должна отвечать вызовам времени¹³⁵. Переосмысление традиционных и выработка новых межкультурных (фронтирных) ценностей должна стать вектором стратегии выживания человечества, что ведет к проблеме диалога культур, и попыткой разрешить дихотомию Востока и Запада. Поэтому человек фронтирного бытия не может локализоваться в своем узком мире и продолжать существовать в своей скорлупе. Национальная (этническая) культура, продолжая сохранять свою самобытность, выходит на свои пределы, обретая новые импульсы для развития уже в транскультурной (поликультурной) среде фронтира. Опираясь на ценности локальной цивилизации, этносы Байкальского региона несут в своем менталитете такие прогрессивные качества, как комплиментарность, открытость другим мирам, сформированные многовековыми традициями сотрудничества. В такой среде исторически заложены предпосылки возникновения поликультурной личности.

¹³⁴ Чебунин А. В. Диалог Запад–Восток: культурный и цивилизационный разрез // Байкальские встречи – VIII: историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2014. — С. 370–375.

¹³⁵ Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2005. — № 3-4. — С. 127–137.

Согласно определению Ю. В. Аграната, поликультурная личность, имеющая активную жизненную позицию, обладающая развитым чувством эмпатии и толерантности, эмоциональной устойчивостью, способная к продуктивной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия общества, воспринимает себя в качестве субъекта полилога культур. Поликультурная личность — это сложное структурное явление, состоящее из когнитивного, мотивационно-аффективного и поведенческого компонентов, которые одновременно выступают и критериями ее сформированности. Показателями сформированности поликультурной личности выступают: знания о современных тенденциях развития поликультурного мира, процессах глобализации, о культуре как социальном феномене, культурном разнообразии современного поликультурного мира; осознание собственной многокультурной принадлежности, знание особенностей различных культурных групп, их норм и традиций межличностного взаимодействия; эмпатия, толерантность, эмоциональная устойчивость, гуманистическая направленность личности, способность позитивного взаимодействия с представителями различных культурных групп, высокий уровень конфликтоустойчивости¹³⁶.

Поликультурная личность фронтирного пространства всегда стремится познавать другую культуру при сохранении этнических приоритетов, ценностей своей национальной культуры. Такому индивиду ничто не мешает легко адаптироваться к восприятию обычаев, традиций представителей другого мира. При этом национальная идентичность личности новой формации выражается традиционно через язык — такая личность признает, что языковое сознание является важным фактором сохранения и развития этнической самобытности. Как субъект полилога культур личность фронтирного бытия отталкивается от своих корней и традиций. Очевидно то, что посредником в межкультурном взаимодействии становится *язык международного общения*, который выступает еще одной предпосылкой понимания, участвует в формировании мыслительного процесса на каждом этапе диалога. Средством нахождения консенсуса внутри фронтирного бытия помимо русского языка могут стать и другие языки международного общения, т. е. английский, китайский, монгольский.

¹³⁶ Агранат Ю. В. Формирование поликультурной личности будущих специалистов социальной сферы при обучении иностранному языку в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Хабаровск, 2009.

В центре проблемы поликультурного общения находится личность, обладающая многоязычной и поликультурной или межкультурной компетенцией, сформированной на базе не менее трёх языков и культур (родной и двух неродных). Необходимость активного владения иностранным языком все больше осознается молодежью, особенно это применимо к реалиям трансграничных регионов, где уровень социальной и академической мобильности достаточно высок. Поскольку территория находится на пересечении путей и играет одну из ключевых ролей в геополитическом пространстве Евразии, большая часть населения Бурятии вовлечена в процесс интеграции культур. Отсюда следует, что для представителей коренных национальностей евразийский фронтير порождает ситуацию билингвизма. Некоторая часть бурят в равной степени владеет и бурятским и русским языками, национальные меньшинства Монголии и Китая также вынуждены быть билингвами и интегрироваться в местное сообщество при помощи официальных государственных языков. Осознанный и эффективный диалог культур предполагает устойчивую этническую идентичность на основе этнического языкового сознания, однако существующая ситуация билингвизма в Байкальском регионе, хоть и является предпосылкой фронтирного полилога культур на разных языках, все же не умаляет существование и актуализацию проблемы сохранения бурятского языка.

По данным Д. Ц. Будаевой, в 2009 году в Бурятии 22,8% опрошенных бурят ответили, что думают на бурятском языке, тогда как 36,7% думают на русском языке, 40,1% думают на обоих языках в зависимости от ситуации. Более 4/5 опрошенных респондентов в кругу семьи общаются только на русском языке. Это является следствием, как считает автор, вытесняющего билингвизма. Сохраняющий билингвизм, предполагающий овладение официальным (государственным) языком при сохранении материнского языка, имеет схожие черты с открытым типом двуязычия. Лишь последний тип билингвизма обеспечивает межкультурную интеграцию и поликультурную социализацию¹³⁷.

При существующей проблеме сохранения бурятского языка следует отметить, что по сравнению с поколением молодежи 1970-

¹³⁷ Будаева Д. Ц. Межнациональная и межконфессиональная толерантность народов Бурятии: проблемы формирования и развития. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — С. 91.

1980-х гг. молодежь постперестроечной поры и 2000-х гг. на волне этнического возрождения осознает важность коммуникации на родном языке и роли бурятского языка в сохранении этничности. «При определении своей национальности наиболее важным признаком для бурятской молодежи является язык. Современная бурятская молодежь осознает необходимость владения родным языком. Так, 85,9% бурятской молодежи считает необходимым знание родного языка, так как он сохраняет самобытность народа и его культуру. В то же время русский язык преобладает в жизни современного молодого поколения как язык межнационального общения. Особенно это ярко выражено среди городских жителей. В сельской местности свободно владеющих бурятским языком больше, чем в городе, — 42% в селах и 23,15 в городе. Бурятский язык как язык общения чаще используется в семейно-бытовой сфере, нежели в других»¹³⁸. Проведенное В. А. Хабудаевой исследование свидетельствует об интернационализации бурятской молодежи и восприятию ценностей западной культуры, что может порождать опасение за судьбу этноса. Таким образом, городское население более подвержено тенденциям вытесняющего билингвизма. Диалектически сложный процесс единства и борьбы противоположностей в форме противостояния русского языка как средства общения мажоритарного народа России и бурятского языка как родного языка для титульной национальности Республики Бурятия имеет многолетнюю историю. Но данная проблема периодически обостряется и в настоящее время сравнима с боем набата об опасности. Одним из выходов является сохранение этнической идентичности в символических формах репрезентации национального самосознания, которые в какой-то степени помогут замещать незнание бурятами своего родного языка.

Этнонациональное самосознание и процесс этнической самоидентификации могут положительно влиять на формирование поликультурной личности евразийского фронта, если правильно направлять национальные чувства в продуктивное русло, вовремя предотвращать случаи экстремизма, национализма и сепаратизма. Знание традиций, этнокультурных, религиозных ценностей помогает не только укреплять этническую идентичность, но и формиро-

¹³⁸ Хабудаева В. А. Традиционные социокультурные национальные ценности бурятской молодежи в условиях трансформации российского общества (на материалах Республики Бурятия) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Улан-Удэ, 2013. — С. 18.

вать предпосылки для расширения кругозора и полноценного духовного развития в поликультурной среде. Несмотря на проблему ограниченного употребления бурятского языка, определилась тенденция взаимодействия бурятского и русского языковых сознаний как результат порождения билингвизма. В среде городских бурят развивается феномен формирования общей синтетической культуры евразийского фронта, на что указывают многочисленные факты взаимодействия в области образования, науки, экономики, культуры, искусства и т. д.

Процессы интеграции и взаимовлияния культур порождают целый ряд проблем, одной из которых является смещение картин мира, гибридная идентичность (Х. Бхабха), дрейфующая идентичность (Я. Кеневич), потеря личностью духовной опоры, возникновение хорошо знакомых западному менталитету экзистенциальных вопросов. Алгоритм взаимодействий современных коммуникаторов поликультурного общества все более преодолевает границы социальных, этнических, конфессиональных пространств, вторгаясь в относительно обособленные группы. По мнению И. А. Мальковской, «...процессы коммуникации в поликультурном обществе обретают новые черты и свойства в той мере, в какой их социальная детерминированность становится все менее жесткой»¹³⁹. Все это дает возможность более глубокого, вдумчивого осмысления онтологических проблем коммуникации. От столкновения традиций возникает некий разлом в мировосприятии личности. Воображаемое пограничье Евро-Азии проходит внутри бурятской общности, в прошлом представляющей часть «Азии» и неравномерно вовлеченной в пространство «Европы» на текущий момент, подчеркивает А. Жанаев. С одной стороны, принимаются координаты линейного европейского времени, с другой — интуитивно чувствуются и реализуются элементы циклического пространства-времени, воспроизводящиеся в традиционных ритуалах культуры и языке. Нельзя однозначно сказать, какая модель восприятия доминирует в сознании бурят, однако очевидная несинхронность восприятия времени может быть причиной внутриличностного диссонанса и межличностного конфликта¹⁴⁰.

¹³⁹ Мальковская И. А. Знак коммуникации: дискурсивные матрицы. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — Изд. 3. — С. 180.

¹⁴⁰ Жанаев А. Концепт «время» в традиционной бурятской культуре и векторы изменений его восприятия в контексте пограничья Евро-Азии // *Deabaty Artes Liberales: Пограничье Евро-Азии*. — Warszawa, 2013. — С. 130–148.

Однако нельзя говорить однозначно о кризисе этнической идентичности бурят, поскольку процессы глобализации содействуют обостренному осознанию своей самобытности и мобилизации перед лицом угрозы ассимиляции. В настоящее время наблюдается обоюдостороннее явление по отношению к бурятской молодежи — с одной стороны, приверженность возрождению национальных традиций, с другой стороны, готовность к адаптации к иноязычной и инокультурной среде. Выходом можно считать планомерное воспитание, образование в духе готовности к межкультурному диалогу на основе равенства всех культур при сохранении самобытности больших и малых этносов. «Билингвальность воспитывает элитарные качества современной речи, метакоммуникативность и интердискурсивность, широту и свободу выбора коммуникативных средств, лингвистическую гибкость и динамичность. Усвоение языка, этнокультурного кода предусматривает трансформационные процессы когнитивной деятельности, а, следовательно, изменяет языковое мышление, вносит коррективы в коммуникативное, а также в социальное поведение»¹⁴¹. Становление поликультурной личности и есть процесс гармоничного соединения противоречий глобализации. Воспитание билингва, содействие сохраняющему билингвизму — это перспективное направление трансграничного социального бытия, которое демонстрирует преимущество межкультурной коммуникации на основе самопознания и самопонимания через постижение другого.

Отсюда возрастает и роль отдельно взятой личности, возникают проблемы воспитания, образования, эффективной социализации в поликультурной среде. Немаловажным аспектом социально-философского анализа является коммуникативное бытие поликультурной личности, возвращенной на ценностях и идеалах межкультурного взаимодействия. В. Б. Кашкин выделяет особое понятие — коммуникативную личность, под этим понятием он подразумевает совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникатив-

¹⁴¹ Истомина О. Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы, тенденции (региональный аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Улан-Удэ, 2013. — С. 36.

ная компетенция индивида¹⁴². Коммуникативное поведение человека также состоит из общих моментов в поведении отдельных личностей. Существуют только отдельные индивиды, коммуникативное поведение которых составляет единый язык. Но и в поведении индивида отражаются свойства природной и социальной (в том числе коммуникативной) среды. Поликультурное пространство фронта содействует формированию особого коммуникативного поведения, стратегии и тактики взаимодействия для того, чтобы не нарушить хрупкий баланс различных мнений и смыслов коммуникантов из различных этносов. В трансграничном пространстве на первый план выдвигается личность с его внутренним миром и способами социализации через общение. В общение всегда вступают конкретные личности, формируется личностное отношение к созданию сообщения, восприятию ответного сообщения со стороны речевого партнера, так, через эмоционально-личностную рефлекссию складываются межличностные, межконфессиональные и межцивилизационные отношения.

В свете вопроса о формировании поликультурной личности фронта возникает проблема *толерантного сознания*.

Гуманитарные науки с давних пор искали ответы на вопросы о законах существования людей и народов, в природе человека и его способности к конфликтам, борьбе, противостоянию и, наоборот, его стремление к консенсусу, переговорам, проявлению доброй воли. Причины войн, вражды и раздоров во многом кроются в самой природе человека, его стремлении к превосходству, господству, к завоеванию новых источников богатства, обладанию большими источниками власти, могущества и влияния. Целью научных изысканий в этой области всегда было и остается стремление объяснить предпосылки недоразумений, приводящих к глобальным столкновениям, мировым катастрофам, трагедиям национального масштаба для того, чтобы предсказать и выявить проблемы, найти способ решения спорных вопросов.

Социальный конфликт в традиции отечественных исследований обычно трактуется как обострение социальных противоречий, столкновение, в котором стороны представлены социальными общностями, в том числе этническими группами. Реалии межкультур-

¹⁴² Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. — Воронеж: Изд-во ВСГТУ, 2000. — 175 с.

ных взаимодействий порождают необходимость всерьез задуматься над воспитанием толерантного отношения к другой этничности, другой культуре. Уважение чужого, признание равенства независимо от другого языка коммуникации, принадлежности к иной ментальности, месту жительства есть признак многообразия сообществ людей.

Проблема толерантного сознания связана с диалогом как видом коммуникативной деятельности и основой межличностного общения. Проявление толерантности, или терпимости, к мнению другого, право на непохожесть и инаковость своего бытия есть актуальные проблемы евразийского фронта. Встреча с другим миром в межличностном общении, признание компромисса становится источником качественного изменения личности, в перспективах которой должны быть сформированы когнитивные, онтологические, аксиологические аспекты социального трансграничного бытия в одном пространстве с множеством таких же поликультурных индивидов. В проведенном Э. В. Гылыковой социологическом исследовании в г. Улан-Удэ говорится о национальной терпимости, о готовности личности к взаимодействию с представителями других национальностей, ориентированности семей на воспитание детей в духе толерантности, о положительной динамике изменения отношений к межнациональным бракам, об отсутствии чувства враждебности по отношению к представителям других национальностей¹⁴³. Д. Ц. Будаева в результате своего исследования жителей Бурятии также приходит к выводу о том, что проблема межличностной толерантности как основы межнациональной толерантности преобладает в общественном сознании над идеей нетерпимости¹⁴⁴. С. П. Татарова, анализируя состояние межнациональных отношений в Республике Бурятия, дает более высокую положительную оценку данному вопросу, чем в среднем по российским регионам¹⁴⁵.

¹⁴³ Гылыкова Э. В. Факторы развития межнациональных отношений в условиях мультикультурной среды // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. тр. : в 2 ч. — Ч. 1. — С. 117–127.

¹⁴⁴ Будаева Д. Ц. Межнациональная и межконфессиональная толерантность народов Бурятии: проблемы формирования и развития. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — 268 с.

¹⁴⁵ Татарова С. П. Факторы, влияющие на формирование толерантного поведения в обществе // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. тр. : в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — Ч. 2. — С. 80–83.

О достаточно высокой культуре толерантности межконфессионального общения в Бурятии пишет Н. Ф. Бодиева¹⁴⁶.

Посетившие Бурятию ученые не без основания положительно оценивают особенности евразийского фронта. С. Б. Фоломеева-Вдовина считает, что «в Бурятии могут и должны быть реализованы новые модели взаимоотношений культуры — производства — экономики — политики. И именно эти новые модели, обусловив новые принципы жизнестроительства, дадут примеры нового, своего понимания и градостроительной эстетики, и туризма, и сервиса, и комфорта. Бурятия — пограничная территория пограничной культуры, рожденной в месте встречи и столкновения европейских и азиатских цивилизаций. Неотъемлемое свойство республики — пограничный менталитет, а вместе с ним возможность свободно передвигаться между фундаментальными культурными установками. Это генетическая память сознания, объединяющего в себе и собой категорию культуры и специфическую особенность психики носителей этой культуры»¹⁴⁷. В межкультурном диалоге фронта толерантность имеет исключительно важное место, стремление к консенсусу регулирует взаимодействие не только отдельных личностей, но и более значительных акторов процесса коммуникации. Конечным смыслом формирования толерантного сознания является сближение культур, цивилизаций в трансграничном пространстве Европы и Азии, в нашем случае — промежуточной территории евразийского фронта.

Нельзя не согласиться с мнением В. Н. Абаева в том, что для многонационального, поликонфессионального и мультикультурного евразийского по своей природе и характеру народа Бурятии огромное значение имеет правильная цивилизационно-культурная и этноконфессиональная самоидентификация, которая должна строиться на правильной этноконфессиональной компетентности (тер-

¹⁴⁶ Бодиева Н. Ф. Формирование культуры межконфессионального общения в условиях поликультурного пространства // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. тр. : в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — Ч. 2. — С. 101–105.

¹⁴⁷ Фоломеева-Вдовина С. Б. Самоидентичность пространства как культурно-исторический и геополитический феномен (на примере Республики Бурятия) // Муниципальная социальная политики и общественность: реалии и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. — С. 162–165.

мин введен Л. Л. Абасовой)¹⁴⁸. Республика Бурятия как территория трансграничья исторически имеет предпосылки к такому диалогу на основании культуры толерантности. Кроме того, население не только сохранило культурно-исторические традиции терпимого отношения к другим мирам, но и постепенно адаптирует и переосмысливает проблему нахождения консенсуса в эпоху трансформации общества, трансграничных и межкультурных взаимодействий.

Преимущественно толерантным сознанием характеризуется и население Забайкалья, как свидетельствуют некоторые междисциплинарные исследования (Е. А. Маркова, М. Н. Фомина, Д. Ц. Жалсанова и др.). Специфическими признаками Прибайкалья, как признают исследователи Иркутской области, являются положительная комплиментарность, принципы толерантности, готовность к взаимодействию с другими этносами, сплочение сибирского сообщества (О. Б. Истомина, М. К. Гайдай, И. А. Гармаева и др.).

Проблема формирования поликультурной личности нового типа возникает и в китайском обществе, что связано с переоценкой ценностей, переосмыслением духовных основ традиционной культуры, изменением в привычном укладе жизни. Но основные принципы конфуцианской этики остаются руководством в жизнедеятельности китайских граждан. Ю. В. Иванова и А. В. Середа подчеркивают толерантность как специфическую особенность китайской культуры и одну из черт национального характера¹⁴⁹. Данная модель поведения личности и приоритет образования эффективно влияют на содержание и направленность современной государственной стратегии. Китайская культура во взаимодействии с другими культурами обладает способностью аккумулировать и адаптировать нововведения, сохраняя при этом традиции как неизменное ядро своей самобытности.

В новых условиях переосмысливается китайская теория воспитания личности «женьцай». С. Б. Дугарова дает определение личностей в современных условиях как людей, обладающих определен-

¹⁴⁸ Абасов В. Н. Региональная приграничная безопасность России, евразийская цивилизация и этноконфессиональная идентичность бурят // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин: материалы межвуз. науч.-метод. семинара. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. — Вып. 1. — С. 15–16.

¹⁴⁹ Иванова Ю. В., Середа А. В. Толерантность как традиционное свойство культуры Древнего Китая // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. тр. : в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — Ч. 2. — С. 77–79.

ными знаниями, квалификацией и моралью, способных к выполнению креативной работы, вносящих большой вклад или оказывающих большое влияние в практике общественного развития или прогресса человечества¹⁵⁰.

В исследовании современного китайского общества О. Б. Бальчиндоржиевой делается акцент на модернизацию человека как основного условия для осуществления преобразований. На основании анализа конфуцианских традиций автор выводит модель «современной» личности, обладающей творческим потенциалом и способностью к интеллектуальному и нравственному совершенствованию. Применительно к молодежи важнейшей задачей признается формирование инновационного типа мышления как модификация принципа воспроизведения традиции¹⁵¹.

Ценностные ориентации современной монгольской молодежи в точке зрения П. Г. Бороноева и О. Самбудоржа также претерпевают существенные изменения. Причинами они называют утрату прежних идеологических и социально-культурных представлений, наряду с сохранением традиционных ценностей стали появляться ориентиры, свойственные рыночному обществу. В связи с особой восприимчивостью молодого поколения, высокой социальной мобильности и инновационной толерантности трансформация ценностных ориентаций в большей степени затронула именно эту часть населения, подчеркивают авторы. Для молодого поколения Монголии одним из приоритетов является качественное образование, получение диплома как возможности профессиональной самореализации. Негативной тенденцией является культ денег, кризис института семьи и семейных отношений¹⁵².

В отношении к монгольскому населению проблема восстановления престижа русского языка и русской культуры является актуальной проблемой. Постперестроечный период характеризовался раз-

¹⁵⁰ Дугарова С. Б. Некоторые аспекты эволюции критериев человеческого потенциала в КНР // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. — Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. — С. 32–41.

¹⁵¹ Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Улан-Удэ, 2015.

¹⁵² Боронов П. Г., Самбудорж О. Ценностные ориентации современного студенчества Монголии // Интеллигенция в изменяющемся мире: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. — С. 276–280.

рывом прежних уз сотрудничества во многих областях двух стран, в результате чего современная монгольская молодежь обращает взоры в сторону западных цивилизаций. Знания монгольской молодежи о России являются весьма скудными и несут негативный характер, поскольку они черпают информацию из спутникового телевидения и интернета. В данной ситуации возрастает значение общих культурно-исторических традиций халха-монголов и российских бурят, общность языков, обычаев, религии, схожесть менталитета, общая историческая память кочевых народов и многое другое. Формирование поликультурного сознания новой фронтальной личности на основе цивилизационной идентичности евразийского пограничья сможет преодолеть непонимание и изоляцию монгольского общества последних десятилетий. Поликультурная личность может формироваться и в трансграничном пространстве Монголии и Китая на основе территориальной близости, этнокультурной общности диаспор Китая и Монголии и торгово-экономического сотрудничества. Поликультурная личность в Монголии соответственно может формироваться и развиваться на основе знания и использования в трансграничном коммуникативном пространстве монгольского, русского, английского и китайского языков.

С целью преодоления тлетворного влияния либеральных ценностей и рыночных отношений, формирования толерантного сознания молодежи монгольского суперэтнуса по обе стороны границы важно внимательно изучить эвристические возможности буддийской этики, в особенности принципа непричинения вреда и ненасилия, соблюдения срединности и умеренности. В поликультурной среде трансграничья особенно актуальными и востребованными становятся принципы добра, любви и сострадания. Все эти качества соответствуют характеристикам поликультурной личности цивилизационного трансграничья — умение жить в согласии с окружающими индивидами, эмоциональная устойчивость, терпимость к людям другой культуры соотносятся с основами буддийского мировоззрения.

В формировании современной поликультурной личности немаловажное значение имеет коммуникационная среда, источники информации, акторы коммуникационного процесса: реальные и виртуальные. Региональные СМИ часто идут на поводу коммерческого интереса и получения большей прибыли, встраиваются в процесс глобализации. Вместе с тем имеется здравая тенденция, инициируется и встречает широкий отклик ряд передач, публикаций, интер-

вью, репортажей, отвечающих потребностям сохранения традиций и этнокультурной самобытности. Подобные информационные и аналитические материалы, тиражируемые через каналы массовой коммуникации, становятся источником воспитания и образования формирующихся личностей.

В современной гуманитаристике появляется понятие «транскультура» или «транскультурация» в работах М. Эпштейна, М. Глостановой, И. Мальковской, А. Абдулмагда и др. Главным смыслом данного понятия является объединение межкультурных взаимодействий, основанных на таком свойстве культуры, как коммуницируемость, т. е. способность быть открытой, встречаться с другой культурой, частично смешиваться, но не сливаться, сохраняя свою самобытность. Транскультурация получила распространение в связи с виртуализацией культурных пространств. Глобальное пространство культурного взаимодействия интенсивно расширяется и развивается в сети интернет, где государственные, расовые, национальные, цивилизационные, личностные границы стираются. В масштабе мирового пространства евразийский фронтير занимает определенную нишу в глобальной сети и обретает статус пограничья между общающимися народами, чтобы окончательно эти границы стереть и оставить общее поле коммуникации, поддерживаемое идеей полиэтнического синтеза при сохранении национальной идентичности.

На качество межцивилизационных отношений в трансграничном пространстве евразийского фронтира и формирование менталитета существенное влияние оказывает *образование*. Студенты перемещаются вдоль и через границы государств в поисках образовательных учреждений, оставляя за собой право свободного выбора специальностей и программ обучения. Согласно анализу экспорта образовательных услуг России и Китая, проведенному А. А. Томских, существуют согласованные позиции двух стран по этому вопросу. Региональная стратегия научно-образовательных систем РФ должна включать трансграничную составляющую, развивающуюся по трем векторам направлений: европейскому, азиатскому и странам СНГ. А. А. Томских особо выделяет азиатский вектор, в основном это прилегающие к территории России провинции Северо-Востока Китая (Хейлунцзян, Ляонин) и г. Пекин. К данной стратегии также относятся институты Конфуция, русскоязычные каналы СМИ, центры, совместные научные проекты и т. д.

Аналогичная ситуация и в соседней Монголии, где за последние

20 лет расширилась сеть высших учебных заведений за счет филиалов ведущих вузов РФ. Сейчас Монголия приступает к дальнейшей модернизации структуры и территориальной организации высшего образования. А. А. Томских считает, что территориальная организация научно-образовательных систем Байкальского региона должна формироваться на инструментах кластерного подхода, с учетом трансграничных факторов и широкого использования сетевых технологических процессов как важнейших современных факторов конкурентных преимуществ¹⁵³. Очевидно, что интенсивное сотрудничество в образовании в трансграничном Байкальском регионе основано на уходящих в глубь веков общих культурно-исторических корнях и многовековом взаимодействии. Появление образовательных и научных систем свидетельствует о расширении контактов и академической мобильности на новом витке развития трансграничного пространства.

Трансграничная региональная идентичность потребителя образовательных услуг может в существенной степени влиять на формирование поликультурной личности. Сосуществование на пограничье культур и цивилизаций порождает особое сознание своей сопричастности к академической и шире к социальной мобильности, и диплом о высшем образовании дает возможность для более активного и продуктивного участия специалиста в трансграничном взаимодействии. По мнению К. В. Леконцевой, трансграничное образование на стыке Забайкальского края и северо-восточных провинций Китая является важной частью межкультурного взаимодействия. Региональные культуры ассимилируют необходимые для себя нововведения и адаптируют их с точки зрения традиционной культуры, что влечет за собой формирование межкультурной идентичности. Одним из важных выводов К. В. Леконцевой в контексте настоящего исследования является признание трансграничных связей в качестве механизмов воспроизводства полнособъектного индивида¹⁵⁴. Очевидно, что понятие «полнособъектный индивид» является синонимом поликультурной личности, активным участником меж-

¹⁵³ Томских А. А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. — Пермь, 2013.

¹⁵⁴ Леконцева К. В. Поведение потребителей образовательных услуг в условиях трансграничного региона (на материалах Забайкальского края) : автореф. дис.... канд. социол. наук. — Улан-Удэ, 2013.

цивилизационного взаимодействия.

Для потенциала Бурятии существенное значение имеет развитие отношений с Монголией. Современное поколение Монголии ментально ориентировано больше на Запад. В Монголии с населением 2 594,8 тыс. чел. работает более 100 вузов, из них 9 государственных. Монголия обладает одним из самых высоких показателей по количеству студентов на 10 тыс. населения — 357 студентов. Для сравнения: в России этот показатель составляет всего 171¹⁵⁵. Безусловно, новые модели вошли в стратегические концепции развития региона, стали частью проводимой властями политики. Бытие фронта — это сложное переплетение практических шагов и технологий, теоретических идей и исследований, судьбы народов и отдельно взятых семей, индивидов. В русле идей фронта находится и начавшийся в 2006 г. проект БГУ «Особенности физиологического и психологического развития детей и молодежи монгольских народов в полиэтнической среде». Проект нацелен на то, чтобы выявить особенности социокультурного развития этноса в условиях межкультурной коммуникации в разных областях, одной из задач является разработка модели этнокультурного развития монголоязычных народов. Авторы проекта уловили новейшие тенденции развития личности в многообразной среде пограничья и практически объединяют усилия специалистов высшего образования России, Монголии и Китая.

На протяжении 10 лет, начиная с 2002 г. ВСГАКИ ежегодно проводила совместно с Монгольским государственным университетом культуры и искусства научно-практическую конференцию «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии».

Бурятский госуниверситет традиционно проводит летнюю школу монголоведения, олимпиады по монгольскому языку, недели монгольского языка. Приобрел широкую известность международный образовательный проект «Мультикультурное образование в современном мире», в рамках которого состоялась образовательная экспедиция в Улан-Батор под названием «Образ жизни и менталитет кочевника». В ходе выездных дней в апреле 2013 г. представители БГУ рассказали о вузе, его научных и образовательных достижениях

¹⁵⁵ Антохонова И. В. Потенциал Байкальского региона в ментальном евразийском пространстве // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. — С. 82–86.

ях, о специальностях. Образовательная выставка «Международное образование – 2013» в Центральном выставочном комплексе «Мишээл», в которой участвовал БГУ, продемонстрировала большой обоюдный интерес к вопросам образования, обмену студентами и преподавателями. Были также обсуждены вопросы совместных научных комплексных исследований с монгольскими коллегами и состоялось подписание соглашений с ведущими монгольскими вузами по вопросам научного сотрудничества, совместным образовательным программам и «двойным дипломам — все это открывает новые перспективы взаимовыгодного сотрудничества.

Традиционным становится проведение форумов учащихся средних школ. Форум является продолжением серии международных детских фестивалей «На Великом Чайном пути», проходивших в 2013 г. в России, Монголии и Китае. Эта серия является составной частью «Международных игр монголов», которые проводятся более семи лет, в их основе лежит концепция культурно-образовательного туризма, разрабатываемая Международной ассоциацией культурного туризма при поддержке властей Китая, Монголии и России. В рамках форума проводится международная научно-исследовательская конференция, предметом обсуждения которой бывает история взаимоотношений и взаимовлияния культур двух стран. Наиболее востребованными темами докладов являются темы «История Великой Степи и наследие хуннов», «Монголия и Русь — роль монголов в становлении российской государственности», «Роль России в установлении независимости Монголии», «Халхин-Гол, Великая Отечественная война — этапы великой дружбы», а также по перспективам туризма в Бурятии и Монголии. Участники также посещают такие мероприятия, как выставка-ярмарка интеллектуальных товаров, выставка робототехники команд Бурятии, выступления мастеров игры йо-йо, состязания по шахматам и по традиционной китайской игре «Го», экспозиция Монгольского музея интеллектуальных игр.

Образовательные учреждения Байкальского региона традиционно развивают связи с монгольскими и китайскими вузами, осуществляют обмен студентами, присутствие иностранных учащихся и академическая мобильность профессорско-преподавательского состава давно стали неотъемлемой реальностью российских вузов. Азиатский вектор сотрудничества имеет дальние перспективы по разным направлениям образовательной деятельности. Поликультурная среда университета все больше и больше становится местом возвраща-

ния субъектов трансграничного взаимодействия. Поликультурная личность в ситуации транскulturации должна учиться коммуникативному толерантному поведению со своими однокурсниками-иностранцами, учиться предотвращать проблемы непонимания, мысленно проецируя свою потенциальную адаптацию в иноязычной среде соседних стран. Осознавая специфику трансграничного совместного существования на евразийском пространстве, осмысливая культурные контакты, такая личность должна быть готова к проявлению понимания по отношению к разным группам, включая мигрантов, диаспоры, репатриантов, беженцев и другие всевозможные категории.

Поиск наднациональных универсальных ценностей цивилизационного пограничья Востока и Запада опирается, прежде всего, на принципиальную способность коммуницируемости культур православной, буддийской, кочевой, степной, земледельческой, конфуцианской и т. д. Всевозможные связи и контакты фронта опираются на личные судьбы, коммуникативное бытие личности. Стратегическое осмысление перспектив развития современного человека трансграничья культур и цивилизаций предлагается на основе четырех подходов и концепций:

- индивидуальность, конкретный человек и время;
- личность планетарной ответственности;
- дискурс со-развития личностей на основе диалога;
- поликультурная личность фронта герменевтического типа.

Целью развития социально-экономической системы в любой стране, в любой цивилизации или в планетарном масштабе, считает В. М. Бондаренко, должен быть и является только конкретный человек во всем многообразии материальных и духовных потребностей при создании условий равного, свободного доступа к благам при их бесконечном разнообразии. Процессы глобализации должны быть уравновешены процессами индивидуализации. Самостоятельным, самодостаточным, самоидентичным может быть только конкретный человек, а не социально-экономическая модель, территория, нация, государство, супердержава, цивилизация и т. п.¹⁵⁶. Одушевление любого процесса через признание главного центра в лич-

¹⁵⁶ Бондаренко В. М. Теоретические новации в обеспечении устойчивого диалога между цивилизациями // Глобализация и столкновение идентичностей. — М., 2003. — С. 265–269.

ности позволяет взглянуть на схемы, магистрали и дороги, объекты промышленности и соцкультбыта через призму гуманистической наполненности, потому что все связи в пространстве приобретают социальный смысл благодаря человеку. Но проблема заключается в новом типе личности, картина мира которого должна вобрать консолидирующиеся культуры в единое диалоговое сознание.

А. С. Панарин говорит о недавнем повсеместном господстве экономикоцентристского типа, потому что для соискателей бесконтрольной экономической власти требовались изнеженные люди, предпочитающие виртуальные химеры жизненному реализму. А. С. Панарин противопоставляет этому типу личности альтернативный вариант. «Для будущих соискателей духовной и политической власти, достаточной для того, чтобы нейтрализовать наше безверие и безволие, потребуются люди совсем иной формации — способные к высочайшей самодисциплине, аскетизму и жертвенности. Только эти люди способны заново возродить нашу суровую и обезлюдевшую Евразию. Гедонистически расслабленный человек «потребительского общества» не способен ни жить в нашей северной Евразии, ни любить ее и быть преданным ей. В наше время он уже вполне стал тем внутренним эмигрантом, который только и ждет подходящего случая для того, чтобы покинуть ее ради теплых и сытых мест.

Но этот декадентский тип не способен существовать не только в Евразии. Он вообще не способен на длительное историческое существование на нашей планете. Поэтому антропологическую революцию американизма, задумавшего всюду на планете насадить в качестве господствующего единый «либеральный» тип, следует признать авантюрой, которая уже провалилась. В планетарном масштабе тип либерального мигранта, склонного безответственно покидать им же захламленные пространства в поисках более обжитых мест, выглядит обреченным.

Необходим другой тип личности, пробудившейся к планетарной ответственности. Для того чтобы сформировать такой тип, нужна большая духовная и политическая власть — школа новой аскетической педагогики. По всей видимости, она будет именно глобальной, альтернативной нынешнему «либеральному» американоцентризму. Это предполагает смещение политического центра мира из Атлантики в Евразию. Климат аскезы — это континентальный в геополитическом смысле климат, отличный от океанического. И только в

нем может формироваться человек, способный на длительное планетарное существование в нашу обремененную острейшими глобальными проблемами эпоху. Для того чтобы не уходить от этих проблем, не отодвигать их на неопределенное будущее, человечеству понадобится большая духовная и политическая власть»¹⁵⁷. Нет сомнения в том, что это будет личность, обладающая экологическим сознанием, это становится все более актуальным в бассейне Священного Байкала. Байкальская природная территория занимает особое место в мировом пространстве как центр стабилизации биосферы. Важнейшим условием сохранения экосистемы озера Байкал для настоящего и будущих поколений человечества является формирование на основе экологической этики ноосферной личности, осознающей правила коэволюции природы, общества и человека, способной, по А. С. Панарину, на длительное планетарное существование и берущего на себя планетарную ответственность. Проблема эколого-этического воспитания новой личности связана не только с идеей бережного отношения к природе и охраной окружающей среды, но также предполагает углубленное изучение онтологических, гносеологических возможностей самого человека, развивает его ценностные ориентации во фронтирном пространстве. Философы называют это состояние «человек-вместе-с миром», что имеет две равноценные стороны «человек-в-мире» и «мир-в-человеке»¹⁵⁸. Человек должен взять на себя ответственность не только за состояние окружающей среды и сбалансированное хозяйственное развитие, но и за судьбу будущих поколений, их духовное развитие. Человек Евразии, евразийский трансграничный тип личности, традиционно живущий в суровых климатических условиях, привыкший выживать благодаря открытости другим мирам, пониманию необходимости совместного бытия в поликультурном сообществе между цивилизациями способен оценить преимущества универсальных трансграничных ценностей, решать насущные проблемы эпохи глобализации.

Тут возникают предпосылки формирования поликультурной личности на основе признания единства и многообразия трансграничного пространства и диалога как единственной и универсальной

¹⁵⁷ Панарин А. С. Испытание глобализмом. — М. : Эксмо, 2003. — С. 406–408.

¹⁵⁸ Балханов В. А., Иванкина Л. И. Образовательная экзистенциальность “Homo Sapiens” // Вестник БГУ. — 2009. — Вып. 6а. Философия. Социология. Политология. Культурология. — С. 96–100.

формы гармоничного взаимодействия. О диалоговом подходе М. Бахтина, Э. Левинаса, М. Бубера, Ф. Розенцвейга применительно к анализу современного мира сегодня говорят многие ученые. Непохожесть людей заставляет думать о толерантном отношении к этой непохожести и учить язык соседнего народа, чтобы постичь внутреннюю его суть, национальный менталитет. Овладение иностранным языком, а затем и еще одним открывает богатый и насыщенный информацией мир для того, кто желает посмотреть на себя и свое бытие с ракурса той непохожести. Отсюда возникает необходимость осмысления новой модели бытия, о которой пишет Е. Б. Рашковский: «Иными словами, мы сталкиваемся с наболевшей потребностью в разработке особого дискурса человеческого со-развития, <...> целесообразно исходить прежде всего из понятий о конфликтности, взаимотяготении и внутренних диалогических потребностях несходных форм интеллектуальной активности — форм, которые проходят и развиваются через внутренние миры отдельных личностей, малых групп, больших человеческих массивов. И этот принцип несводимости/взаиморазвития представляется особо насущным для разработки и налаживания самой культуры глубоких человеческих диалогов. Насущным для постоянного выстраивания того климата человеческих отношений, который развивался бы исходя из понятия о принципиальном многообразии форм внутреннего опыта людей, о многообразии культурных традиций и инновационных исканий»¹⁵⁹.

Реалии поликультурного общества пограничья между Востоком и Западом позволяют выделить особый тип личности во фронтальной коммуникации — герменевтический поликультурный. В соответствии с закономерностью герменевтического общения самость коммуникативной личности, растворяясь в со-бытии или общей стихии разговора, меняется сама и заставляет по-иному думать собеседника. Так порождается новый смысл духовной общности в результате *герменевтического диалога* в межкультурной общности, носитель специфического межличностного, а точнее интегративно-межличностного субъекта коммуникации, не сводимого ни к субъекту отправителя, ни к субъекту адресата, ни к простой

¹⁵⁹ Рашковский Е. Б. Религиозная сфера и интеллектуальные ресурсы глобального человеческого развития // Глобализация и столкновение идентичностей. — М., 2003. — С. 284–300.

сумме субъектов отправителя и адресата сообщения. Именно к этой специфической области коммуникативной субъективности относится и сопряженный личностный смысл, замещаемый и моделируемый фронтирным бытием.

2.1.3. Байкальский регион как модельная территория устойчивого развития

Байкальский регион объединяет то, что раньше называлось «Прибайкалье» (прилегающая к Байкалу часть Иркутской области) и «Забайкалье» (часть Республики Бурятия и Забайкальского края). Необходимость объединения усилий субъектов и административных районов в процессе реализации различных мероприятий (экономических, культурных, организационных, технологических, природоохранных) по сохранению уникальной экосистемы Байкала — системообразующего ядра Байкальского региона — обусловила появление самого понятия «Байкальский регион» и определенную его операционализацию. В современной научной литературе тематика Байкальского региона рассматривается в основном с позиций эколого-экономического подхода, характерного при анализе территориальных проблем, существующих в региональной экономике.

Байкальский регион как территория евразийского фронта сегодня является центром международного сотрудничества, играет немаловажную роль в межкультурном диалоге Востока и Запада, потому что представляет собой многополярный социокультурный мир и средоточие первозданных и уникальных природных объектов, исторических традиций, самобытных этнических культур. Исторически Байкальский регион развивался в общем социально-экономическом контексте с соседями по пограничью — Монголией и Китаем. Данное геополитическое положение налагает свою специфику в функционировании региона среди других субъектов РФ. В связи с многофакторным взаимным влиянием пограничных территорий по ту и эту сторону границы с Монголией и Китаем в данной работе обозначаются как евразийский фронт, т. е. международный трансграничный регион открытого типа на основе общности природно-географических условий, общей исторической памяти, схожести социокультурного развития. Трансграничье с озером Байкал в центре учеными рассматривается как единый сложный механизм на территории, имеющей потенциал для устойчивого развития.

Академик В. А. Коптюг в 1993 г. предложил Байкальский регион

в качестве одного из возможных кандидатов на звание «всемирной модели устойчивого развития» для отработки вопросов перехода России к устойчивому развитию. В 1996 г. ЮНЕСКО признает озеро Байкал уникальным природным объектом и включает озеро Байкал в список Участков мирового наследия. А в 1999 г. Государственной думой РФ был принят федеральный закон «Об охране озера Байкал». Данным законом на всей территории Байкальского региона установлен особый режим хозяйственной и иной деятельности, осуществляемый в соответствии с задачами охраны уникальной экосистемы озера Байкал. Закон РФ «Об охране озера Байкал» заложил основы перехода Байкальского региона к устойчивому развитию.

Байкальская природная территория занимает особое место в мировом пространстве как центр стабилизации биосферы. Важнейшим условием сохранения экосистемы озера Байкал для настоящего и будущих поколений человечества является разработка и реализация рекреационной модели устойчивого развития Байкальской природной территории (на принципах экологической этики).

Сегодня Байкальская природная территория представляет собой наиболее подходящую территорию для проведения социального эксперимента по реализации целей и задач устойчивого экоразвития на глобальном и региональном уровнях. Байкальская природная территория — стратегически важный район как в геоэкологическом, так и в геополитическом отношении. Здесь «культура мира» имеет глубокие исторические корни и большие перспективы. Байкальская природная территория располагает достаточным резервом экологической устойчивости. Здесь сохранились большие территории, практически не затронутые хозяйственной деятельностью; также сохранились этнокультурные традиции коренных народов, релевантные этике устойчивого развития; здесь нет ни признаков сверхпотребления, ни признаков перенаселения — главных дестабилизирующих факторов развития. Здесь накоплен большой опыт международного экологического сотрудничества¹⁶⁰.

Конференция ООН в Рио-де Жанейро в 1992 г. выработала основные принципы устойчивого развития человечества. Десять лет спустя лидеры государств и правительств мира на всемирном саммите в Йоханнесбурге приняли план действий по реализации кон-

¹⁶⁰ Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. — Улан-Удэ, 2007. — Гл. IV.

цепции устойчивого развития. В 2012 г. в Рио-де-Жанейро состоялась судьбоносная конференция по проблемам устойчивого развития, которая была названа «Рио+20» и символизировала двадцатилетний период совместных усилий мирового сообщества по преодолению глобального кризиса. Конференция «Рио+20» разработала комплексный подход к решению экономических, социальных проблем, переосмысливая перемены в развитии человечества, участники предложили обновленную программу перехода к устойчивому развитию на основе диалога цивилизаций. Профессор В. В. Мантатов, участвовавший в работе конференции, положительно оценивая гуманистическую направленность стратегии, подчеркивает: «Новая парадигма глобального устойчивого развития, согласно итоговому документу конференции «Рио +20», предполагает инклюзивный и справедливый экономический рост, создание более широких возможностей повышения базовых стандартов жизни для всех, сокращение неравенства и поощрение социальной справедливости, повышение устойчивости экосистем перед лицом новых вызовов. Главы государств и правительств выразили приверженность созиданию экономически, социально и экологически устойчивого будущего для нашей планеты, нынешнего и будущего поколений людей. Конференция ООН «Рио+20» сделала акцент на человеческом развитии в гармонии с природой, на равенстве возможностей и социальной справедливости. Иными словами, на конференции «Рио+20» дана новая, а именно гуманистическая интерпретация устойчивого развития.

Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим» подтвердил приверженность глав государств и правительств и представителей гражданского общества построению справедливого и демократического общества, ориентированного на всесторонний прогресс и гармонию с природой. Развивая идеи «Рио +20», мы предлагаем рассматривать концепцию устойчивого развития как ноосферный мобилизационный проект, возвращающий человеческую цивилизацию в гармоничное состояние с природой и одновременно обеспечивающий Восхождение к более высокому качеству жизни и более высокой ступени творческой эволюции мира. Одним из главных средств и путей такого Восхождения является, согласно итоговому документу «Рио +20», «благое управление» на глобальном уровне, опирающееся на

коллективный разум человечества»¹⁶¹.

Озеро Байкал не случайно привлекает внимание многочисленных любителей природы, сторонников дикого туризма, спортсменов, ученых, деятелей культуры и искусства. Располагаясь в центре Евразии, выступает ядром притяжения и объектом использования социально-экономической деятельности, объектом изучения географических, геополитических, этнокультурных, археологических исследований. Байкальский регион славится как уникальное место, где располагаются прекрасные в своей нетронутости природные места, историко-культурные достопримечательности.

В основе методологии глобальной концепции устойчивого развития лежат идеи В. Вернадского, его учения о ноосфере, коэволюции природы, общества и человека во имя сохранения и воспроизводства окружающей среды, выдерживающей лимит потребления человечества. Применение теории Вернадского к изучению озера Байкал как главному объекту природоохранной политики в локальной цивилизации на евразийском фронтире раскрывает дополнительные возможности ноосферы трансграничья как модели взаимодействия культур, этносов, конфессий, государств, отдельных социальных групп, индивидов. Необходимость в защите озера Байкал и всего многообразного байкальского мира заставляет уже сегодня объединяться сообществам трансграничья во имя сохранения биосферы, разрабатывать передовые индустриальные, сельскохозяйственные, социокультурные технологии в рамках ноосферного сосуществования в хрупкой экосистеме. Наличие многих этносов, динамично развивающегося поликультурного фронтального сообщества способно вырабатывать свои правила игры, требования к местному, региональному природопользованию. Таковая территориальная модель уже складывается, в ее недрах заложены некоторые общие принципы и взгляды на мир.

Озеро Байкал и его водосборный бассейн находятся в центральной части азиатского материка и захватывают часть территории Иркутской области (4,8% всего водосборного бассейна), Забайкальского края (9,5%), Республики Бурятия (42,4%) и Монголии (43,4%). Общая площадь водосборного бассейна озера оценивается в 558 тыс. км² (это больше любого западноевропейского государства), в

¹⁶¹ Мантатов В. В. Концептуальные революции. Конференция ООН по устойчивому развитию «РИО+20». — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. — С. 11–12.

том числе на территории Российской Федерации — 316,1 тыс. км². Озеро Байкал и его водосборный бассейн уникальны своей флорой и фауной — здесь обитает 1 550 видов и разновидностей животных, 1 085 видов растений (всего 2 635). В открытой части водоема фауна на 2/3 эндемична. В мире нет другого озера, биологическое разнообразие и степень эндемизма которого были бы столь же велики и уникальны¹⁶².

Евразийское трансграничье обладает разнообразным ландшафтом, географическими особенностями, богато водными, лесными ресурсами, бескрайними степями, равнинами, горными цепями. Такое многообразие есть отражение в миниатюре природно-климатического разнообразия Евразии. Удивительные и неповторимые по красоте места являются предпосылкой развития экологического туризма на основе глубокого понимания и осознания природных ценностей, сохранения экологического равновесия всех элементов экосистемы. Безусловно, главным притягательным объектом туризма является озеро Байкал, овеянное легендами, историями, обладающее священной и чудодейственной силой. Неменьший интерес вызывают и культовые объекты, что можно объяснить повышенным интересом к традиционным формам религиозной практики в контексте глобализации, угрозы культурной и этнической ассимиляции и унификации. Система запретов в культовых местах хранит память о древности, когда человек был частью мироздания и верил духам гор, лесов, рек и озер. Почитаемые места свидетельствуют об общности шаманских корней, языческих верований народов фронта, что дает возможность их осмысления в контексте общего бытия локальной цивилизации. «В развитии международного права в области сохранения культурного и природного наследия достаточно четко наметилась главная тенденция — переход от частных, очаговых и видовых методов к комплексному решению проблем в планетарном масштабе, к созданию единой мировой сети особо охраняемых природных и культурных ландшафтов, — отмечает Б. Ц. Гомбоев. Материалы V Всемирного конгресса по ООПТ, состоявшегося в сентябре 2003 г. в г. Дурбан (ЮАР), свидетельствуют о том, что сохранение биоразнообразия планеты подразумевает не только природные, но и экономические, культурные,

¹⁶² Суходолов А. П. Модернизация экономики региона 106 <http://eizvestia.isea.ru> 2010. № 4.

эстетические и духовные ценности¹⁶³.

Туризм все больше становится эффективной статьей доходов и отраслью экономики. Особая рекреационная зона на Байкале будет вносить свою лепту в устойчивое развитие региона и трансформацию российской экономики и экономики соседних по фронтиру стран, если придет осознание больших возможностей совместного развития экотуризма и создание международного туристического комплекса в Байкальском регионе. Существование соответствующего турпродукта, инфраструктуры, развитие сферы услуг позволит отрабатывать на практике основные положения современной концепции устойчивого развития. Унаследованные от предков условные коды культуры могут стать источником формирования новых цивилизационных ценностей в условиях трансграничного сотрудничества.

В условиях трансграничья увеличивается степень ответственности хозяйствующих субъектов в бассейне озера Байкал и впадающих в него рек, поскольку взаимодействующие акторы являются неотъемлемой частью саморазвивающейся системы в рамках модели устойчивого развития. Основным документом, регулирующим правовую деятельность вокруг Байкала, является № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» от 1 мая 1999 г. На международном уровне одним из недостатков является, как признает О. В. Хышиктуев, несоблюдение принципа территориальной целостности бассейна озера Байкал, потому что пока отсутствует договоренность с Монголией относительно качества контроля вод реки Селенги. Река Селенга берет свое начало на территории Монголии и, являясь самой крупной водной артерией, выступает основным источником питания байкальской акватории. К сожалению, сегодня существует ряд проблем правового регулирования охраны озера Байкал, что ведет к усложнению реализации федерального и международного законодательства¹⁶⁴.

Рациональное, бережное природопользование есть один из важ-

¹⁶³ Гомбоев Б. Ц. Байкальский регион: система достопримечательных мест в рамках реестра объектов культурного наследия // Экологическая этика и образование для устойчивого развития. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2006. — С. 159.

¹⁶⁴ Хышиктуев О. В. Особенности правового регулирования статуса озера Байкал как водного объекта в международном праве // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. — С. 33–36.

ных принципов устойчивого развития, в Байкальском регионе это связано, прежде всего, с охраной озера Байкал. Достижение гармонии человека, общества и природы возможно путем экономической интеграции и соблюдения правил экологической безопасности природных объектов. Известной проблемой трансграничного взаимодействия является выработка совместных мер по сохранению озера Байкал и главной артерии реки Селенги, управление природоохранными действиями на федеральном уровне, уровне субъектов федерации, местных властей, частного бизнеса. На ситуацию вокруг совместных действий по охране озера Байкал влияние оказывает и политический аспект. Существующие проблемы Т. Б. Цыренова объясняет и кардинальными изменениями в политической сфере двух государств, трансформацией основ российско-монгольского взаимодействия, сменой субъектов, принимавших внешнеполитические решения. Несмотря на перемены в руководстве и внешнеполитическом курсе обеих стран, актуальность взаимодействия сохраняется, о чем свидетельствует подписанное в 1995 г. Соглашение между Россией и Монголией¹⁶⁵.

На собственно экологические аспекты российско-монгольского взаимодействия в области охраны трансграничных водных ресурсов обращает внимание О. П. Коломеец. Река Селенга охватывает водный сток всех трансграничных рек бассейна озера Байкал, в своем верхнем течении р. Селенга встречается с крупнейшими промышленными центрами Монголии, и основные источники загрязнения — это предприятия горнодобывающей промышленности и очистные сооружения аймачных центров и городов. Результаты оценки воздействия на водные объекты хозяйственной деятельности населенных пунктов Монголии свидетельствуют об угрозе экосистеме водного бассейна трансграничных рек Селенга и Онон. Автор указывает на совершенствование форм и методов сотрудничества, действующим административным механизмом ныне является институт уполномоченных правительств двух стран как результат практического взаимодействия. Положительным фактом является стремление сторон обеспечить комплексный подход к решению существ-

¹⁶⁵ Цыренова Т. Б. О политических основах взаимодействия России и Монголии в области охраны и использования водных ресурсов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — Вып. 6. — С. 204–207.

вующих проблем¹⁶⁶. Проблема трансграничного водного бассейна высвечивает особую проблему и требует высокого уровня межрегиональной кооперации, при этом промежуточное пространство представлено водными ресурсами, несущими жизнь, содействующими экономическому развитию и по своей объективной сущности соединяющими территории и живущих на них людей. Попытки совместного решения проблем бассейна р. Селенги наглядно показывают специфику лимитрофного пространства, бытие которого представляет собой диалектическое единство общего и частного, перехода количества в качество.

Традиционный образ жизни монгольских кочевников уже содержит принципы ко-эволюции с природой. Пунсалмаагийн Очирбат, критикуя техногенную модель развития общества, подчеркивает преимущества кочевого образа жизни, исторически сложившегося и традиционно принятого в монгольском обществе. Согласие с природой и подчинение законам природы, разумное использование того, что дает природа, является основой восточной кочевой цивилизации. И это становится в условиях устойчивого развития не недостатком, а наоборот преимуществом¹⁶⁷. Этноэкологические традиции монгольских народов известны своим бережным отношением к природе. Кочевники, кочуя по бескрайней степи, были вынуждены приспосабливаться к окружающей среде и учиться понимать язык природы для выживания в суровых климатических условиях. Историческая память сохранила традиционные знания трав, цветов, ягод, эффективного использования пастбищ, законы охоты и рыболовства. Богатый опыт народа подсказывал, как правильно нужно возводить жилище, обрабатывать кожу, изготавливать молочные продукты, которые сегодня постепенно возрождаются и представляют собой уникальную ценность и предпосылки устойчивого развития.

На пути к гармоничному обществу Китай встречается с противоречиями между требованиями экономического роста и экологическими проблемами. Модернизация экономики требовала высоких

¹⁶⁶ Коломеец О. П. Экологические аспекты российско-монгольского сотрудничества в области охраны водных ресурсов // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. тр. : в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — Ч. 1. — С. 248–251.

¹⁶⁷ Пунсалмаагийн Очирбат. Образование для устойчивого развития Монголии // Экологическая этика и образование для устойчивого развития: материалы Байкальской международной конференции ЮНЕСКО. — Улан-Удэ, 2006. — С. 16–19.

темпов производства и высокого уровня потребления, что привело к загрязнению окружающей среды, низкому уровню инноваций и использованию дешевой рабочей силы, констатирует О. Б. Бальчиндоржиева. Сегодня в Китае пытаются переосмыслить дальнейшие перспективы модернизации, которая должна реализовываться не за счет гибели природного мира, постепенно усиливается движение устойчивого развития¹⁶⁸. Очевидно то, что Китай как одна из ведущих держав мира и интенсивно развивающихся экономик глобальной системы не может не признавать вызовы прогрессивного мирового сообщества и стоять в стороне от магистрального пути развития человечества. Концепция устойчивого развития, модернизированная по результатам конференции «Рио+20», призывает на государственном уровне выработать комплекс стратегических мер по реализации здравого смысла. Большую роль играет концепция китайского лидера Си Цзиньпина по строительству гармоничного общества.

На пути к устойчивому развитию Китай демонстрирует полную готовность к преобразованию экономики и других областей. Как пишет В. В. Мантатов, страна взяла на себя обязательства сократить к 2015 г. потребление энергии и выбросы углекислого газа на 18%. XVIII съезд Компартии Китая главной целью устойчивого развития страны признал построение социологической экологической цивилизации, в результате которой будут решены, в частности, и проблема неравенства, и проблема окружающей среды¹⁶⁹. Пример Китая должен положительно повлиять на устойчивое развитие Байкальского региона, особенно в таком аспекте, как предоставление равных возможностей каждому индивиду.

Зависимость субъектов евразийского фронта друг от друга объясняется углублением процессов глобальной регионализации, интеграции во всех сферах жизнедеятельности трансграничного бытия. Идеи устойчивого развития отражают такую зависимость, выживание и развитие человеческого потенциала обусловлено разумной хозяйственной деятельностью в регионе. Байкальский регион и евразийское пространство все больше и больше формируют модель глобального сообщества в отдельно взятой локальной цивилизации, и Китай также вовлечен в решение ныне существующих экологиче-

¹⁶⁸ Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Улан-Удэ, 2015. — С. 32–33.

¹⁶⁹ Мантатов В. В. Концептуальные революции: конференция ООН по устойчивому развитию «РИО+20». — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. — С. 31.

ских проблем трансграничья. По мнению Т. В. Колпаковой, идея устойчивого развития получила широкий отклик в среде ученых. Чтобы усилить координацию и управление устойчивым развитием, Государственный комитет по науке создал Центр по управлению Программой Китая на XXI век, составил перечень приоритетных проектов устойчивого развития и осуществляет единое руководство этим процессом в стране.

В Китае устойчивое развитие разрабатывается в русле рыночного социализма, ядром должна стать политика реформ и открытости. Кроме этого, Т. В. Колпакова отмечает цель достижения гармонии между человеком и природой за счет более эффективного использования безопасных технологий, построения гармоничного социалистического общества на гармонии между человеком и человеком, человеком и обществом¹⁷⁰.

Стратегия устойчивого развития не противоречит традиционным нравственным ценностям конфуцианства, даосизма, буддизма. Л. Е. Янгутов говорит об умеренно динамической модели, присущей китайскому мировоззрению, где взаимодействуют восходящие к самой глубокой древности Инь и Ян. Представления об Инь и Ян повлияли на взгляды китайцев о мире как непротиворечивом единстве. В даосской философии эта идея получила свое развитие в учении Дао и главной мысли о единстве и целостности мира. Идея единства и гармонии сущего «Десяти сокровенных врат», дополненная учением буддизма о десяти негативных и десяти благих деяниях, суть которых сводилась к принципу «не навреди окружающему», имела мощный этический резонанс, обуславливающий отношение человека к окружающему миру¹⁷¹.

Основные положения экологической этики буддизма соотносятся с концепцией природоохранной деятельности. В исследовании О. В. Доржигушаевой представлены такие понятия, как «карма» — выражение экологической ответственности человека, «ахимса» — принцип ненасилия, «бодхичитта» — доброта и сострадание ко всем живым существам. Все эти понятия оказали благотворное

¹⁷⁰ Колпакова Т. В. Теория устойчивого развития КНР (социально-экономический аспект) // Глобальные и региональные проблемы устойчивого развития: материалы междунар. конф. — Улан-Удэ, 2010. — С. 61–65.

¹⁷¹ Янгутов Л. Е. Принципы единства и гармонии в философской традиции Китая // Экологическая этика и образование для устойчивого развития. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2006. — С. 285–290.

влияние на менталитет и этическую культуру многих стран. Вывод для устойчивого развития в век нарастания экологического кризиса достаточно поучительный и содействует бережному отношению к окружающему миру¹⁷².

Даосизм учит мудрости сосуществования в пограничье, взаимные переходы Инь и Ян символизируют многообразие встреч «своего» и «чужого», «другого», «противоположного», буддизм веками учил сострадать всему вокруг. Но именно в контактной зоне между культурами и цивилизациями благодаря межкультурному смысловому полю расширяется внутренний опыт индивидов, формируются обновленные экзистенциальные ценности, и немаловажное место в этом ряду занимает идея совершенствования личностных начал на основе экологической этики. В современном мире все больше усугубляются кризисные явления, вызываемые перепроизводством, загрязнением окружающей среды, глобальным изменением климата и многими другими техногенными, сугубо цивилизационными факторами. Экологическая культура как форма проявления экологического сознания фронтальной личности может формироваться в семье, в повседневном бытии, межличностной коммуникации, через деятельность СМИ и других общественных институтов, но главная воспитательная и просветительская проблема — это осуществление экологически ориентированного образования. Педагогические цели и задачи экологического образования охватывают область собственно добычи знаний, научно систематизированных и методически обработанных, адаптированных для той иной возрастной или специализированной группы. Немаловажную часть составляет экологическая этика, свод ценностных ориентаций, нравственных идеалов, принципов, правил, кодексов поведения. Наконец, полученные знания и нравственный опыт должны найти практическую реализацию не только в отношении к природе как источнику эстетического удовольствия и месту релаксации, но и как к объекту хозяйственной деятельности и применения профессиональных знаний и умений.

В октябре 2014 г. подошла к концу Декада образования для устойчивого развития, объявленная ЮНЕСКО в качестве фундаментальной кампании, объединяющей разные образовательные аспекты, уровни, формы реализации идей, программы, инициативы во

¹⁷² Доржигушаева О. В. Экологическая этика буддизма: учеб. пособие. — СПб., 2002. — С. 4.

многих уголках земного шара. Данная образовательная концепция объединила школы, педагогов, преподавателей высшей школы, ученых, государственных и муниципальных служащих, общественные организации и другие слои населения. Образование в целях устойчивого развития (ОУР) является стратегически важным направлением духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, молодежи, сформировавшихся взрослых личностей, которых объединяет система непрерывного комплексного образования. Декада ОУР смогла выявить проблемные участки, актуальные педагогические проблемы, аккумулировать передовой опыт, собрать наиболее продвинутые методики и расставить акценты в перспективных направлениях.

Воспитательный процесс не отделим от общего среднего, дополнительного и средне-специального, высшего профессионального образования, следовательно, ценностные позиции молодежи во многом можно заложить в содержание образовательных программ. Смысл экологического образования в контексте современности заключается в формировании мировоззренческих установок: онтологических, гносеологических, аксиологических. Методологические основания экологического образования опираются не только на научные знания, но и на этнокультурные экологические традиции, мифологическую, фольклорную картину мира, художественные формы духовно-практического освоения действительности.

Построение модели регионального устойчивого развития Байкальской природной территории требует исследования всех культур, оказавших непосредственное влияние на формирование трансграничной евразийской цивилизации. Исследуемое кумулятивное поле художественного творчества представляет собой информационное пространство, концентрирующее национально значимую информацию о родной природе и способах отношения людей к вопросам ее сохранения и бережного отношения. Анализ процесса познания мира природы позволяет проследить развитие семантического, образного пространства «человек — природа» в творчестве этносов Байкальского региона, выявить области расхождения между тем запасом сведений о природных объектах и явлениях, который был зафиксирован в преданиях и письменной национальной литературе.

Особое место в художественном творчестве изучаемых народов занимает образ Байкала. Один из ярких примеров экологического дискурса, актуализирующего раздумья над экологическими про-

блемами, — формирование благоговейного отношения к природному мировому достоянию, к священному Байкалу. Эгоцентричное сознание формируется на основе понимания самоценности и целостности природы, глубокого осмысления ее значения с этической и эстетической точек зрения. Безусловно, легенды и предания, восторженные стихи или рассказы о Байкале заставляют задуматься о величии и красоте знаменитого природного чуда. Мифологические, поэтические дискурсы, в основе которых находится образ священного Байкала, давно стали предметом анализа разных социально-гуманитарных наук. Созерцание природного чуда, ощущение его энергетической мощи могут привести к постижению фундаментальных основ бытия, априорных законов, к пониманию себя живущей во взаимодействии с Байкалом личности.

С проблемой защиты озера Байкал — Участка Мирового Наследия, связаны разнообразные аспекты. Байкал осмысливается в художественном творчестве этносов по-разному, но общее, что объединяет их, — это тенденция к сакрализации Байкала. Предметом исследования многих научных работ по философии, филологии, эстетике является выявление характеристик Байкала, примеров олицетворения, изменения образа Байкала в разное время суток, в разные времена года, взаимосвязь между образом Байкала и построением литературных героев в разные моменты их жизни. Для разработки экологической этики важным можно считать выявление влияния Байкала на судьбы людей, на профессиональную деятельность, формирование мировоззрения, выстраивание семейных отношений.

Наличие большой Воды в нашем регионе — озера Байкал как центра земного и духовного притяжения — имеет своего рода сакральный и символический смысл. Влияние бытия Байкала на жизнь людей в нашем регионе имеет многосторонний характер, что определяет не только специфику экономической и хозяйственной деятельности, но и распространяет духовную энергию на процесс рефлексии, самопознание, эстетический опыт в литературе и искусстве. Национальная картина мира людей, живущих у священного озера, во многом определяется стихией Воды как мифологемой бытия, и Человек у Байкала как явление онтологическое способен соединять в себе его природную энергетику и превращать в нравственный потенциал, столь необходимый для устойчивого развития общества в XXI в. Рефлексивный потенциал Человека у Байкала свидетельствует об экзистенциальных возможностях в движении и

развитии смыслов евразийского взаимодействия, духовного обогащения, что является исключительно ценным образовательным ресурсом. На примере изучения Байкала можно выстроить целую систему учебных курсов, циклов лекционных и практических занятий, совершенствовать тематику рефератов, курсовых и дипломных работ.

Всесторонний анализ экологических и эстетических хронотопов, т. е. пространственно-временных комплексов создания мифов, преданий, сказок и других форм фольклорного творчества, служит базой осмысления эвристического образовательного потенциала для устойчивого развития и формирования экологического сознания. В экологической эстетике еще не полностью развернуты характеристики объективной выразительности природы, осмысливаемой человеком в контексте типологии ее естественных «первозлементов», их сочетаний, а также способов и моделей эстетического освоения. Эстетика природы в ракурсе нашего изучения определяется онтологическими характеристиками и закономерностями. Объекты и явления природы объективно необходимы, так, например, природную стихию Бурятии согласно географическим особенностям можно разделить на концепты: Вода, Земля, Огонь, Лес, Горы, Степь. В результате наблюдений над окружающим миром человек в качестве основы национальной картины мира определил ряд природных явлений и объектов.

«Первое и очевидное, чем определяется тип национальной модели мира, — это, конечно, природа, среди которой вырастает народ и сотворяет свою историю. Природа — это постоянно действующий фактор», — пишет Г. Гачев¹⁷³. Многовариантность народов и их культур есть сокровище человечества. Окружающий мир трансграничья евразийской цивилизации в результате художественного освоения действительности в каждой конкретной культуре отображается и преобразуется в слове. Специфические приметы социальной и духовной, культурной жизни населения отдельной местности находят сложное, опосредованное преломление не только в национальном языке, но и в системе художественно осмысленных образов. Многообразие физиологических, психологических, социальных характеристик человека, особенности мировосприятия и ассоциативного сцепления разных кодов культуры своеобразно закрепляются в толковании природных явлений. Кочевник, скотовод, пахарь

¹⁷³ Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо–Психо–Логос. — М., 1995.

традиционно жили и трудились в одной системе координат с природой, находились в естественных условиях проживания, и это находило отражение в художественном творчестве. Особую значимость имеют культурно-исторические, религиозные традиции православия в репрезентации русских старожилов, одной из самобытных групп евразийского фронта. С. И. Гармаева выделяет объединяющие нас сходные типажные картины в литературе: человек «леса» — сеятель, пахарь; человек «степи» — номад, кочевник, скотовод; и человек «потока» — босяк, батрак. Все три типажные картины используются С. И. Гармаевой для обоснования ресурса в понимании жизни современным читателем, куда добавляется и актуальный в связи с острейшими проблемами экологии души, природы образ охотника. Методологический и методический уровень соединения открытости и соборности православного человека с внутренней сосредоточенностью человека буддийских воззрений — это синтез как веление времени и богатый социокультурный ресурс, утверждает С. И. Гармаева¹⁷⁴.

Человечество связано с живой и неживой природой естественными связями со времени своего появления на Земле, человек как таковой не мыслит себя вне природы, неотъемлемой частью которой себя он всегда осознавал. Осознание самоценности природы на основе глубинной эстетической рефлексии национальных писателей, поэтов и сказителей позволяет читателю присвоить эти мысли, чувства и отношения таким образом, что это становится приращенным знанием, т. е. экологическими и нравственными ценностями. Экологические проблемы современности и экологическая этика предполагают императивы, в которых концепция красоты природы должна развиваться сообразно велениям времени. Первозданная природа — это уникальная эколого-эстетическая система, это гармоничное сочетание живой и неживой природы, вызывающее трепетное эмоциональное состояние у всех, кто способен оценить ее красоту и величие.

Азиатская модель трансграничного регионализма охватывает сложный экономический комплекс, поликультурное, многоконфессиональное общество и отражает в противовес «антлантической»

¹⁷⁴ Гармаева С. И. Евразийская модель как социокультурный ресурс // Евразийский фронт: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — С. 173–175.

особенности складывающейся евразийской трансграничной цивилизации. Озеро Байкал как географический, стратегический центр и Республика Бурятия как этнокультурный и ресурсный центр евразийского фронта вовлечены в активные интеграционные процессы. Решение основных экономических, геополитических, социокультурных задач устойчивого развития помогает объединять народы евразийского фронта в контексте перспектив трансграничной цивилизации. Формирование трансграничной евразийской идентичности на основе сохранения этнического и культурного своеобразия и билингвизма, готовности к проявлению толерантности и межкультурной коммуникации, а также к восприятию обновленных экзистенциальных ценностей фронтирного бытия свидетельствует об имеющемся потенциале пассионарности Высокой Азии.

2.2. Социальные коммуникации евразийского фронта

2.2.1. Особенности фронтирного медианпространства и массовой коммуникации

Социальные коммуникативные практики жителей трансграничья во многом отражают переживание и осмысление срединного бытия. Возникновение Интернета и широкое внедрение информационных технологий заставляют по-иному смотреть на многие процессы евразийского фронта, поскольку сетевое взаимодействие, размывание границ и превращение территории в единое виртуальное пространство облегчает коммуникацию и содействует возведению мостов, минуя государственные, геополитические, социокультурные разграничения и рубежи. В определении М. Кастельса виртуальная реальность состоит из некой системы символических образов воображаемого мира, которую наполняют выдуманные истории и сюжеты телевидения и компьютерного формата. В социальной теории пространства М. Кастельса элементами являются время, физическое пространство и социальное бытие. Общество строит свое социальное бытие на присутствии информации, которая становится неотъемлемой ее частью и дает импульс возникновению иных связей в обществе¹⁷⁵. Так, Э. Тоффлер прогнозирует появление общественных отношений на ином качественном уровне, которые могут скла-

¹⁷⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.

дываться на основе социальных групп определенных территориальных автономий, их будут объединять религиозные, культурные, научные и другие интересы¹⁷⁶.

Возникновение информационного общества есть фактор формирования трансграничного общественного сознания. Веками складывающиеся социальные практики обширного евразийского фронта реализуются в регионализации, т. е. зонировании общепринятой социальной практики в пространстве–времени, где демаркационная временная линия может быть определена самым началом XXI в. О тенденции к регионализации взаимодействия, не пространственного, а ситуативного характера писали такие ученые XX в., как Э. Гофман, М. Фуко, Э. Гидденс. Гофман и Фуко признают важность изменяющихся под воздействием социальных и исторических факторов границ между обособленностью и раскрытием, ограниченностью и проявлением, подчеркивает Э. Гидденс¹⁷⁷. Выражаясь словами Э. Гидденса, фоновые ожидания жителей фронта о вовлеченности в единое социальное бытие развиваются под воздействием постоянного взаимодействия. Пространственно-временная организация локальной межцивилизационной реальности отвечает правилам регионализации в глобальном масштабе, и эти потребности фиксируют средства массовой информации стран-соседей.

Э. Гидденс, объясняя потребность в коммуникации разных культур, в том числе пишет о традиционных обществах, частью которых являются номады. Кочевые народы, странствуя по безбрежным пространствам земли, тем не менее сохраняли способ общения членов своего традиционного сообщества и были в курсе событий далеко вокруг. В результате сращивания социальной и системной интеграции общение членов сообщества происходит в условиях соприсутствия. Ситуации соприсутствия оставались основными «несущими контекстами» взаимодействия в традиционном обществе¹⁷⁸. Таким образом, верные своей генетической памяти потомки кочевников и других сообществ крестьян, землепашцев, старообрядцев, оленеводов, охотников и других групп евразийского фронта сохранили тенденцию к соприсутствию. И сегодня сообщества обширного трансграничного ареала удивительным образом сочетают

¹⁷⁶ Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004.

¹⁷⁷ Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. — М.: Академ. Проект, 2005. — Изд. 2. — С. 22.

¹⁷⁸ Там же. — С. 215–216.

сохранившееся стремление к взаимодействию, идущего из кочевнического способа существования.

В истории человечества точкой отсчета в процессе омассовления потребления коммуникации стало изобретение аудиовизуальных медиа, т. е. телевидения. Именно телевидение, соединяющее аудио и визуальные каналы передачи информации, согласно Г. М. Маклюэну, независимо от содержания влияли на общественное сознание самой формой передачи и играли креативную и моделирующую роль в формировании нового бытия, ценностных позиций. Наступил момент, когда линейное изложение информации заменяется мозаичной формой репрезентации, когда реципиент участвует в диалоге здесь и сейчас, будучи немедленно вовлеченным в визуально воспринимаемые действия. Создается так называемая интертекстуальность. Г. М. Маклюэн еще в конце прошлого столетия указал на роль СМИ во влиянии на эмоциональный климат целых культур¹⁷⁹. В ситуации евразийского трансграничья интертекстуальность или информационное гиперпространство на стыке Востока и Запада повествуют о мозаике культур, конфессий, этносов, сообществ.

Существующие ныне СМИ в Республике Бурятия в количестве 315, в том числе 9 информационных агентств, в Иркутской области 832, в Забайкальском крае 142 средства массовой информации в совокупности составляют немалую силу массовой коммуникации и массового воздействия на сознание жителей фронта.

О местных новостях рассказывает районное издание. Районная пресса Бурятии находится в состоянии трансформации и адаптации к новым условиям функционирования. В эпоху распространения электронных СМИ нелегко найти дорогу к своей аудитории, тем не менее районные газеты представляют собой достойный пример продолжения лучших традиций советской прессы. Приграничные районные СМИ охватывают пространство государственной границы между Россией и Монголией и представляют собой яркие образцы СМИ на переднем крае пересечения культур и миров. В материалах современных изданий приграничных районов Республики Бурятия «Кяхтинские вести», «Аха», «Джидинская правда», «Знамя труда», «Саяны», районных радиоканалов и телестудий традиционно осмысливаются события реальной границы как историко-

¹⁷⁹ Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. — М. : Гиперборей, 2007.

географического и политико-административного феномена. Но средство массовой коммуникации также призвано моделировать некую воображаемую ментальную конструкцию, в данном случае приграничья, фактического процесса ежедневного пересечения границы с его разнообразными проблемами. Приграничные СМИ становятся регистратором, катализатором, формой оценки новостей, событий и процессов взаимодействия и взаимовлияния с соседними приграничными сообществами Монголии. Деятельность приграничных СМИ вносит свою лепту в формирование особой ментальности как результата контактного взаимодействия.

Для СМИ Байкальского региона характерным признаком является интерес к проблеме этнической идентичности. Серия телевизионных передач «Во глубине Сибири» повествует об этнокультуре забайкальских старообрядцев, «Мунхэ зула» — о духовном возрождении народов Байкальского региона, художественно-публицистическая передача «Буряад орон», детская передача «Бамбаахай» и т. д. являются формой презентации ценностей поликультурного общества фронта, в этом пространстве СМИ конструируют свой жизненный мир по законам массовой коммуникации. На всех телеканалах преобладают темы культуры и искусства, имеется высокий процент религиозных тем на национальном телевидении на бурятском языке ГТРК «Бурятия», телеканалах «Ариг Ус», «Тивиком», а именно в художественно-публицистической программе «Мунгэн сэргэ», аналитической программе «Сагай суурьян», новостных передачах, считает С. К. Зандеева¹⁸⁰. Национальное телевидение в процессе коммуникативного взаимодействия способствует формированию межэтнического согласия, взаимоуважения, становится ключевым консолидированным звеном в системе коммуникаций, объединяющей население региона на основе культурных ценностей, самобытных исторических традиций¹⁸¹.

Проанализировав содержание публикаций в определенных газетах Бурятии, М. Ханхунова приходит к выводу о том, что этническая информация, касающаяся вопросов диаспоры бурят-монголов,

¹⁸⁰ Зандеева С. К. Тематические и жанровые особенности телепрограмм на бурятском языке в Республике Бурятия // Вестник Бурятского госуниверситета. — 2014. — Вып. 6 (1). — С. 87–91.

¹⁸¹ Зандеева С. К. Национальное телевидение как фактор развития этнической идентификации бурят (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Улан-Удэ, 2014. — С. 13.

истории родного края, судеб бурятского языка, традиций других народов и т. д., способствует формированию этнического самосознания и толерантности в поликультурном сообществе. Отсюда следует также вывод о содействии СМИ формированию позитивных представлений и установок людей в межнациональных отношениях¹⁸². Для эффективного межкультурного диалога в пространстве фронта особенно важно информировать о самобытности родной культуры для того, чтобы это стало точкой опоры в равноправном акте коммуникации с другой культурой. В контексте информационного пространства, которое навязывает идею не различия культур, а схожести, унификации способов восприятия информации, И. А. Мальковская подчеркивает идею возврата к ценностным аспектам межкультурной коммуникации, признающим ценность не похоти, а различия¹⁸³.

В другом исследовании М. Ханхунова с помощью контент-анализа республиканских СМИ на предмет выявления устойчивости этнической идентичности выделяет образ Байкала как существенный фактор закрепления национальной и территориальной принадлежности: «Встречаются материалы, посвященные озеру Байкал, — «Байкал впереди всех», «Нырнуть в Байкал за полмиллиона», «Байкал должен стать “чудом света”», «Байкальские дивы», «Байкалу делают объемную карту», «Отдых на Байкале стал роскошью», что также связано с культурным концептом, в основе которого лежит аспект отношения бурят к своей Родине. Байкал многими бурятами воспринимается как «Родина», что, в свою очередь, является выражением идентичности, связанной со специфическим пониманием идентифицируемой территории за счет своего социального опыта. Буряты именуют Байкал «священным морем» («Байгал-далай» — прим. авт.), в гимне Бурятии также особое место отведено именно Байкалу, улан-удэнский аэропорт, главная гостиница, литературный журнал носят название «Байкал» и т. д. Несомненно, Байкал играет в жизни бурят огромную роль, что в первую очередь говорит о том, что эта категория в исследуемых материалах помогает характеризовать территориальную общность сообщества». Вывод М. Ханхуно-

¹⁸² Ханхунова М. Роль СМИ в формировании этнических стереотипов // Публичность социальной сферы: проблемы и перспективы формирования в современной Бурятии: материалы рег. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. — С. 64–68.

¹⁸³ Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — Изд. 3. — С. 44–45.

вой об активизации этнических сообществ и землячеств за рубежом, о сочетании у молодых бурят пассионарности и мобильности с одной стороны, большого интереса к «бурятскости» с другой стороны свидетельствует о формировании особого менталитета евразийского фронта, где молодежь готова к межкультурной коммуникации на основе переосмысления своей этнической принадлежности и родной культуры¹⁸⁴.

Коммуникативное пространство евразийского трансграничья формирует имиджи сопредельных территорий, бренды которых вступают в межкультурный диалог как способы выражения национальной идеи. Республика Бурятия обладает рядом уникальных свойств, связанных с её географическим положением, историей и культурой народов, проживающих на её территории. Бурятия — это прекрасный край, с фантастической природой, ландшафтами, уникальной культурой и религиозно-этническими особенностями. Бурятия — это безграничные возможности для экологического, этнического, рекреационного туризма. Ее природные ресурсы представляют особую ценность. Всё это в той или иной степени может служить основой как для позиционирования самой Бурятии в рамках мероприятий, связанных с маркетингом и брендингом региона, так и для создания уникальных региональных брендов, отражающих региональную идентичность. Бренд территории исходит из определенных имиджевых характеристик конкретного геопространства и, будучи нацеленной и соответственно воспринимаемой различными группами общественности, Республика Бурятия за последние годы сделала мощный рывок в продвижении своего имиджа и в перспективе у Бурятии есть все шансы выйти на качественно новый уровень развития и улучшить свое положение в рейтинге российских регионов, благоприятных для проживания.

Региональные бренды как часть социокультурного контекста Республики Бурятия позволяют ее жителям выражать региональное самосознание, что дает возможность связывать местные бренды с национальными ценностями, историей своего региона, а также осмысливать состояние и перспективы развития своей территории, место и роль региональных социально-этнических общностей в

¹⁸⁴ Ханхунова М. Этническая идентичность в региональном информационно-коммуникационном пространстве (на примере Республики Бурятия) // *Debaty IBI AL: Цивилизационный выбор и пограничье*. — Warszawa, 2011. — С. 169–181.

межнациональных и межцивилизационных отношениях. Жители Бурятии, проявляя региональную идентичность, подчеркивают характерные оценочные качества собственного коллективного бытия, выделяют особенности региональной ментальности и выражают патриотическое отношение к своему месту жительства. Местные жители выражают чувство гордости за регион, проявляют глубокие эмоциональные связи, самоуважение, и от этого Бурятия становится более привлекательной для гостей и инвесторов.

В большей степени в качестве символов Бурятии выступают природные характеристики региона, среди которых центральное место занимает озеро Байкал с ее уникальной флорой и фауной (кедр, нерпа, омуль); культурные, религиозные, исторические и архитектурные ценности народов, проживающих в Бурятии, а также дружественный и даже братский характер межнациональных отношений. И поэтому не случайно стремление жителей Бурятии позиционировать на всероссийском и международном уровнях, прежде всего, то, что отражает местный колорит и позволяет выразить региональную идентичность. Жители фронта как носители информации преодолевают границы своего региона, желая рассказать миру о своих духовных, материальных, природных сокровищах. Именно культурные и природные характеристики региона выступают в качестве потенциала для успешного создания и позиционирования брендов. Именно способность культуры не просто диалектически соединить традиционное и современное, но и транслировать ценное и уникальное, духовную специфику регионального общества представляет эвристическую значимость. А желание жителей региона рассказать о позитивном содержании регионального потенциала свидетельствует о гостеприимстве наряду с ярко выраженной любовью к родной земле и патриотизмом.

Ведущую роль в формировании имиджа региона играют СМИ, обладающие неограниченными возможностями, преимуществами способа транслирования информации через каналы массовой коммуникации. Лидирующую позицию в рейтинге эффективных СМИ занимают интернет-источники. Таким образом, можно обобщить и выделить наиболее популярные концепты, доказывающие уникальность региона: озеро Байкал, центр буддизма в России, восточная (тибетская) медицина, нетленное тело хамбо-ламы Итигилова. Об уникальной роли бренда «Бурятия» и миссии региона в транслировании и воплощении идеи политического, экономического, соци-

ального и культурного взаимодействия между Западом и Востоком, с Монголией и Китаем отмечает И. Я. Рожков. При этом он также выделяет самую большую ценность региона — Байкал: «Это сейчас в становлении России как одной из ведущих мировых держав основную роль играют нефть и газ. Через 10–15 лет главным дефицитом станет вода. На Земле свыше 2 млрд человек страдают от постоянного недостатка пресной воды, а на нашу страну приходится 25% ее мировых запасов. Из них 80% — в Байкале, большая часть побережья которого принадлежит Бурятии»¹⁸⁵.

Проблема положительного имиджа региона и привлечения туристов актуальна и для других сопредельных территорий регионов, частей евразийского фронта. В. С. Морозова говорит, что стремительное развитие сферы туризма и приграничной торговли только усиливает данный контекст. Сегодня жителю Забайкальского края значительно дешевле и проще отправиться в отпуск в Китай, чем в западный или южный регион России. Благодаря весьма выгодной ценовой политике китайского государства по отношению к туризму и торговле многие российские граждане предпочитают отправляться в отпуск или на выходные в соседний Китай, тем самым посещая обширные исторические и культурные достопримечательности этого государства, знакомятся с его историей, культурой, при этом зачастую абсолютно не интересуясь историей своего государства, а это, в свою очередь, приводит к потере своей национальной идентификации.

Развитие международного туризма в Забайкальском крае, как считают К. С. Козырева и А. Н. Новиков, целесообразно строить на представлении региона как части буддийской Азии. Туристическим брендом не только в приграничных районах авторы называют также г. Маньчжурия, который имеет сложившийся имидж центра развлекательного туризма и туризма с целью шопинга.

В контексте пограничья и в ситуации транскulturации особенно актуальной становится проблема позиционирования региона в монголоязычном и китайскоязычном интернете. Трансграничные бренды способны объединять территории, культуры и этносы. К. С. Козырева и А. Н. Новиков называют таким сквозным брендом имя

¹⁸⁵ Рожков И. Я. Технологии брендинга в сознании бренд-имиджа региона // Актуальные проблемы социально-экономического развития Российской Федерации: бренд региона: материалы всерос. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2008. — С. 13.

Чингисхана — тот образ, который определяет положение Монголии в мировом туристическом пространстве. В совокупности с такими объектами, как Кара-корум (Хара-Харин) — древняя столица Монголии и Хубсугул — самое глубокое озеро Центральной Азии, оно формирует яркий и запоминающийся туристический образ страны.

Одной из возможностей включения Забайкальского края в единое туристическое пространство трансграничного региона может стать разработка и реализация трансграничных туристических проектов. На основе использования бренда Чингисхана Забайкальский край мог бы дополнить туристические маршруты Монголии, так как родина Чингисхана в степях Забайкальского края и ряд объектов обозначают его историческое присутствие (Чаша Чингисхана, Вал Чингисхана, Ворота Чингисхана). Бренд соседей может стать цементирующей основой для совместной деятельности. Кроме того, объекты, связанные с именем монгольского хана, есть в Республике Бурятия и в административном районе Внутренняя Монголия¹⁸⁶.

Идея трансграничных туристических проектов находит понимание и в Республике Бурятия. А. В. Кузьмин и Б. Ю. Эрдынеев отмечают возможность позиционирования бренда, связанного с о. Байкал, совместно с Иркутской областью¹⁸⁷. Совет по продвижению имиджа Бурятии предложил проект «Волшебная страна Баргуджин Токум» сделать одним из возможных сквозных трансграничных брендов, поскольку он связан с родиной праматери Чингисхана, долиной реки Баргузин, откуда была родом прародительница рода Чингисхана Алан-Гоа.

Социальные сети Рунета демонстрируют готовность к признанию некой новой социальной реальности, где создаются сообщества по интересам, профессиям, этнической или конфессиональной принадлежности, возрастной категории и т. д. Возможность сиюминутных контактов и мгновенной реакции на любые высказывания порождают в так называемой блогосфере сети микродиалогов или макрополилогов. Это удобная форма коммуникации, часто анонимного характера с использованием любой визуальной продукции, в

¹⁸⁶ Козырева К. С., Новиков А. Н. Туристско-географические особенности трансграничного позиционирования Забайкальского края во Внутренней Азии // Перспективы науки. — 2011. — №8(23). — С. 10–15.

¹⁸⁷ Кузьмин А. В., Эрдынеев Б. Ю. Туристический бренд как ресурс территориального маркетинга Республики Бурятия // Актуальные проблемы социально-экономического развития Российской Федерации: бренд региона: материалы всерос. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2008. — С. 114–123.

результате чего посетители блогов формируют свою виртуальную реальность.

Многочисленные обсуждения и дискуссии в социальных сетях свидетельствуют о новой форме массовой коммуникации, преимуществ которой еще предстоит изучить. Любая серьезная проблема требует умение вести диалог, модерацию постов и комментариев в чатах, активизирует чувства и мысли, внутренний опыт индивида. В киберпространстве также создается свое некое подобие трансграничного ментального пространства. Рунет располагает такими возможностями, что пользователь при желании может безгранично искать и находить любые порталы и проникать в недра другой культуры. Этот же пользователь может участвовать в освещении общественно важных событий, высказывать свою точку зрения, влиять на социальные последствия виртуального общения. В пространстве евразийского фронта существует большое количество социальных сетей, где неформально обсуждаются насущные проблемы транскulturности, инициируются различные акции, проекты, собираются клубы, круглые столы.

Вполне понятно, что подавляющим большинством такой аудитории является молодежь и небольшая продвинутая часть среднего поколения, в связи с чем возникает проблема формирования новых ценностных позиций. Наиболее активная часть бурятской молодежи достаточно толерантна, мобильна, креативна и демократична, что дает толчок интересным и даже революционным инициативам. В подборке И. Н. Дашибаловой сайтов в бурятской интернет-среде фигурируют такие порталы, как «Проект Бурят-Монголия. инфо», блог «Сообщество трех бурятских регионов», «Моя юрта 2.0. — бурятская глобальная социальная сеть», блог «Александр Азаргаев» Blogus. ru, блог «луна_уд» на Livejournal, блог «Азиаты в Америке», блог «Новости буддизма из Бурятии». Блогосфера может быть эффективно использована для формирования и развития бренда региона¹⁸⁸.

Также пользуются популярностью ulanovka. ru, newtag. ru, buryatia. org, vkontakte. ru, Rb03. ru и т. д. В социальных сетях активность проявляют буряты-мигранты, получающие возможность соприкоснуться через каналы массовой коммуникации к теме роди-

¹⁸⁸ Дашибалова И. Н. Блоги бурятской интернет-среды как возможность продвижения бренда региона // Актуальные проблемы социально-экономического развития Российской Федерации: бренд региона: материалы всерос. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2008. — С. 163–170.

ны. Малая родина появляется в ностальгирующем сознании диаспоры в воображаемом, экзистенциальном смысле. Живущие за границей буряты и другие выходцы Байкальского региона могут обсуждать близкие сердцу проблемы со своими земляками, при этом виртуальное сообщество может пополняться пользователями всего земного шара. Публичная сфера трансграничного сообщества новой формации способна преодолеть границы между этносами, разными социальными группами, институтами. По словам А. Аппаддурай, в транснациональную публичную сферу все активнее включаются диаспорные, миграционные группы, локальные культуры, пограничные и маргинальные сообщества, и поэтому все большую роль начинает играть воображаемое социальное пространство. Вследствие деятельности электронных масс-медиа и повышенного уровня мобильности воображение становится одной из основных детерминант современной социальной жизни¹⁸⁹. Данное высказывание применительно к евразийскому фронтиру заставляет задуматься об актуальности символических формах репрезентаций этнических идентичностей в поликультурном сообществе, на основе которых меняется социальный опыт и конструируется через СМИ трансграничная идентичность.

Новый синтетический канал массовой коммуникации — интернет-портал средства массовой информации — вносит свою лепту в процесс интеграции региональных СМИ. Интернет-СМИ являются дополнительной формой отображения информации для обычного, онлайн-ового СМИ. Еще в 2013 г. две крупные американские исследовательские структуры (Pew Research Center и National Association of Broadcasters) в своих отчетах обратили внимание на то, что современные зрители все больше стремятся к кроссплатформенному онлайн-использованию телеконтента, то есть к совмещению просмотра программ с интернет-поиском. В результате формируются определенные точки соприкосновения, когда потребление телеинформации осуществляется наряду с интернет-коммуникацией («touch point»). При этом зарубежные исследователи фиксируют рост интереса зрителей именно к программам, которые используют модель онлайн как в информационном вещании, так и в развлека-

¹⁸⁹ Мальковская И. А. Знак коммуникации: дискурсивные матрицы. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — Изд. 3. — С. 174.

тельных жанрах¹⁹⁰.

Наиболее репрезентативным каналом такого синтетического вида местных СМИ можно назвать сайт infpol. ru проекта «Информ Полис online» — это интерактивный мультимедийный портал. Сайт набирает популярность, становится достаточно посещаемым: на сайт заходит ежедневно около 12 тыс. человек, регулярно проводятся онлайн-конференции с участием известных персон. Появилась своеобразная платформа для обсуждения основных общественно-политических проблем региона¹⁹¹. Через анализ функционирования региональных СМИ в новых условиях, с учетом процессов глобализации и регионализации должно прийти осознание тенденций к фрагментации регионального пространства, а также тенденции к формированию трансграничного воображаемого пространства как динамичной целостности существования и воздействия массовой коммуникации разных уровней медиа. Наглядным примером того может служить работа по созданию эффективного сайта местных телекомпаний БГТРК, «Ариг Ус» и «Тивиком» для взаимодействия со зрителями онлайн. Совмещение просмотра программ с использованием ресурсов интернета дает аудитории возможность широкого выбора, активную вовлеченность в эфир, поднимает эмоциональный настрой и дает шанс эффективно использовать внутренний потенциал.

Электронные средства массовой информации более широкого диапазона воздействия и призванные формировать общественное сознание трансграничья обладают большими техническими возможностями, более разнообразной жанровой природой, могут предложить более глубокий контент. Эфир массовой коммуникации промежуточной территории пограничья А. Криволап называет медиаландшафтом по аналогии с географическим понятием, вкладывая в метафору медиасистемы такие характеристики, как непрерывность и протяженность. Общеизвестно, что СМИ представляют собой рупор определенных социальных или политических сил, поэто-

¹⁹⁰ Ятчук О. М. Интерактивные программы в национальном телеконтенте: новые векторы исследования // Медиа в современном мире. Молодые исследователи: материалы 14-й междунар. конф. студ., магистр. и аспирантов (11–13 марта 2015 г.) / под ред. М. А. Бережной; сост. А. Н. Марченко. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. — С. 311–314.

¹⁹¹ Борзенкова Е. С. Специфика интернет-СМИ Бурятии на примере портала infpol. ru / Медиaprостранство Бурятии: работы исследователей по журналистике: монография. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. — С. 91–95.

му А. Криволап далее выстраивает параллель с природным ландшафтом, делая акцент на трехмерном измерении. Модель масс-медиа должна выстраиваться в трехмерном пространстве, где есть медийные пики и хребты, долины и впадины. Тогда возникает не просто схема масс-медиа, а объемная модель, представляющая различные силы и интересы. «Принципиальное отличие между описанием взаимодействия различных видов масс-медиа и концепцией медиаландшафта состоит в том, что система масс-медиа «разворачивается» на плоскости в двух измерениях, тогда как медиаландшафт предполагает конструирование отношений в трех измерениях». Стоит предположить, что третье измерение должно отражать содержание, репрезентируемые события, в том числе в виртуальном формате, тогда становится актуальным анализ объективного отражения формирующегося трансграничного менталитета.

Представляет интерес мысль А. Криволапа о конструировании пространства пограничья и членении влияния стран-соседей, во многом отрицающих принципиальную возможность самостоятельного существования культуры пограничья, где информация о Другом становится своеобразным зеркалом для изучения нас самих¹⁹². Именно благодаря электронным СМИ возможно создание такой культуры пограничья, потому что сетевое взаимодействие без границ все настойчивее делает заявку на формирование такого бытия, воображаемого и символического. Медиапространство фронта способно менять общественное мнение, формировать трансграничное общественное сознание, влиять на трансформацию социального пространства через освещение актуальных проблем, связанных с изменениями локальных культурных традиций, мультикультурализма, культурного обмена, миграционных потоков, судеб этнических диаспор и т. д.

Ярким примером фронтирного медиавещания является программа «Середина Земли». В Иркутске телекомпанией АИСТ был инициирован проект «Середина Земли», с 2009 г. охватывающий новости Забайкальского края, Республики Бурятия, Иркутской области, Монголии и Китая. Международная информационная программа «Середина земли» расширяет границы информационного пространства каждого из субъектов РФ, а также приграничных провинций

¹⁹² Криволап А. Медиа-ландшафт Беларуси как модель пограничья // Перекрестки. — 2006. — №3–4. — С. 180–193.

соседних стран. С лета 2014 г. стартует международный проект сотрудничества телекомпаний и информационных агентств евразийского фронта и «Середина Земли» выходит на новый качественный уровень, предлагая широкой трансграничной аудитории тематические программы. Гипертекст программы насыщен смысловыми элементами новостей соседних регионов так, что зритель (пользователь сети) может сравнивать события, делая акценты на главном. С большим интересом воспринимаются новости сопредельных стран: близкое находится далеко, если не постараться вникнуть в то, что людей объединяет общая трансграничная территория.

Особый интерес представляет интернет-журнал «Asia Russia Daily» (АРД) на русском и монгольском языках, где представлены новости, статьи о бурят-монгольском мире, рассказываются об известных персонах, ведутся блоги и существует отдельная ссылка, посвященная буддизму. Коммуникативное пространство данного журнала имманентно имеет тенденцию к универсализации личностных позиций и смыслов. Азиатская часть России охватывает несколько субъектов федерации и национальных регионов. Создавая такой портал, авторы, очевидно, стремились к выявлению общих смыслов, представляющих Восток как тип культуры и мировоззрения. Посещая этот сайт, читатели уже погружаются в модели интернационализированного сознания пограничья миров, пользователи, становясь соучастниками, разделяют изначально заложенную установку на познание социальной реальности через призму трансграничной ориентации на консенсус. В интересусубъективном пространстве фронта встречаются различные, часто даже полярные точки зрения, но интернет-среда массовой коммуникации и существует для того, чтобы общение не имело границы и содействовало новым знаниям и контактам.

Расширяют свои возможности средства массовой коммуникации и наши соседи. Сегодня в Монголии имеется четыре популярные телевизионные сети, две из них вещают на всю страну, а две другие — в Улан-Баторе и близлежащих районах столицы. Имеется также несколько частных и кабельных телевизионных сетей. Кроме национального телевидения второе место по популярности занимает UBS (Ulanbatar Broadcasting System) — городское телевидение, основанное в феврале 1995 г. на базе объединения телефильма Монголии. Затем идет телеканал Channel 25 и четвертое место в рейтин-

ге занимает совместная телекомпания Eagle TV¹⁹³. Во Внутренней Монголии Китая имеется монголоязычный канал «Одон телевиз», который вещает на 53 страны мира. С 2009 года Центральное телевидение Китая CCTV открыло канал о Китае на русском языке.

В октябре 2014 г. в рамках Недели культуры автономного района Внутренняя Монголия представителями СМИ подписан протокол о сотрудничестве в Улан-Удэ. По свидетельствам еженедельника «Информполис», «в Бурятии на миллион человек зарегистрировано более трехсот СМИ, из них 6 телекомпаний, около 15 республиканских газет, 20 интернет-сайтов, зарегистрированных как СМИ. Для сравнения, во Внутренней Монголии действует 49 газет, большинство на китайском и монгольском языках, часть на русском и новом монгольском языке, 15 крупных телекомпаний и более десятка новостных сайтов, отмечают представители СМИ Внутренней Монголии. В связи с такой обильной конкуренцией в Бурятии сотрудничество с международными коллегами поможет нашим СМИ выйти на новый, более качественный уровень распространения информации¹⁹⁴.

Коммуникативный процесс интегративных СМИ на фронтальном пространстве откроет новые возможности не только деловых контактов самих институтов производства массовой информации, но будет играть политическую роль в консолидации сил в рамках договоренностей ШОС или ЕАЭС. Исторически сложившаяся и культурно обусловленная ментальность сибирских народов евразийской России, соседних Монголии и Китая в условиях формирования нового типа трансграничных и транснациональных СМИ находится под воздействием импульсов межкультурного диалога.

В рамках такого диалога шестьдесят лет вещает на русском языке Международное радио Китая (МРК). Немаловажно и то, что обе страны — Китай и Россия, — позиционируя себя как наследники уникальных культурно-цивилизационных традиций, заняты выработкой обновленных «национальных идей». Это побуждает равно и Китай, и Россию объяснять внешнему миру, что несходство их ценностей с западными не ведет к конфликту и выступает важным эле-

¹⁹³ <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1319&level1=main&level2=articles>

¹⁹⁴ <http://www.infpol.ru/obshchestvo2/item/6978-smi-buryatii-i-kitaya-planiruyut-tesno-sotrudnicat.html>

ментом глобального многообразия цивилизаций¹⁹⁵.

О новом качественном этапе взаимодействия СМИ Евразии свидетельствует проект «Медиа-инициатива Шелкового пути», нацеленный на создание единого информационного пространства между всеми странами-участницами проекта «одного пояса и одного пути». Единое медиапространство призвано не только обеспечить информационную поддержку проекту, но и становится основанием успешного сотрудничества и интеграции СМИ, а также поддержания межкультурного диалога. В мегапроекте создания экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. участвуют все акторы евразийского фронта. В документ будет включено несколько сотен проектов в таких сферах, как строительство железных и шоссейных дорог, создание новых промышленных парков, энергетика и информационные технологии. Мегапроект евразийской интеграции был официально озвучен председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., но подготовка оснований осуществлялась около десяти лет. В матрице мегапроекта Шелкового пути одним из перспективных направлений сотрудничества можно считать азиатскую модель трансграничья, частью которой является пространство евразийского фронта в Байкальском регионе. Здесь веками складывается традиция пограничных дискурсивных практик, предполагающие определенный тип ментальности, интерпретации, коммуникативных действий и взаимоотношений.

В связи с переходом к электронным и цифровым медиатехнологиям и глобализирующейся социальной реальности происходит глубокая трансформация публичной сферы, когда массовые коммуникации становятся фактором создания единого трансграничного пространства. Евразийская медиасфера в локальной репрезентации на фронтире России (Байкальский регион) Монголия и Китай демонстрируют высокий уровень интеграции и открытости публичной сферы. О формировании альтернативной публичной сферы в отличие от официальной, зависимой от государственных доктрин и идеологий, пишет В. Н. Фурс. Жизнь общества в информационную эпоху все более разыгрывается в пространстве средств массовой

¹⁹⁵ Фань С. Репрезентация китайской культуры в русскоязычном вещании «Международного радио Китая» // Медиа в современном мире. Молодые исследователи: материалы 14-й междунар. конф. студ., магистр. и аспирантов (11–13 марта 2015 г.) / под ред. М. А. Бережной; сост. А. Н. Марченко. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. — С. 306–308.

информации. Это делает невозможным проведение средствами массовой информации единой политической линии, но в то же время СМИ выражают практически весь политический спектр, поскольку являются основными каналами трансляции информации и образов. В пространстве поликультурного общества, динамика которого определяется коммуникацией, происходит взаимопереплетение публичных сфер, формируемых коммуникационными технологиями и различными общественными акторами. На повестку дня встает вопрос о необходимости формирования наднациональных публичных сфер, способных выполнять легитимирующие функции и опираться уже не на национальный, а на конституционный патриотизм, соотносящийся с абстрактными методами и принципами демократической политической культуры¹⁹⁶. Нельзя не согласиться с мнением В. Н. Фурса о создании транснациональных публичных сфер, что особо актуально для евразийского фронтирного бытия.

Информационные технологии уже сегодня помогают найти друг друга в среде диаспор бурят, русских, старожилов во Внутренней Монголии Китая, Монгольской Народной Республике, традиционных анклавах русского зарубежья — в Харбине, Хайларе — и других городах Китая. С распространением компьютерной сети Интернет евразийское фронтирное сообщество практически вступило в период формирования и развития единой информационно-коммуникационной среды, при этом виртуальное пространство постепенно все больше и больше превращается в единую информационную среду социально-экономической, политической и культурной действительности общего трансграничного пространства трех стран России, Монголии, Китая. Сегодня информация наравне с энергоносителями, материальными активами становится в глобальном пространстве одним из важных факторов и ресурсов социального прогресса, т. е. не секрет, что СМИ представляют «четвертую власть». Отсюда и трансформирующиеся политические, социальные, культурные институты, общественные отношения, общественное мнение фронта.

Трансграничное общество начинает осознавать, что современные средства массовой информации, каналы массовой коммуникации являются идеологически влиятельной силой. Воображаемый симво-

¹⁹⁶ Фурс В. Н. Критическая социальная теория // Глобалистика: энциклопедия. «Диалог». — М.: Радуга, 2003. — С. 490.

лический образ пограничной реальности намного легче создавать с помощью современных СМИ, и тогда локальное становится глобальным, глобальное воспринимается как существующее где-то рядом в соседнем регионе.

2.2.2. Художественные коммуникации евразийского фронта как форма диалога Востока и Запада

Осмысление срединного и промежуточного местоположения Байкальского региона между Востоком и Западом выражается в стремлении сохранить культурно-историческую самобытность народов, населяющих его территорию. Способ мышления населения транграничья России, Монголии и Китая имеет некоторые схожие черты, которые проявляются в толерантном отношении к иноязычным культурам, целостном мировоззрении и стремлении к равновесию и внутренней гармонии, основанном на лучших духовных традициях православия, буддизма, конфуцианства, даосизма и языческих верований. Исторически доказанное сосуществование кочевой (буряты и монголы) и земледельческой (русские старожилы и китайцы) цивилизаций не противоречат друг другу и веками воспитывают Человека в духе бережного отношения к природе, внимательном отношении к ближнему, уважении к Другому.

На огромной территории Центральной Азии сложились социокультурные условия сосуществования народов, теперь же складывается универсальный для евразийского фронта, совместно вырабатываемый культурный код живущих в локальных цивилизациях пограничья Европы и Азии, на цивилизационном перекрестке торговых, социокультурных связей. Это непростое бытие имеет уровни согласования межличностных контактов, политических коммуникаций, межгосударственных связей, всякий раз стремясь находить пути взаимодействия. В эпоху трансформации общества необходимо выработать иные подходы к изучению социальных коммуникаций трансграничного пространства, межкультурных коммуникаций соседних стран, в частности евразийского фронта, демонстрирующего комплиментарность, схожие культурные ценности, территориальную и культурную близость. В рамках единой системы взаимосвязей и социальных коммуникаций особое место занимают художественные коммуникации. Известно, что глобализация не только унифицирует наше бытие, навязывает западный образ жизни, но и подспудно содействует национальному возрождению ма-

лых народов, развитию этнического самосознания и изучению са-
мобытных культур, что ведет к объективному плюрализму культур-
ных парадигм и мультикультурному пространству. Глобализация
породила осознание сохранения собственной культурной идентич-
ности во имя равноправного сосуществования в полилоге культур и
цивилизаций. Г. Г. Почепцов выделяет следующие виды социаль-
ных коммуникаций:

- визуальные — это передача информации посредством жестов, мимики, телодвижений;
- вербальные — это общение с помощью слов, своего рода рече-
вая коммуникация;
- перформансные — это коммуникации, основывающиеся на ри-
туалах. Ритуалы несут в себе символически выраженные коммуни-
кативные сообщения. Перформансная коммуникация часто харак-
теризуется театральностью со своими правилами и ролями;
- мифологические коммуникации — это коммуникации, осно-
ванные на мифах. Миф представляет определенную грамматику по-
ведения и несет свою эстетическую направленность. Современные
средства коммуникации, в особенности телевидение и Internet, кон-
струируя реальность, формируют свое мифологическое простран-
ство. Появляются новые мифы и герои, под воздействием которых
происходит трансформация современной культуры;
- художественная коммуникация — это осуществление интел-
лектуально творческой взаимосвязи автора и реципиента, передача
реципиенту художественной информации, содержащей определен-
ное отношение к миру, художественную концепцию, устойчивые
ценностные ориентации. Опосредствующим звеном этой передачи
является художественное произведение, а в исполнительских искус-
ствах (музыка или театр) еще и исполнитель¹⁹⁷.

Художественные коммуникации фронта представляют собой
разнородные виды взаимодействия, общения через искусство,
большой выбор каналов коммуникации. Искусство разделяют на
виды по особенностям средств изображения, по предмету и способу
подражания действительности. Искусство является разновидностью
художественной коммуникации между творцом и читателями, зри-
телями, слушателями, т. е. аудиторией. Чтение и изучение художест-

¹⁹⁷ Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. — М. : Вак-
лер, 2002. — С. 178.

венной литературы принадлежат к формам письменной коммуникации и представляют собой вид текстовой художественной коммуникации.

В национальном литературном процессе Бурятии наблюдаются явления трансграничья, взаимодействия культур, область и масштаб контактных зон неустанно расширяются. Ученые фронта отмечают не всегда положительный эффект влияния чужеродной культуры на само национальное литературное сознание. С. Ж. Балданов еще в 2006 г. писал с особым беспокойством об активной языковой ассимиляции, унификации и проявлении пограничного сознания в ущерб национальному. Подверженность коренных народов Сибири маргинальному сознанию привело к тому, что они, в том числе и буряты, во многом утратили качество и целостность национального сознания. Характеризуя феномены современной ситуации пограничья, С. Ж. Балданов, в частности, заостряет внимание на результатах языковой ассимиляции и межнациональных браков. Интеграционные процессы породили метисацию, и метисы вообще, в том числе метисные писатели, оказывают существенное влияние на культуру малых народов¹⁹⁸.

Творчество современных писателей Бурятии находится не только под влиянием метисации и двуязычия, но и бурных процессов глобализации, активного внедрения информационных технологий. Среди новых качеств национального художественного сознания С. Ж. Балданов называет соединение научного и художественного мышления (Б. Дугаров и А. Ангархаев) как фактор обновленного видения мира в контексте евразийской цивилизации, и возрождение интереса к эпосу монгольских народов «Гэсэр» как символу духовного единства монгольских народов. Художественное слово предназначено не просто для того, чтобы донести значение в сообщении на уровне элементарного понимания, но и призвано отразить глубокий смысл, воздействовать на реципиента силой эстетического воплощения. От литературных произведений ожидают не только сухой передачи фактов сообщения, но еще и дополнительной наполненности содержания. Поэтому художественная литературная коммуникация евразийского фронта чутко уловила тенденции формирования многополярного мира. Бурятские писатели как талант-

¹⁹⁸ Балданов С. Ж. Бурятская литература в условиях современных социокультурных процессов // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста: материалы межрегион. науч. конф. (Улан-Удэ, 27–28 ноября 2006 г.). — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. — Ч. 1. — С. 4–8.

ливые люди еще на заре интеграционных и глобализационных процессов, считает С. Ж. Балданов, начали поиски в области глобальных форм мышления, поиски художественных приемов и способов передачи общепланетарных общечеловеческих ценностей. В высказываниях С. Ж. Балданова находится ресурс будущей оригинальной культуры евразийского российско-монгольско-китайского фронта. Он убежден в том, что в XXI в. главным и определяющим в деятельности человека будет единение народов мира перед угрозами мировых катастроф, создание наднациональных, вненациональных организаций и институтов¹⁹⁹.

В художественной литературе советского периода возрастает коммуницируемость русской сибирской литературы в евразийском контексте. «Деревенская проза», в частности, показывает самобытность русской сельской жизни, коренные основы народного бытия, сильных духом простых людей. Писатели-деревенщики, описывая русскую глубинку, которая была самостоятельной локальной цивилизацией со своим укладом, со своим моральным кодексом и своими эстетическими воззрениями, органично вписываются в коммуникативную матрицу трансграничного евразийского контекста. «Время свадеб» В. Личутина; «Деньги для Марии», «Последний срок» В. Распутина, «Отхон», «Старый покос» А. Байбородина. «Царь-рыба» В. Астафьева не только продолжают традиции русской классики, но и повествуют о самобытной русской душе в полилоге мультикультурного сообщества.

Традиции русской классической литературы оказали существенное влияние на национальную бурятскую литературу. А. Б. Матуева отмечает связь поэзии Д. Улзытуева с образным миром А. Пушкина, Ф. Тютчева, С. Есенина. Образ дома и окна как деталей пограничного пространства символизирует возможность для представителя кочевой культуры выйти за пределы своего национального бытия, пространства малой родины²⁰⁰.

¹⁹⁹ Балданов С. Ж. Бурятская литература в условиях современных социокультурных процессов // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста: материалы межрегион. науч. конф. (Улан-Удэ, 27–28 ноября 2006 г.). — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. — Ч. 1. — С. 7.

²⁰⁰ Матуева А. Б. Влияние процесса глобализации на создание национальной картины мира в бурятской поэзии // Евразийский фронт: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе: сб. науч. ст. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — С. 183–185.

Современный бурятский писатель А. Мухраев говорит о том, что в Бурятии идет взаимное обогащение двух культур: «Бурятия в этом смысле уникальна, если человек не закрывается в отрицании чужой культуры, то это его обогащает. Все мы, буряты поколения 50-х и далее, выросли на русской культуре, Пушкине, Достоевском, Толстом, Чайковском. Я — бурят, но пишу на русском...»²⁰¹. Бурятская литература традиционно функционировала в контексте национальных литератур Сибири, евразийского содружества народов СССР и России. Время и эпоха сегодня выдвигают на первый план обращение к ценностям, этническим константам, рефлексии словесного творчества. Евразийская общность национальных литератур России продолжает укрепляться на основе традиционных творческих связей. Бурятская литература рассматривается в контексте сибирской литературной общности как модель евразийского взаимодействия на локальном уровне, отталкиваясь от которого, любая национальная литература выходит на уровень обобщений общемировых закономерностей²⁰².

Диалог русской и бурятской культур, Востока и Запада в сумме составляет евразийское поликультурное пространство. Взаимодействие художественных традиций в евразийском пространстве существенно обогащает литературные переводы. На бурятскую литературу влияла русская советская литература, зарубежная классика: осваиваются поэтические жанры сонетов, элегий, баллад. Переводы зарубежной литературы осуществляются в основном не с оригинала, а с русских переводов, вследствие чего происходит освоение нового художественного опыта. Так, русскоязычная поэзия Солбонэ Туя и Мунко Саридака находится под влиянием русской поэзии XX в. Велико влияние и восточной литературы, что объясняется «генетическим» тяготением и общностью мировосприятия²⁰³. Художественное произведение может коммуницировать разными го-

²⁰¹ URL: <http://www.newbur.ru/articles/14205>

²⁰² Балданов С. Ж., Бадмаев Б. Б., Буянтуева Г. Ц.-Д. Литература народов Сибири: этнотрадиции, фольклорно-этнографический контекст. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008.

²⁰³ Булгутова И. В. Жанровые традиции Запада и Востока в бурятской поэзии XX века // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. — С. 160–162.

лосами, отражать разные точки зрения, но все это соединяется в обобщенном образе автора. Личность автора-билингва играет существенную роль в создании произведения как части многонациональной литературы евразийского сообщества, мировоззрение таких писателей влияет на дальнейшую интерпретацию текста в контексте трансграничья Востока и Запада. Текст произведения евразийской литературы — это особое сообщение и выражение внутреннего мира автора пограничья и его культурно-исторической традиции, которая вступает в диалог с традициями других культур промежуточного пространства.

С. С. Имихелова называет Д. Батожабая одним из первых писателей в бурятской литературе, который предпринял попытку преодоления рамок своей культуры. В его романе «Похищенное счастье» герой осваивает огромные мировые пространства от монгольских степей, Тибета, Китая до Европы. В романе В. Митыпова «Долина бессмертников» в природном ландшафте герой ощущает присутствие истории, вечного хронотопа²⁰⁴.

Ярким примером философской художественной рефлексии евразийского масштаба является творчество русскоязычного бурятского писателя И. Калашникова, чей роман «Жестокий век» стал символом осмысления на планетарном уровне истории и времени в образе Чингисхана, выходом за пределы своей культуры в общеевразийскую общность²⁰⁵. И. Калашников мастерски передает своеобразие образно-мифологического мышления, культуuroобразующие компоненты бурят-монгольского мира в романе «Жестокий век». Правдивое изображение этнического колорита кочевых народов Центральной Азии, духа той эпохи, ментальных проявлений обозначают значительную роль литературы в исторически-философском моделировании мира²⁰⁶. Роман «Жестокий век» отразил характерно-

²⁰⁴ Имихелова С. С. Поэзия национального бытия. О литературе и театре Бурятии: рецензии и статьи 1980-2010 гг. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. — 234 с.

²⁰⁵ Гармаева С. И. Методология национального художественного мышления в контексте современных социокультурных процессов // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста: материалы межрегион. науч. конф. (Улан-Удэ, 27–28 ноября 2006 г.). — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. — Ч. 1. — С. 9–14.

²⁰⁶ Дуринова С. Б. Этническая ментальность в романе Исае Калашникова «Жестокий век» // Найдаковские чтения – 2: материалы науч. конф.: в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. — 260 с.

сти человеческой жизни в диахронном измерении, художественно-образная система в тексте стала основой формирования содержательно-эстетического сообщения о глубинных смыслах этногенеза в Центральной Азии.

Творчество И. Калашникова представляет собой диалог культур, отмечает С. С. Имхелова, и исторический роман как результат творческого освоения выходцем из старообрядческого села монгольской истории — это прекрасный пример взаимного переплетения этнических, социокультурных традиций. Открытость другому миру характерна и для В. Корнакова, изображающего сложные процессы взаимодействия разных племен и народов евразийского пространства²⁰⁷.

Многонациональная Бурятия порождает писателей, проявляющих интерес к ментальности, традициям и быту разных этносов. М. Жигжитов, В. Корнаков, К. Карнышев, М. Шиханов обратились в своих произведениях к эвенкийской теме. Об эстетике современного пограничья в творчестве Б. Дугарова, Н. Нимбуева, С. Намсараева, Л. Олзоева, В. Митыпова, Г. Дагурова, С. Тумурова пишет О. Ю. Баранова. В ситуации одновременного и однопространственного существования в пограничье и перекрестке двух культур русскоязычные писатели-буряты вкладывают дополнительные нюансы в традиционные этнические образы-символы, мифологемы, и они приобретают вследствие этого новые смыслы. Важна также и следующая онтологическая проблема — функционирование текста в культурно-историческом контексте. Пишущие на русском языке бурятские писатели сохраняют национальное мироощущение и изображают этническую художественную самобытность своего народа²⁰⁸. Тем самым писатели Бурятии интернационализируют художественные коммуникации, выступающие одним из факторов формирования евразийской пограничной культуры.

Художественная коммуникация непосредственно связана с эстетическим восприятием и опытом общения с произведениями искусства, что в свою очередь подразумевает эстетический опыт и полу-

²⁰⁷ Имхелова С. С. Поэзия национального бытия. О литературе и театре Бурятии: рецензии и статьи 1980–2010 гг. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. — 234 с.

²⁰⁸ Баранова О. Ю. Идеи американской школы «пограничья» в применении к литературе Сибири // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста: материалы межрегион. науч. конф. (Улан-Удэ, 27–28 ноября 2006 г.). — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. — Ч. 1. — С. 38–45.

чение эстетического удовольствия. Интегрирующаяся в трансграничное пространство художественная литература требует интерпретации. На самом начальном этапе художественной коммуникации у реципиента возникает проблема участия, эстетического сознания, взаимоотношений с объектом эстетического восприятия. Соответственно возникает проблема поликультурного читателя, способного улавливать сложное сообщение, стать полноправным участником коммуникационного процесса. Привилегия получения эстетического опыта и наслаждения от общения с произведением искусства принадлежит не каждому, поскольку это требует серьезной ангажированности и фоновых знаний. Интерпретация литературы пограничья требует вдумчивого изучения культурного контекста для сравнения с другими текстами, выявление смысла произведения на стыке культур Востока и Запада, трансформирующихся ценностей, адекватной оценки потенциального социального функционирования произведения в контексте пограничья.

Восприятие читателя фронта зависит от этнической идентификации, социально-групповой сущности, его личностных особенностей, уровня образованности и т. д. Через освоение духовных ценностей литературы пограничья читатель реализует свое бытие как поликультурной личности фронта. Одним из общепринятых результатов коммуникации с художественным произведением является достижение состояния идентификации с литературным героем. Эстетическое переживание влияет на изменение отношения сильнее, чем это могут сделать религия, традиция, образование или жизненная ситуация, в результате чего читатель может не просто сопереживать и чувствовать целую гамму эмоций, но и целенаправленно применять модели поведения литературного героя к своей жизни. Интерпретация художественной картины пограничья может создавать некое коммуникативное русло, в рамках которого реципиент может вырабатывать свое понимание евразийской модели бытия.

Коммуникация в достаточной степени обуславливается тем каналом, по которому она протекает. Театр является воплощением визуальной и перформативной коммуникации с внедрением некоторых элементов мифологической разновидности социальных коммуникаций. Ритуалы, как известно, широко применяются в постановках, особенно в спектаклях с этническим колоритом. С этой точки зрения интересный дискурс для анализа коммуникативного фронтального бытия представляет состояние со-бытия с произведениями

хореографического искусства в моменты со-переживания с их сценической интерпретацией. Исторически бурятские танцы отражают относящиеся к этнической монгольской культуре духовные ценности. Бурятия как средоточие культур и конфессий адаптировала восточную буддийскую и европейскую православную культуры, заимствовав некоторые их ценности и элементы хореографии. Бурятский танец в модифицированном виде оказал влияние на становление балета Бурятии. Национальное творческое наследие в стилизованной форме активно влияет на балетное искусство Бурятии, было создано много художественных образов, являющихся содержательным и эстетическим сообщением в художественной коммуникации.

Художественная коммуникация посредством языка пластики и движений принадлежит к особым сферам коммуникативной деятельности. По словам Г.-Г. Гадамера, уникальная особенность искусства заключается в том, что в общении с ним «происходит встреча с особенным и с проявлением истины в единичном»²⁰⁹, что в хореографическом искусстве заключено в каждом миге движений исполнителя. Каждый балетный спектакль есть воплощение индивидуального подхода, личного переосмысления вечных ценностей, образов, символов. В результате общения с искусством познается и свой мир. Знаменитые постановки классических балетных спектаклей или «Красавица Ангара», «Юки» являются примером постижения мира в новых образах так, что это дает толчок к качественным изменениям.

Диалог культур проявляется в том, что русская и советская хореография оказала значительное влияние на стилистику национального балета, выпускники столичных хореографических учебных заведений восприняли и творчески переработали традиции европейского балета и школу русского классического танца, соединив её с национальным творчеством. Примером мультикультурной творческой личности может быть названа выдающаяся бурятская балерина Л. Сахьянова, чье творчество является примером освоения классического балета. Г. А. Миронова называет феномен таланта и трудолюбие балерины, знание народных обычаев и традиций свидетельством интеграционного процесса²¹⁰.

²⁰⁹ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991. — С. 304.

²¹⁰ Миронова Г. А. Фиксация танца в трехмерном пространстве: памятник prima-балерине Бурятии Ларисе Сахьяновой // Евразийский фронт. — 2012. — С. 225–226.

Традиционная танцевальная культура Бурятии в сочетании с творческим осмыслением классического балета представила образец художественного моделирования евразийского бытия, что позволило данному виду искусства значительно расширить границы возможностей и интегрироваться в мировую культуру. Бурятский балет имеет большую ценность как яркое, самобытное танцевальное искусство, которое пополняет своими образными, красочными и пластичными танцами сокровищницу мирового балетного искусства. Интернациональный репертуар театра оперы и балета демонстрирует вовлеченность хореографического искусства трансграничья в поликультурный контекст.

Художественная коммуникация как составная часть современных этнокультурных процессов стимулирует развитие этнического самосознания и способствует интеграции народов на основе общечеловеческих ценностей, наглядным примером служит искусство Байкальского региона. II Международный фестиваль театров кукол «Путь кочевника» или международный проект театра оперы и балета «Летучий голландец на Байкале», постановки пьес зарубежных авторов в драматических театрах республики, проекты «Восток-Запад: музыка, объединяющая мир», «Блеск Азии», «Угайм сулдэ. Дух предков» театра песни и танца «Байкал» — переплетение мифопоэтики кочевой культуры, этнических образов и символов, в то же время шаги по пути интерпретации традиционных ценностей в контексте пограничья культур.

Театральные постановки последних лет все больше соединяют визуальную, перформансную и мифологическую коммуникации. Синтез пластических форм бурятского театра с европейской и восточной пластикой демонстрировали артисты театра «ЧелоВек». Коммуникативные сообщения в постановках «Мотыльки», «Песни дождя» театра «ЧелоВек», а также спектакль бурятской актерской студии (реж. Д. Н. Баторова) «Дождь снов» доказывают возможность выхода на транснациональный и межкультурный евразийский уровень осмысления эстетики движения.

Анализ потенциала коммуницируемости хореографического искусства Бурятии в условиях активного трансграничного сотрудничества позволяет прийти к выводу о том, что этот вид художественной коммуникации также продуктивно отражает уникальный и неповторимый кочевой мир народов Центральной Азии, создавших ори-

гинальную культуру, заложив основы особого типа цивилизации. Отсюда сегодня черпает вдохновение танцевальное искусство в целом и балет в частности для интеграции в глобализирующийся евразийский мир.

Искусство представляет особый вид сотрудничества и интеграции. «В процессе проведения этих научных мероприятий выявилось еще одно направление евразийской интеграции, которое имеет значительно более продолжительный период эволюции, но пока остается вне сферы внимания исследователей и акторов евразийской интеграции. Речь идет об искусстве, прежде всего, народном искусстве. Можно вспомнить, что представители художественно-эстетического вида космизма считали, что интеграция должна осуществляться через красоту и гармонию, которые только и могут спасти мир (Ф. М. Достоевский, В. Соловьев, А. Скрябин, А. Богданов и др.). Искусство относится к третьему типу интеграции, который исследователи определяют как «свободную интеграцию». Народное искусство выступает органической частью самой природы, сохраняющей во все времена жизненные связи с окружающей средой, этнической общностью, с землей. Его «генеральной функцией» является «воспроизводство человеческого в человеке», воссоздание связей личности с общенародным, общечеловеческим при сохранении национальной укорененности. В ней сохраняются информационные структуры, которые В. С. Степин назвал мировоззренческими универсалиями. В народном искусстве Евразии ценна его интегрирующая роль: культура нации имеет целостный и центроостремительный характер. Народное искусство характеризуется традиционностью, нравственностью, коллективностью, преемственностью, оптимизмом, жизнерадостностью, духовной наполненностью, коммуникативностью»²¹¹.

Песенный фольклор является наиболее сохранившейся частью традиционной культуры бурят и ценным способом трансляции последующим поколениям этнических ценностей. Песенное народное

²¹¹ Спирина М. Ю. Евразийская интеграция: наука, образование, искусство // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Шестой всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Барнаул, 25–26 июня 2012 г.): в 2 т. / под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова. — Барнаул: Си-пресс, 2012. — Т. 1. — 295 с. — С. 162.

творчество получает новый коммуникативный импульс в современных условиях интеграции трансграничных культур. В едином ансамбле словесной и музыкальной форм находят выражение вербальная и мифологическая коммуникации. Песня служит лирическим музыкальным сообщением от композитора, автора слов и исполнителя.

В истории культуры сформировалась, как отмечает Р. Ф. Перцовская, четырехкомпонентная цикличная деятельностная коммуникативная система музыки (композитор, исполнитель, реципиент, музыковед-аналитик). Являясь ядром музыкальной коммуникации, она постоянна, но ее характер определяется креативными возможностями доминирующего коммуникативного формата. Она эволюционировала от примитивной одно-, двухкомпонентной деятельностной структуры в эпоху миметики к развитой многокомпонентной (четырёх- и более) в электронном сетевом коммуникативном пространстве²¹².

Лирическая народная песня может быть охарактеризована как трехкомпонентная система художественной коммуникации, поскольку данная музыкальная коммуникативная система как часть социальных коммуникаций фронта распространяется по традиционным каналам коммуникации — от исполнителя к зрителю-слушателю. Народная лирическая песня отражает общие представления кочевых народов и поэтому беспрепятственно находит свою аудиторию далеко за пределами Байкальского региона.

Широко известна и пользуется популярностью старообрядческая музыкальная традиция Забайкалья, сегодня она представлена ансамблями и хорами. В старообрядческих селах звучат плясовые и хороводные песни. Особую культурную ценность представляют народные частушки, свадебные песни, духовные стихи, плачи, песни тюрьмы и каторги. Русскую локальную культуру представляют старoverы: международный фестиваль фольклора старообрядческих художественных коллективов «Раздайся, корогод!», а также творчество таких коллективов, как ансамбль традиционных инструментов театра народной музыки и танца Улан-Удэ «Забава», фольклорные коллективы «Семейские янтари», «Судьбинушка», Забайкальский народный семейский хор «Истоки» и др. Частью русского населе-

²¹² Перцовская Р. Ф. Динамика художественной коммуникации в современной культуре: на примере музыки : автореф. дис. ... канд. культур. — М., 2003.

ния Байкальского региона можно назвать казаков. Самобытное творчество забайкальского казачества, берущее свои истоки со времен пограничной службы XVII в., включает музыкальное, поэтическое творчество, военные и походные песни.

В современных условиях глобализации развитие и широкая пропаганда коллективного исполнительства на национальных инструментах различных народов являются эффективным инструментом управления цивилизационными процессами в мировой художественной культуре. В Улан-Удэ в 2006–2012 гг. проводились международные фестивали традиционной музыки «Звуки Евразии». Улан-Удэ как место соединения Европы и Азии органично обосновывается для организации подобных мероприятий, здесь обозначается символический смысл диалога национально-инструментальных искусств как Востока, так и Запада. На фестивалях была представлена музыка таких азиатских стран, как Индия, Корея, Япония, Монголия, Китай, а также народно-инструментальная культура Европы. Евразийский дух фестиваля подчеркивался многонациональным инструментальным творчеством народов России — Тувы, Хакасии, Калмыкии, Удмуртии. Интеграция культур Востока и Запада дает импульс новым творческим идеям.

Что касается национальной композиторской школы Бурятии, то нет сомнений в том, что, как и другие виды классического искусства, она сформировалась не как результат интеграции европейского и национального опыта, а является прекрасным примером диалогического взаимодействия западноевропейской, русской и бурятской культур. Социокультурная институционализация композиторской школы Бурятии, подчеркивает Т. Г. Балханова, проходила в условиях интенсивной межкультурной интеграции, под влиянием общероссийской музыкальной культуры. Свидетельством этому служит тот факт, что у истоков социокультурной институционализации бурятской музыкальной культуры стояли известные российские музыкальные деятели и педагоги²¹³.

Такие мероприятия, как Азиатский фестиваль скрипичной музыки «Байкальские струны», Байкальский международный конкурс вокалистов и другие, призваны консолидировать таланты и обмен

²¹³ Балханова Т. Г. Композиторская школа в музыкальной культуре Бурятии как фактор межкультурной интеграции народов России : автореф. дис. ... канд. культур. — Улан-Удэ, 2002.

мнениями между музыкантами разных регионов. Главная идея международного музыкального фестиваля «Голос кочевников. Байкал–Бурятия», который проводится с 2011 г., заключается в продвижении идеи этнофутуризма, переосмыслении этнического многообразия евразийских культур в контексте динамически меняющегося времени и пространства пограничья. Вступающее в многоплановые отношения музыкальное сообщение выступает средоточием новых смыслов, которые дают импульс для дальнейших коммуникативных отношений в области этнической музыки евразийского фронта. В результате исследования музыкально-инструментального творчества бурят В. В. Китов приходит к выводу о способности ценностных характеристик и ориентиров национального искусства выполнять роль своеобразных критериев интеграционного процесса взаимодействия и взаимовлияния культур Запада и Востока в целом. В. В. Китов доказывает наличие материальных и духовных артефактов культуры, в которых тесно взаимодействуют ценности западной и восточной культур. И органичный синтез бурятского национального и инонациональных культур может привести к достижению уровня, когда национальное обретёт интернациональную значимость, что и произошло с наиболее развитыми музыкальными культурами мира — итальянской, немецкой, русской²¹⁴.

Традиционно музыкальные коммуникации имеют специфическую природу, представляя собой особое коммуникативное сообщество в культурном пространстве с определенными коммуникативными каналами трансляции музыкальных сообщений. На территории пограничья коммуникативное сообщество расширяет свои границы и охватывает не только потомков кочевой цивилизации, но и всех тех, кто неравнодушен к разноплановой культуре. Так выстраиваются сложные, порой противоречивые интернациональные отношения коммуникаторов в глобализирующемся коммуникативном процессе.

Большинство коммуникативных действий в художественной культуре основано на диалоговых отношениях, в результате которых меняются качественные характеристики участников коммуникативного процесса. Визуальная художественная коммуникация обладает не меньшим потенциалом коммуницируемости, чем пер-

²¹⁴ Китов В. В. Музыкально-инструментальное творчество бурят как фактор художественной культуры : автореф. дис. ... канд. культур. — Улан-Удэ, 2002.

фомансная, музыкальная и текстовая разновидности диалога с искусством. В разговоре с произведением живописи зритель также претерпевает качественные изменения, т. е. человек, становясь зрителем картины, полнее раскрывается в своем онтологическом и гносеологическом проявлениях. Само же произведение, вступая в диалог со зрителем, раскрывает коммуникативные возможности визуального сообщения, некоего посредника между миром автора и его аудиторией.

Изобразительное искусство Бурятии XX в. сформировалось под непосредственным влиянием западноевропейской, русской, буддийской и добуддийских художественных традиций. В структуре произведений прослеживается использование композиционных схем, принадлежащих разным эпохам: петроглифы, материал буддийского, китайского, европейского искусства XX в. Одновременное существование разновременных типов композиции является следствием позднего заимствования из мирового искусства и свидетельствует об уникальности ситуации в культуре Бурятии XX в., которую можно определить как постмодерную и общемировую, считает Ю. Н. Николаева²¹⁵.

Характерной чертой некоторых направлений бурятской живописи является следование канонам буддийского мировоззрения. Принято считать, что буддийская художественная традиция до начала XX в. была представлена на территории Бурятии различными архитектурными, иконописными, скульптурными школами. Буддийские дацанские художественные школы Бурятии были профессиональными и включали длительное обучение в местных дацанах и поездки в монастыри Монголии, Тибета и других стран, тем самым продолжали традиции кросс-пограничных контактов. Следует заметить, что в художественном ремесле было влияние китайского декоративно-прикладного искусства, которое еще раз доказывает вековые традиции обмена не только в торгово-экономической области, политических коммуникациях, но и в культуре, главном индикаторе трансграничной реальности. Изобразительная народная традиция у бурят была связана с культовыми предметами шаманизма. Антропоморфные признаки обрядово-культовой системы характерны для шаманских верований и других народов обширного ареала.

²¹⁵ Николаева Л. Ю. Образ мира в изобразительном искусстве Бурятии XX века : автореф. дис. ... канд. культур. — Улан-Удэ, 2000.

В целом сегодняшнюю художественную жизнь Бурятии характеризуют поликультурность, открытость, разножанровая направленность. Неслучайным стало формирование художников с евразийским транснациональным и пограничным художественным мышлением — это можно отнести к творчеству Д. Намдакова, Б. Дашицыренова, А. Цыбиковой, З. Доржиева и многих других.

«Осмысление евразийской идентичности связано с названиями работ и выставочных проектов Даши Намдакова — характеризует творчество художника Т. А. Бороноева, — это “Шаманы и воины”, “Воспоминания о будущем”, “Стихия Даши Намдакова”, “Вселенная кочевника”, “Преображение”, “Ностальгия по истокам”». Наиболее масштабным и концептуальным по смыслу был проект Вселенная кочевника 2004 г., в 2007 г. он был представлен в Пекине и ряде городов Китая. Искусство Д. Намдакова — редкий сплав мудрости поколений, философских, нравственных и эстетических представлений народа, превращенных интуицией и талантом мастера в высокохудожественные поэтические образы-символы. В работах прослеживается многое, но, может быть, это результат его «первобытного» видения мира. Прежде всего это память предков, восходящая к народам, кочевавшим по степям Евразии, или особенности искусства стран Дальнего Востока и Центральной Азии — Бурятии, Монголии, Тибета²¹⁶. Включенность в контекст евразийского фронта в обширном трансграничном пространстве России, Монголии, Китая свидетельствует о масштабности художественной мысли Д. Намдакова, глубине философского уровня обобщения своих бытийных основ творца-потомка и представителя кочевой цивилизации. Он вырабатывает универсальные евразийские трансграничные смыслы, его живопись обеспечивает условия встречи с другой культурой для реализации полноценного диалога в процессе транскulturации европейских и восточных традиций. И поэтому не случайна популярность Д. Намдакова на Западе, где имеется продвинутый сегмент общества, испытывающий потребность в диалоговых отношениях с культурой Востока.

Т. А. Бороноева называет художественную культуру Бурятии полем пересечения идеально-ценностных установок Европы и Азии,

²¹⁶ Бороноева Т. А. Современное изобразительное искусство Бурятии: поиск ментальных оснований художественной культуры / Terra Humana. — http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/5817/5_10_02_30.pdf?sequence=1

поскольку многие бурятские художники пытаются сочетать европейский подход к живописи с «азиатской душой», ярким примером тому служит творчество А. Цыбиковой.

Смысловой центр культуры пограничья охватывает круг общих тем и художественных приемов, в которых тесно переплетаются, с одной стороны, традиционные этнические локальные и, с другой стороны, универсальные трансграничные ценности. Особое место во фронтире занимает реципиент пограничья. Общение с искусством налагает печать ответственности перед значительностью и значимостью заключенного в нем опыта, искусство заставляет активизировать все внутренние ресурсы мыслительного, эмоционального потенциала такого читателя. Ощущение принадлежности к глоболизирующейся евразийской цивилизации является еще одним фактором, повышающим ответственность перед вызовом перемен и желанием реализовать коммуникативную потребность с искусством, потому что художественная культура способна преодолевать границы отчуждения и непонимания с другими народами, содействовать присвоению культурных ценностей фронта.

На каждом этапе развития национальных культур фронта были достигнуты определенные результаты, многие из которых не потеряли своей актуальности и сегодня. В соединении разнообразных и разнонаправленных тенденций заключается жизненная сила современного трансграничного искусства. Самобытное творчество музыкантов, композиторов, танцоров, певцов, художников, выраставшее из глубин этногенетического сознания, и искусство классическое профессиональное дополняют и обогащают друг друга, характеризуя субъективную ценность, неповторимость, универсальность их устремлений в поликультурность бытия.

Искусство по ту сторону воображаемой границы в Монголии также подвержено тенденциям к межкультурному диалогу при сохранении своей самобытности.

«Мне бы хотелось привести ряд аргументов в поддержку тезиса о евразийской цивилизационной принадлежности Монголии, что, естественно, никак не отменяет того очевидного факта, что Монголия отличается глубокой и неповторимой национально-культурной самобытностью, будь то этнический состав ее населения, язык, культурные традиции, художественные и научные достижения. Речь пойдет лишь о том, что некоторые общие евразийские ценности и культурные константы, а также формы национального само-

сознания специфически присутствуют и проявляются как в «символическом теле» монгольской культуры, так и в сознании ее живых носителей. И, соответственно, существуют глубокие культурно-психологические связи и тяготения между русской и монгольской культурно-национальными традициями в рамках единого евразийского культурно-географического мира. Этот мир в его классическом теоретическом понимании занимает пространство внутренней Евразии между западным и восточным культурно-географическими мирами (или цивилизациями) и объединяет населяющие его этносы в единый евразийский суперэтнос»²¹⁷.

Монголия как центр Центральной Азии традиционно находилась на пересечении важных торговых путей, связывающих между собой страны Азии: Индию, Китай и Тибет, поэтому искусство и культура Монголии развивались во взаимодействии и под влиянием этих стран. В 1970-е гг. здесь успешно развивалась переводческая деятельность, что объяснялось бурным развитием советско-монгольских отношений и усиленному интересу к русской культуре. 2000-е гг. свидетельствуют об усилении влияния англо-американской культуры и потребности изучать английский язык. Творчество современных писателей свидетельствует о сближении литературы Монголии с прогрессивной мировой литературой при максимальном сохранении национальных особенностей.

«Дух монгольской поэзии и культуры в целом очень близок русской культуре и поэзии в силу общности их евразийских ценностных приоритетов. Так, нам очень созвучно радостное ощущение широты и беспредельности пространства. Мы очень близки монголам по своей культурной и человеческой открытости, по любви к семейным очагам. Разве что свою русскую четырехстенную избу мы не променяем (при всем уважении!) на монгольскую круглую юрту, а наши лесные просторы — на ширь монгольских степей»²¹⁸. Общие мотивы и образы в мировой, в том числе и монгольской, литературе могут служить в качестве элементов художественной текстовой коммуникации. Литературный текст Монголии наряду с

²¹⁷ Иванов А. В. Евразийская идентичность Монголии // Монгольский мир между Востоком и Западом / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. — Новосибирск: Автограф, 2014. — С. 69.

²¹⁸ Иванов А. В. Ценностные струны монгольской поэзии // Монгольский мир между Востоком и Западом / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. — Новосибирск: Автограф, 2014. — С. 132.

другими видами сообщений художественной коммуникации способен актуализировать смысл современной глобализирующейся эпохи, что базируется на вековых культурно-исторических традициях пограничных контактов.

По результатам исследования истории развития монгольского театра Батнасангийн Сухээ приходит к выводу о формировании в XX в. синтетического типа культуры с национальными и интернациональными чертами благодаря тесным связям с северным соседом, ориентации на советские образцы культуры. Монгольский этнос на протяжении всей своей истории существовал в условиях активных культурных и языковых контактов: в древности с тюрками; в средневековье он входил в ареал китайской культуры и языкового мышления; в XX в. установилась ориентация на Россию. В то же время в культуре монголов, как и в других народов Азии, очевидно влияние буддийской культуры, формировалось двуязычие (в период проникновения ламаизма вторым официальным языком служил тибетский).

В развитии монгольского театра, также как и других видов искусств XX в., характерным является адаптация культур сопредельных народов и обогащение национальных традиций новым опытом. Театр Монголии стремится к освоению лучших образцов не только русского драматического искусства, но и мировой классики. Батнасангийн Сухээ отмечает режиссерское искусство 1980-х гг., которое последовательно обогащается принципами условно-метафорической режиссуры, открытиями психологического театра, традициями Станиславского. В условиях открытой внешней политики продолжается процесс европеизации монгольской культуры. Наряду с ростом национального самосознания, возрождением многих утраченных традиций, обращением к давнему историческому прошлому в сознании социума сложилась доминанта европоцентризма в оценке многих явлений современной общественной жизни. Во многом под влиянием Запада произошли значительные изменения и в современном искусстве Монголии²¹⁹. О влиянии европейской культуры на развитие музыки и музыкальных инструментов пишет и Шауэт Гульфайруз. Так, первые европейские инструменты были привезены во дворец Богдо-хана перед Первой мировой войной в 1914 г. Знакомство с европейской музыкой в значительной степени обога-

²¹⁹ Батнасангийн Сухээ. Проблемы становления театра европейского типа в Монголии : автореф. ... дис.... канд. искусств. — М., 2009.

тило творчество монгольских композиторов в области композиционных структур и средств выразительности: гармония, динамика, разнообразные типы фактуры. На ритмический рисунок фортепианных сочинений в большой степени повлияли образы движения монгольской культуры — юртовые танцы и аллюры лошадиной скачки. Если первые были статичны и подразумевали только мелкие движения рук, плеч, головы, глаз, то лошадиная скачка является одним из основных компонентов формирования ритмики монгольской фортепианной музыки. Ее отличает сочетание западноевропейской композиторской техники и восточной природы музыкального материала, использование — одновременно и в свободном сочетании — европейских и традиционных монгольских инструментальных приемов исполнительства²²⁰.

Художественная коммуникация монгольского искусства строит свою коммуницируемую реальность, в основе которой культурные коды кочевников переосмысливаются и реинтерпретируются в контексте пограничья и в более широком смысле глобализации. Стилизация лошадиной скачки или творческая обработка старинных степных песен — это способ трансляции национальных ценностей монголов в условиях активного взаимодействия с мировой культурой и прежде всего с культурами соседей, это попытка осознания трансформации монгольского общества путем эстетического освоения более сложной трансграничной действительности.

Что касается китайской культуры, то она раскрывает потенциал коммуницируемости в диалоге культур Байкальского региона, дальневосточных регионов и соседней Монголии. Русская культура традиционно привлекала внимание соседей из Поднебесной, духовная и материальная составляющие взаимных контактов породили общие взгляды на художественное осмысление социальных практик пограничья, откуда следует вывод о возможности расширения межкультурных контактов на основе схожести содержательно-смысловых признаков культур, прежде всего пограничья, при сохранении культурной самобытности пограничных сообществ.

В основе традиционной культуры Китая лежат идеи конфуцианства: отношения к старшим в семье, к государственной службе, требования к дисциплине и другие этические заповеди имеют большую

²²⁰ Шауэт Гульфайруз. Фортепианная музыка Монголии второй половины XX в.: композитор, инструмент, жанр : автореф. дис. ... канд. искусств. — СПб., 2011.

эвристическую значимость для заимствования и трансляции художественно-философских ценностей в условиях трансграничных контактов. С другой стороны, китайская культура обладает высокой адаптивной способностью, принимает и приспосабливает внешние влияния, за счет чего имеют место обновление и зарождение новых явлений и систем. Несмотря на популярность западного искусства, китайское современное искусство умело сочетает традицию и культурную диффузию. Взаимодействие современного китайского искусства и пришедшего в Китай влияния искусства Запада, постмодернистского искусства, выглядит как сложный и противоречивый процесс интеграции, но нынешнее состояние современного китайского искусства определяется тем, что оно прошло через стадии «имитации — поглощения и использования трансформирования инноваций», что и предопределило его нынешнее разнообразие²²¹.

Так, подверглись модернизации основы китайского театра, традиционные приемы пластики и движений, пения и речитатива гармонично переплетаются в перформансной коммуникации современности. Современная китайская опера успешно сближается с европейским оперным искусством. В точке зрения Чжан Личжэнь можно найти свидетельство удачного внедрения эстетических требований европейской музыкальной культуры в искусство оперы, новый жанр музыкального театра Китая. При этом китайская национальная опера в эпоху глобализации сохраняет самобытные национальные черты, ассимилируя творческий опыт европейской, а теперь уже и мировой, оперы, китайская национальная опера постепенно становится все более востребованной в разных странах мира²²².

Культура постмодерна имеет тенденцию к мультикультурации. На примере Китая видно, что современный культурный контекст коммуникативного пространства состоит из традиционной культуры, культур малых народностей, локальных дискурсов, современного искусства постмодерна, при этом культура пограничья вбирает в себя понемногу все эти разновидности. Обогащаясь в межкультурном взаимодействии, промежуточное поле художественной коммуникации становится моделью многоязычного эстетического осмысления пограничных социальных практик.

²²¹ Ван Фэй. Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса : автореф. дис. ... канд. искусств. — М., 2008.

²²² Чжан Личжэнь. Современная китайская опера : автореф. ... канд. искусств. — СПб., 2010.

Русская культура оказала существенное влияние на реализацию китайского литературного сознания, формирования национального современного театра, искусства балета, классической музыки и т. д. Исторически русская эмиграция в Китае стала источником культурного просвещения, несколько поколений китайской интеллигенции были воспитаны на эстетических идеалах русской классической литературы. Но не всегда взаимодействие двух стран имеет позитивный продуктивный характер. Так, Лу Лэй считает, что для осуществления диалога необходимы усилия и стремления всего общества. Для создания подлинных диалогических отношений между двумя культурами важно преодолеть целый ряд проблем, среди них — многие общественные стереотипы, распространенные в двух странах²²³.

Стоит добавить, что за последние десять лет взаимоотношения России и Китая претерпевают положительную динамику, заметно улучшились контакты в экономической, политической, культурной областях, что свидетельствует о желании сторон вступать в подлинный диалог. Стереотипы в любом виде социальной коммуникации являются серьезными барьерами, с которыми нужно бороться герменевтическими методами, имея желание осуществлять эффективную двустороннюю равноправную коммуникацию.

Существует ряд важных факторов, говорящих о неизбежности совместного существования в мире и согласии в контексте трансграничья. Россия и Китай не могут существовать без сотрудничества: у них общая граница, общие исторические судьбы и сходные проблемы. Обе страны на данном этапе активно возрождают свои национальные культурные традиции, нацеленные на модернизацию общества, которые призваны стать основой двустороннего культурного сотрудничества.

В условиях трансграничья усиливается интеграция элементов национальных музыкальных культур в пространство трансграничной виртуальной культуры евразийского фронта. Р. Ф. Перцовская прогнозирует новые формы культуры и новые коммуникативные стандарты. Нельзя не согласиться с процессом синтеза видов искусства на основе виртуализации и внедрения мультимедиа, что порождает синкретизм восприятия и отражения мира человеком. В этом заключается зарождение особого типа эстетического воспри-

²²³ Лу Лэй. Взаимодействие национальных культур России и Китая в XX веке : автореф. ... канд. искусств. — М., 2004.

ятия и сопереживания реципиентом фронта, жителем пограничья культур. Наиболее перспективной тенденцией в современной музыкальной культуре, считает Р. Ф. Перцовская, является образование визуальных, полисенсорных форм искусства (мультимедиа-арт); процесс удвоения и усложнения поля функционирования музыки в результате формирования в виртуальном пространстве аналоговых и безаналоговых видов деятельности, требующих нового уровня креатива²²⁴. Новый уровень креатива требует и эстетического осмысления сложной, многоуровневой поликультурной действительности через трансграничные художественные коммуникации.

Следующим уровнем синтеза становятся виртуальные художественные коммуникации. Появляются новые формы культуры, полностью зависимые от массовых каналов коммуникации, что влечет иные познавательные способности, иные механизмы воспроизводства и тиражирования художественных сообщений, а отсюда и изменение ценностных ориентаций. На портале [www. artburyatia. ru](http://www.artburyatia.ru) существует виртуальная выставка картин бурятских художников, в режиме онлайн можно увидеть, сравнить, выбрать любую работу. Это выставка мастеров Бурятии и сохраняющих духовную связь с родиной художников, вдохновленных прекрасной родной природой и людьми своего края. Можно встретить в сети Интернет и другие источники, знакомящие аудиторию с культурой и искусством евразийского фронта. Разработана он-лайн библиотека бурятской литературы «[www. pomoihan. com](http://www.pomoihan.com)». Информационный портал «Байкал-Lake» [www. baikal-center. ru](http://www.baikal-center.ru) имеет страницу «Литература и искусство», которая включает разделы, посвященные фольклору, художественным текстам, изобразительному искусству, музыке, кино. На портале [www. burlit. ru](http://www.burlit.ru) размещена информация о бурятских писателях Монголии и Китая. Портал «ВКонтакте» имеет интерактивные страницы, посвященные культуре и искусству сопредельных стран. На сайтах самих театров существует фотогалерея, иллюстрирующая самые яркие эпизоды из спектаклей и афиши. Художественная коммуникация в интернете не имеет видимых границ и способна охватывать многомиллионную аудиторию.

Классические литература, искусство танца, изобразительное искусство, музыка всегда были путеводителями масс по бескрайним

²²⁴ Перцовская Р. Ф. Динамика художественной коммуникации в современной культуре: на примере музыки : автореф. дис. ... канд. культур. — М., 2003.

просторам мировой истории и культуры. Аудитория привыкла к традиционному способу тиражирования культурных знаний, но сегодня учится воспринимать сосуществование классического наследия и виртуальных форм репрезентации. Безусловно, расширяется культурное поле смыслов, ускоряется и облегчается доступ к произведениям искусства, но данный формат имеет амбивалентную природу и имеет не только положительные, но и отрицательные последствия. Произведение искусства наполовину теряет живую энергию непосредственного общения с читателем или со зрителем и слушателем. Хотя совершенствование коммуникативных возможностей искусства при помощи сети Интернет открывает новые перспективы и влияет на социокультурные, политические процессы, но глобализация неуклонно ведет к интернационализации культуры и утере самобытности локальных культур. Неоднозначны оценки существования электронной музыкальной среды в сети Интернет, набирает силу и новый тип так называемой электронной культуры — это ведет за собой изменение онтологических оснований бытия человека и расширяет границы общественного бытия. Быстрее всех воспринимает новшество молодежь. Например, современная музыкальная культура евразийского фронта движется по пути синтеза и, превратившись в массовую культуру, обретает черты молодежной субкультуры. Развитие музыкального виртуального пространства ведет к образованию своеобразного конгломерата вкусов и предпочтений. Пространственно-временная организация этого дискурса полностью зависит от функционирования средств массовой коммуникации. Специфика хронотопа виртуальной культуры определяется ускорением динамики коммуникативных процессов и проявляется в следующих тенденциях: преодоление пространственно-временных барьеров (вплоть до элиминации пространственного барьера) и значительное сокращение временного барьера, ограничивающего доступ к художественным ценностям за счет быстроты электронного поиска информации. Все вышеназванное высвобождает время и креативную энергию для продления эстетического контакта с произведениями искусства и его последующего анализа. Ускорение процессов адаптации общества к новым компьютерным технологиям становится объективной причиной изменения культурно-коммуникативных контактов в художественной (и музыкальной) культуре.

В музыкальной сфере возникают электронные сетевые коммуни-

кативные каналы, появляются новые формы восприятия музыкальных сообщений, новые каналы и средства их распространения. Степень потребляемости электронной культуры постоянно растет. Бурят-монгольское интернет-радио *bugad. fm*, *ololo. fm*, монгольский развлекательный канал *TV5*, *MN2* и др. вносят свой вклад в виртуальную электронную культуру будущего, одним из признаков которого будет пограничность. Молодежная виртуальная субкультура на основе новых способов коммуникации все настойчивее становится прообразом социокультурной трансграничной реальности.

2.2.3. Особенности межкультурной коммуникации: герменевтический взгляд

История герменевтики уходит своими корнями в античность, далее в классическую филологию и в библейскую экзегетику. В античности филологическая герменевтика занималась толкованием Гомера или Гесиода на более современный язык. В эпоху Возрождения герменевтика понималась как искусство перевода памятников античной культуры на язык культуры современной. Одним из направлений была юридическая герменевтика, которая толковала правовые источники. В эпоху Возрождения герменевтика была известна как практическое искусство перевода литературных произведений с древнего языка на современный язык. В эпоху Просвещения филологическая частнонаучная герменевтика развивается больше как техника толкования языка художественных текстов и применяется к проблемам лингвистики.

Классическая теория герменевтики была заложена немецким философом, филологом-классиком Ф. Шлейермахером, который систематизировал и поднял на новый теоретический уровень существовавшие до него исследования по герменевтике. Шлейермахер впервые синтезировал достижения специальных частных герменевтик и манифестировал необходимость создания философской теории понимания. Шлейермахер ввел в философию само понятие понимания в широком культурологическом и историческом контексте, разработал принципы универсальной герменевтики для осуществления процесса понимания.

Следующим этапом развития герменевтических идей является творчество В. Дильтея. Вклад Дильтея в разработку герменевтических идей оценивается тем, что он впервые выдвинул герменевтику на философский уровень, в сопоставлении с науками о природе,

обосновав в качестве методологии наук о духе, успешно продолжил начатую Шлейермахером систематизацию герменевтики как теории интерпретации текстов, а также расширил область применения герменевтики к любым жизненным проявлениям.

Опираясь на идеи В. Дильтея, Э. Гуссерль на основании феноменологии и творчески разрабатывает понятие историцизма и мысль о понимании духовного бытия в истории. Данное положение позволяет осмысливать автору и его читателю свою включенность в историко-культурную традицию. Гуссерль обосновал интенциональную направленность сознания на предмет понимания, в связи с чем повышается потенциал интерпретатора, который способен конструировать свой воображаемый мир на основе понятого смысла.

Одним из крупнейших событий герменевтики XX в. было опубликование фундаментального труда М. Хайдеггера «Бытие и время» (1927), в котором автор ставит задачу познания того, каким образом бытие и его структуры могут быть выявлены из самого существования (Dasein), а также раскрыть значение времени для понимания бытия и его смысла. Исследование концентрируется на разновидности сущего, которое Хайдеггер обозначает словом «Dasein» — присутствие. Хайдеггер определяет важнейшие характеристики бытия сущего, которым являемся мы сами, и определяет предметом философствования бытие субъекта, подведя под это онтологическую основу. Хайдеггер основал онтологическую школу герменевтики, которая закрепилась в исследованиях его ученика — Г.-Г. Гадамера. Основные идеи Хайдеггера так или иначе связаны с универсальным характером понимания бытия. Методологическое значение для дальнейшего развития герменевтической проблематики имеет вывод о том, что понимание зависит от качества и содержания личного бытия, от степени осмысления традиции и современности, потому что смысл художественной культуры доступен только интерпретатору, обладающему способностью оценить подлинную ценность «свершений бытия».

Концепция философской герменевтики была изложена в труде Г.-Г. Гадамера «Истина и метод». Такие онтологические категории, как пространство и время, в акте коммуникации с герменевтической точки зрения обусловлены историческим, культурным и социальным контекстом. Одним из условий понимания выступает общность основополагающих и несущих предрассудков, которая оказывается заранее предопределенной и устанавливающейся в процессе обще-

ния. Предмнения оказывают известное влияние на суть разговора и способ проявления коммуникативного бытия. Понимание наступает тогда, когда благодаря темпоральности бытия оно начинает говорить за традицию. Вместо проблемы, как произвести понимание, герменевтика изучает то, как оно вообще имеет место в опыте каждого дня. В концепции Гадамера, в частности, понимание ничего не имеет общего с эмпатией, потому что понимание изначально это проблема понимания сообщения, а не людей. Рефлексивное понимание носит онтологический характер только в герменевтическом типе разговора²²⁵.

Под понятием «разговор» в герменевтическом направлении философии коммуникации современности подразумевается:

- вдумчивый разговор как социальный феномен, в котором можно как участвовать, так и наблюдать;
- понимание, поразумевающее согласие, неполную идентичность: быть в разговоре означает быть выше себя, думать вместе с другим;
- суть (предмет) разговора и стремление к согласию;
- усиление проницательности;
- открытая позиция как искусство думать вместе;
- принципиальная незавершенность человеческих знаний как несовершенство человеческой природы.

В перечисленных характеристиках герменевтического разговора упоминается проницательность, которая придает коммуникации интеллектуальную направленность в лучших проявлениях социально-гуманитарного знания в сочетании с аксиологической оценкой происходящего и внутреннего смысла диалога. Диалектической можно назвать категорию незавершенности, поскольку эффект от разговора может распространяться в разных направлениях и на разные временные дистанции. Конструктивная критика и искусство думать вместе носят эвристический характер и учат людей максимально использовать бытийные и познавательные возможности. Герменевтический разговор также имеет цель, но цель другого характера — достичь согласия, о чем Гадамер не случайно говорит по поводу надличностного плана²²⁶.

²²⁵ Болдонова И. С. Герменевтика межличностной коммуникации. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004.

²²⁶ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. — М. : Прогресс, 1988. — 699 с.

В отличие от Гадамера А. Аппадурай рассматривает межкультурное взаимодействие как процесс, где проявляется не согласие, а наоборот различие. В сфере пограничья это различие действует как основа поиска равновесия и консенсуса, при этом встреча представителей разных культурных миров — это встреча во времени «здесь и сейчас». Поскольку глобализация, по Аппадурай, — это представление о плюрализме и свободном движении информации в разные регионы и направления, результат этого процесса может быть разнообразным. В разных странах и регионах глобализация как таковая существует в разных формах, и ее влияние тоже различно²²⁷. Делая акцент на различии, Аппадурай высвечивает противоположную сторону межкультурной коммуникации, т. е. горизонт вопрошания, от которого естественным образом отталкивается любой интернациональный коммуникатор.

Общественную ментальность трансграничья Я. Кеневич называет коллективным сознанием. Цивилизационное пограничье в таком выражении является состоянием сознания Других, представлением о том, что связывает их друг с другом по отношению к Чужим. Здесь формируется их отношение к людям, принадлежащим к другой цивилизации, которые в разных обстоятельствах нашли место в реальном пространстве²²⁸. Личности цивилизационного пограничья представлены как Другие, каждая по отдельности, но связанная осмыслением своей принадлежности к единому сообществу. Например, таким сообществом можно назвать граждан России Байкальского региона по отношению к Чужим гражданам соседних стран Монголии и Китая, но при благоприятных условиях регионализирующейся глобализации возникает необходимость формирования общего трансграничного сознания, где будет только встреча Других, принимающих несхожесть Чужих и воспринимающих их как также Других.

По мнению Л. И. Иванкиной, образ «Другого» оказывает влияние на межличностное взаимодействие представителей разных культур и является пограничным между принятием иного и обособ-

²²⁷ Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy // *Public Culture*. — 1990. — Vol. 2(2). — P. 24.

²²⁸ Кеневич Я. Обстоятельства диалога на пограничье: некоторые размышления // *Debaty IBI AL. : Цивилизационный выбор и пограничье*. — Warszawa, 2011. — Т. IV. — С. 94.

лением своего, вплоть до «чужого»²²⁹. В современном мире действительно многое зависит от способности к эффективной коммуникации, возможности понимания Другого. Глобализирующийся быстрыми темпами мир состоит из огромного количества разных и порой чуждых друг другу локальных сообществ, каждое из которых обладает своими ценностями, этическими нормами, культурными и историческими традициями. Для разумного сосуществования и сбалансированного развития люди должны научиться разговаривать друг с другом и хотеть понимать вложенный в сообщение смысл. Поэтому в межкультурной коммуникации интеграция является лучшим способом гармоничного симметричного общения.

Стоит заметить, что герменевтический подход не делает акцент на противопоставлении себя, другого и чужого. Герменевтические концепции, опираясь на такие категории, как предрассудки, интерпретация, герменевтический круг, предвосхищение совершенства, традиция, языковая среда герменевтического опыта, горизонт вопрошания, историчность герменевтического сознания, диалектика вопроса и ответа формируют методологическую основу для изучения межличностной, межкультурной, междивизиационной коммуникаций в их самых разных проявлениях. Главный эвристический стержень герменевтики, состоящий в универсальности понимания и принципиальной диалоговости герменевтической деятельности, стал главным принципом исследований в области коммуникативистики и других социально-гуманитарных наук.

Полноценная деятельность людей неотъемлемо связана с общением, диалогическая природа нашего бытия является главным характерным признаком и условием нашего существования. В XXI в., говоря о роли социальной коммуникации в широком социокультурном, политическом, экономическом контексте современного общества, необходимо констатировать изменившуюся ситуацию в коммуникативном постсоветском пространстве. Возросла не только роль коммуникации, но и степень ответственности субъектов коммуникативного процесса перед собой и в целом перед социумом.

Коммуникация и общение являются важнейшей частью человеческой жизни и культуры, каждый конкретный акт коммуникации

²²⁹ Иванкина Л. И. Образ «Другого» в межкультурном диалоге // Евразийский фронтир: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе: сб. науч. ст. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — С. 24–27.

может определяться и культурными различиями собеседников. Тот или иной вид культуры порождает свой тип общения и на каждом из трех: коммуникативном, интерактивном и перцептивном — уровне, собеседники отражают особенности своей культурной традиции. Влияние культурных, этнических особенностей на процесс и результаты общения позволило ученым выделить особый вид — межкультурную коммуникацию.

Понятие «межкультурная коммуникация» впервые сформулировано в 1954 г. в работе Г. Трейгера и Э. Холла «Культура и коммуникация. Модель анализа». В дальнейшем в результате многочисленных исследований авторы смогли определить наиболее характерные черты межкультурной коммуникации как вида общения. Безусловно, коммуникация становится межкультурной, если участники являются носителями различных культур и на сам ход общения оказывают влияние культурные различия, включающие специфическую ментальность, вербальные и невербальные коды.

Таким образом, следуя определению Т. Г. Грушевицкой, В. Д. Попкова и А. П. Садохина, межкультурную коммуникацию можно рассматривать как совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам²³⁰.

Существует несколько методологических подходов к изучению межкультурной коммуникации, что основательно доказывает междисциплинарную природу социальной коммуникации. Деятельностный или функциональный подход основан на методологической, теоретической базе культурного релятивизма, основная мысль которого заключается в признании самостоятельности и полноценности каждой культуры. Культура определяет поведение и общение человека, ее влияние на специфику взаимодействия позволяет регулировать процесс, предсказать сложности и указать пути их преодоления.

В процессе коммуникации происходит не просто движение информации между двумя приемно-передающими устройствами, а возникает отношение двух индивидов, каждый из которых, являясь активным субъектом, ориентируется на партнера, то есть исходит не только из своих собственных целей, мотивов, установок, но и

²³⁰ Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. — М., 2003. — С. 142.

анализирует мотивы, цели, установки собеседника, ожидая от него определенной реакции. Поэтому в коммуникации важен не просто обмен информацией, а выработка общего смысла, что возможно только в том случае, если информация не просто принята, но и понята, осмыслена. Поэтому в каждом процессе общения в единстве представлены и деятельность, и общение, и познание.

Коммуникация почти всегда имеет двусторонний характер и у отправителя есть возможность получить информацию о результатах своего сообщения. Источник коммуникации может оценить, обратил ли адресат внимание на его сообщение; понятно ли ему его содержание и принимает ли он его. Самым сложным для источника коммуникации является определение степени принятия его сообщения: адресат не всегда заинтересован в том, чтобы демонстрировать свое действительное отношение к сообщению.

Общепринятое определение деятельности в отечественной философии и психологии не существует, а наиболее общим пониманием деятельности является трактовка как исторически обусловленного способа существования, бытия человека. Деятельность предметна, сознательна и целенаправленна, что позволяет отграничить ее от разнообразных актов поведения. В реальной жизни она выступает в той или иной качественно определенной форме, например, трудовая и познавательная деятельность.

В последние годы возникло немало различных теорий деятельности, которые распределяются по двум основным уровням абстракции. Первая группа — это социальные теории, где деятельность выступает в своем отношении к объекту и к реализуемым в ней общественным отношениям без интерпретации в психологическом плане. Вторая группа — психологические теории деятельности, субъектно ориентированные, направленные на анализ места этой категории в системе общепсихологических понятий, раскрытие психологического смысла — интерпретация с помощью психологических исследований. Главное положение при трактовке деятельности заключается в том, что сам предмет деятельности имеет социальную природу. Коммуникационная (коммуникативная) деятельность — это во многом процесс установления контакта, взаимодействие субъектов, вступивших в контакт, их обмен информацией, наличие мотивов взаимодействия и целенаправленность процесса.

Коммуникационная деятельность определяется как движение смыслов в социальном пространстве. Простейшая общепринятая

схема коммуникации (источник — кодирование — сообщение — декодирование — получатель) соответствует коммуникационной деятельности. Элементарной ее частью является коммуникационное действие. Коммуникационное действие, по мнению А. В. Соколова, — это завершенная операция смыслового взаимодействия, происходящая без смены участников коммуникации. Важным компонентом коммуникативного акта является мотив — цели, намерения²³¹.

Э. Холл разработал теорию проксемики. Коммуникация осуществляется посредством множества каналов, в том числе через проксемику. Каждый народ имеет свой национальный язык и свою модель невербального поведения. Ученый изучает способы организации микропространства, пространства в домах, зданиях, городах и взаимосвязь с коммуникацией. Согласно этой теории способ организации пространства зависит от культуры. В разных культурах организации пространства во взаимодействиях придают разные смыслы. Например, в США взгляд и воздействие на слух очень важны, в арабской культуре важным также является запах, в некоторых культурах больше доверяют тактильному контакту при разговоре. В целом культура определяет способ организации пространства. Проксемика варьируется в зависимости от культуры еще и потому, что самоидентификация в разных культурах также отличается.

Культуральные исследования нацелены на анализ культурных явлений в борьбе идеологий. Центром культуральных исследований является университет Бирмингема в Великобритании. Ученые этого направления привлекают внимание к изменениям в западном обществе. Главная цель этих ученых — анализ взаимосвязи деятельности СМИ и других идеологических институтов, занимающихся проблемами культуры. Практика и идеи появляются вместе в историческом контексте. Идеология и культура тесно взаимосвязаны. Наше общее понимание правил, закономерностей нашей жизни подтверждается разными источниками, наше общее понимание идеологии подтверждается множеством факторов. Процесс подтверждения единой концепции понимания из разных источников называется в культуральных теориях артикуляцией²³².

Интерпретативный подход основан на идеях герменевтики. Сре-

²³¹ Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. — СПб., 2001.

²³² Littlejohn S. W. Theories of Human Communication. — Wadsworth Publishing Company. — 6th edition. — 1999.

ди общепринятых методологических подходов к изучению межкультурной коммуникации герменевтика занимает особое место, поскольку проблема понимания актуальна в социальном бытии во всех его проявлениях. Взаимодействие между представителями разных культур должно быть основано на понимании, на основании которого строится дальнейшая совместная деятельность. Классическая герменевтика Дильтея, Гадамера, Рикера нашла свои способы модификации на американском континенте. Американские ученые называют интерпретацию культуры этнографией. Одним из ведущих представителей этого направления является К. Гитц, который описывает действия и поведение представителей определенных групп. Этнография объясняет специфические явления, характерные только для данной социальной или этнической группы. Этнограф интерпретирует значение культового и обрядового поведения, тщательно изучив культуру, быт, традиции методом наблюдений, бесед, экспериментов.

Подразделяют три вида культурной интерпретации: этнография коммуникаций, этнография действий и организационная культура. В этнографии коммуникации к изучению моделей коммуникации внутри группы применяют этнографические методы. Дж. Филипсен считает, что представители одного и того же сообщества имеют общие понятия и значения и поэтому используют общие коды. Значения и действия могут быть характерными только для определенной группы. Каждая группа вырабатывает свои собственные критерии понимания и оценки.

Культуры вступают в коммуникацию по-разному. Этнографы выделяют, по крайней мере, три проблемы:

- тип самоидентичности данной группы, что отвечает на вопросы, кто они есть, члены данной группы, и какими общими качествами они обладают;

- существование общих понятий о поведении;

- изучение противоречий или парадоксов.

Иначе говоря, культура в значительной степени влияет на способ коммуникации. Этнография перформанса изучает переходное состояние между одним социальным действием или явлением и другим. Эти действия связаны с выполнением ритуалов, обычаев²³³.

²³³ Littlejohn S. W. Theories of Human Communication. — Wadsworth Publishing Company. — 6th edition. — 1999.

Каждый из вышеназванных подходов имеет свои преимущества и недостатки. Функциональный подход опирается на исследования в области социологии, психологии и направлены на выявление когнитивных механизмов процесса познания в коммуникативных актах в то время как интерпретация представляет собой качественный метод и позволяет заглянуть в глубь субъективности. Процесс интерпретации в герменевтике осуществляется в сознании при участии личностного отношения к интерпретируемому. Интерпретативный подход подвергается критике за то, что не принимает во внимание психологические факторы, социальные аспекты, которые тоже влияют на способ восприятия. Герменевтика рассматривается в интерпретативном подходе как метод, который использует интерпретацию в качестве реализации сознательного опыта личности.

В межкультурной коммуникации выделяют макрокультуры и микрокультуры. Типы культур чаще всего по континентальному признаку называют макрокультурами. В их составе находятся микрокультуры или субкультуры. Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков и А. П. Садохин выделяют следующие уровни межкультурной коммуникации на микроуровне:

- межэтническая коммуникация;
- контркультурная коммуникация — между представителями материнской культуры и дочерней субкультуры;
- коммуникация среди социальных классов и групп;
- коммуникация между представителями различных демографических групп;
- коммуникация между городскими и сельскими жителями;
- региональная коммуникация;
- коммуникация в деловой культуре²³⁴.

Межэтнический уровень чаще всего соотносится с межличностной устной коммуникацией и межрелигиозной межличностной коммуникациями. Коммуникативное пространство для данного вида коммуникации включает помимо традиционных элементов (субъектов, сообщения, каналов) факторы материальной и духовной культуры, т. е. обряды, ритуалы, традиции, предметы культуры и искусства, празднества, символику, которые объединяются единым национальным языком.

²³⁴ Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. — М., 2003.

Участники взаимодействия успешно достигают целей общения при условии совместимости их психологических ожиданий, ценностных ориентаций, готовности к паритетному диалогу и конвенциональной договоренности. В основе будущего консенсуса лежит идея взаимного доверия и желания совместных действий.

В. В. Козловский рассматривает межкультурную коммуникацию в трех аспектах:

«1) смысловом — в качестве способа конструирования и конституирования символического поля (смыслов, значений, кодов) взаимодействия акторов (субъектов);

2) функциональном — в качестве структурной модификации социальной коммуникации;

3) институциональном — в качестве особого комплекса конкурирующих между собой норм и правил, с помощью которых регулируются взаимоотношения между агентами коммуникации»²³⁵.

Данные три аспекта позволяют детально анализировать не только движение социальных смыслов в коммуникативном пространстве и деятельность в структурном обозначении, но и подняться на метатеоретический уровень, где действуют понятия высшего обобщающего порядка. Культурные символы и коды, правила поведения определенного этноса можно изучить для совершенствования межнациональных отношений в контексте современного развития общества и создания условий для удовлетворения этнокультурных потребностей народов.

В эпоху глобализации процесс адаптации к другим культурам при обязательном сохранении своей культурной идентичности может проходить по четырем базовым моделям: ассимиляция, интеграция, маргинализация и сепарация. Первые две базовые модели предполагают разумное сотрудничество, реализацию консенсуса, исключают конфликт и непонимание. Практика межкультурной коммуникации в Байкальском регионе преимущественно реализуется на основе ассимиляции и интеграции, охватывает некоторое количество проблемных аспектов, каждый из которых отражает динамику развития экономических, политических, социокультурных, межличностных отношений в регионе.

В поликультурном обществе евразийского фронта жизнедеятельности

²³⁵ Козловский В. В. Социальные коммуникации: новое в науке, образовании, технологиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. — СПб., 2004. — С. 190.

тельность осуществляется на основе межкультурной коммуникации и диалога культур, в основе которого лежит идея толерантности и взаимопонимания. К формам трансграничного взаимодействия можно отнести разнообразные виды деятельности от приграничных обменов, частных визитов, туристических поездок, согласованной эксплуатации природных объектов (как например, с Монголией) до широкого сотрудничества корпораций, организаций и межгосударственных соглашений. В. С. Морозова, в частности, отмечает в целом максимальную интенсивность межкультурного взаимодействия для приграничных районов Восточной Сибири, Забайкалья, Приамурья по российскую сторону границы и административными единицами Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии со стороны КНР. Данные отношения являются весьма массовыми не только по количеству участников, но и по разнообразным формам взаимодействия, в них вовлечено большое количество людей и организаций. Тем самым по формату двусторонних связей российско-китайские отношения вышли за рамки политики и экономики, перешли от межгосударственных к межкультурным²³⁶.

Внутренние механизмы мирного сосуществования во многом кроются в многовековой истории совместной борьбы с суровыми природно-климатическими условиями, решении общих хозяйственно-экономических и бытовых проблем, общей классовой борьбе и строительстве новой жизни в контексте всей страны, особенностях евразийской сибирской ментальности. Социально-экономические условия не разделили народы, исторические катаклизмы только сплотили людей, разум восторжествовал над мракобесием межконфессиональных распрей. Теперь можно констатировать, что расширяется поле интеграции по использованию географического, природного потенциала смежных территорий стран — участников евразийского фронтирного партнерства для развития стратегического партнерства по разным направлениям совместной деятельности. Отсюда следует, что существуют благоприятные объективные и субъективные условия для межэтнической и региональной разновидностей межкультурной коммуникации, что должно всегда быть надежной основой для проведения властями разумной и дальновидной национальной политики.

²³⁶ Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Чита, 2013.

Процессы фронта многообразны, но среди них особенную значимость приобретают межкультурные межличностные отношения. В масштабном коммуникационном пространстве евразийского фронта существует зона производства и обмена информацией, продуцирования и обнаружения смысла, постижения и сохранения культурных ценностей. В. А. Дергачев обращается к концепции рубежной коммуникативности, которая формируется на синтезе философских, культурологических, этнологических, экономических, географических знаний. Он считает, что пространство межкультурной коммуникации и геополитических процессов способно усиленно продуцировать нравственный и технологический прогресс.

«В многомерном коммуникационном пространстве в результате стратификации разномасштабных процессов в природе и обществе образуются рубежи высокой энергетики, — пишет В. А. Дергачев, — и в самом деле, в реальном мире «поля» природных, политических, экономических, социокультурных, конфессиональных и информационных коммуникаций не совпадают в географическом пространстве и, накладываясь друг на друга, образуют маргинальные зоны, обладающие энергетикой интенсивных взаимодействий. При этом следует учитывать, что рубежная коммуникативность имеет не только географическую интерпретацию, но и проходит через эмоциональную сферу — «ландшафты души» человека»²³⁷. В. А. Дергачев справедливо подчеркивает огромный потенциал рубежной коммуникативности как стратегического ресурса, который обладает «энергетикой созидания», потому что через рубежную коммуникативность происходит транслирование духовной традиции.

Поликультурная среда евразийского фронта формировалась веками путем взаимопроникновения и взаимовлияния различных национальных и региональных культур, и личности всегда было сложно выделить или предпочесть ту или иную культуру в качестве духовного ориентира. Историческая обусловленность поликультурной среды предполагает качественно различную взаимосвязь ее элементов в каждую эпоху.

На современном этапе исследования культуры и межкультурного взаимодействия центральной зоной внимания являются ментальные установки индивида и общества. Все важнейшие потенции культуры в своем модифицированном виде выражаются в ментали-

²³⁷ Дергачев В. А. Геополитика. — Киев: ВИРА-Р, 2000. — С. 99.

тете народа, его гуманистическом мировоззрении, традициях, обычаях, нормах, ориентирах. Становлению и развитию национального и индивидуального менталитета способствует все более углубляющийся и расширяющийся диалог культур, их разнообразных форм и уровней. Коммуницируемый на пограничье тип культуры есть некий модус, способствующий не только взаимодействию, но и процессу саморефлексии участников диалога, самопознанию культурой самой себя, своего потенциала в новых условиях трансграничного глобализирующегося пространства.

Основы саморефлексии в герменевтике заложены в анализе действенно-исторического сознания, предполагающего предпосылочность любого мыслительного процесса. Историчность нашего субъективного бытия обосновывается существованием культурно-исторической традиции, куда вовлечен каждый индивид, на которого влияют особенности культурно обусловленных фоновых знаний. Например, для сосуществования больших и малых народов на евразийском пространстве нужен герменевтический анализ традиционных тенгрианских ценностей, когда-то формировавших наиболее фундаментальные евразийские ценности кочевой цивилизации монгольского суперэтноса. Герменевтический тип рефлексии позволяет поднять из глубин исторической памяти эффективные средства воспроизводства бурят-монгольской этничности для поддержки сначала групповой идентичности, а затем конструирования и евразийской региональной идентичности с помощью переосмысления культурных маркеров. Необратимость времени у монголов характеризуется Л. А. Абаевой как сложная система взаимодействия и воздействия множества природных систем друг на друга, что можно использовать в понимании основ этнического мировоззрения, и это нужно для дальнейшего продуцирования основ межкультурного диалога. Интерпретация духовных традиций в новых условиях складывающегося трансграничного бытия является фактором создания евразийской гуманистической культуры глобализирующейся региональной цивилизации. Новая духовная парадигма обосновывает важность культурно-исторической традиции в герменевтическом понимании, включенности каждого индивида в формирующуюся ментальность нового типа.

Интересный материал для герменевтической рефлексии представляют традиции китайского общества. Конфуций создал целый свод правил, т. е. этический кодекс, по которому общество должно

жить. Свою теорию Конфуций основывал как продолжение древних китайских традиций. Ядро традиции составляет «историчность», согласно которой история рассматривается как со-бытие, свершение заданного смысла здесь и теперь, традиции конфуцианства осваиваются в новых условиях, захватывая самих китайцев и всех тех, кто интересуется культурой Китая. Коммуникаторы находятся в едином историческом пространстве, в общем межкультурном контексте взаимодействия и ощущает себя причастным к традиции конфуцианской этики и к производству нового смысла — такой подход способствует осмыслению себя в мире, целостности повторяющегося опыта. В Китае и по сей день сильны традиции, традиции у Конфуция воплощались в понятии «Ли», т. е. своде правил поведения в личной и общественной жизни. Основу концепции Конфуция составили ограничения, запреты и ритуалы. Полностью отсутствует на Востоке столь ценимое западной цивилизацией понятие свободы: гражданин на Востоке не свободен, а обязан, причем обязанностью той он не тяготится, а воспринимает как нечто само собой разумеющееся, соблюдает традиции, ритуалы, систему иерархии в семье и по должности. Сегодня можно снова вспомнить об эвристическом потенциале учения великого Конфуция, пересмотреть и адаптировать этические правила поведения в глобализирующемся пространстве.

Освященные преданием и обычаями традиции китайского народа — основа устойчивости национальной самобытности. Унаследованные от традиции, заранее заложенные в воспринимающее сознание, нормы и критерии формируют так называемое «предпонимание», некую платформу готовых суждений и мыслей, с которыми приходится считаться в ежедневном межкультурном взаимодействии на фронтире. Любой коммуникатор должен принимать во внимание и ту культурно-историческую ситуацию, в которой он сам воспитывался. Российская культура не является абсолютно западной культурой, а также не является абсолютно восточной культурой, отмечают Шэн Хайбо, Э. К. Шохоев и Лу Чуньюэ, она является независимой культурной системой, которая совмещает особенности двух культур. Однако ее способ мышления считает главным логический анализ, проявление некой прямолинейности. А китайская культура и западная культура отличаются в предпочтениях к логике и анализу, в китайской культуре на первом месте находится образный анализ путем непосредственного восприятия, проявление сво-

его рода «кругового» способа мышления²³⁸. Известна такая традиция китайцев как приверженность золотой середине и идее гармонии, восприятие мира в его целостности. В межкультурном диалоге всякий раз встречаются разные традиции как способы бытия культуры и выражают идею преемственности в культурно-историческом развитии трансграничного сообщества.

Существует также мнение о том, что российская ментальность больше связана с духовной традицией, нежели с практицизмом и рациональным отношением к окружающей действительности. Духовная традиция ассоциируется с поиском путей самосовершенствования и высшего смысла человеческого существования, что явилось прерогативой Востока и что именно Россию это и сближает с Востоком²³⁹. Вступая в межкультурные коммуникативные акты, коммуникаторы всякий раз слышат голос предания народной русской культуры, пульсирующей жизни, действенной истории сознания, в результате чего традиция начинает говорить в диалоге Востока и России.

Вследствие трансформации трансграничного сообщества под воздействием глобализационных процессов возникает вопрос о способности традиции изменяться в своем качестве и способах функционирования. Так, Н. С.-Д. Байдаева подчеркивает инновационную функцию традиции, т. е. перестройку традиционных способов рационального освоения действительности, изменения в общественном сознании и создание новых ценностей²⁴⁰.

Традиция соединяет прошлое, настоящее и существует в современной форме. Поэтому так важно учитывать условия понимания, в том числе предрассудки как отголоски предания, продуктивное и непродуктивное их качество, дифференцировать и отбирать только те, которые влияют на ход дальнейших сообщений. В герменевтически ориентированной межкультурной коммуникации необходимо производить анализ негативных предрассудков для возмож-

²³⁸ Шэн Хайбо, Шохоев Э. К., Лу Чуньюэ. Социокультурные факторы в российско-китайской торгово-экономической деятельности // Евразийский фронтир. — 2012. — С. 162–166.

²³⁹ Чагдурова Э. Д. Динамика одиночества России в контексте художественной культуры // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — Вып. 6. — С. 232–237.

²⁴⁰ Байдаева Н. С.-Д. Место и роль традиций в системе социальной регуляции // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. тр.: в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — Ч. 1. — С. 211–214.

ности выйти за пределы шаблонов, использовать преимущество герменевтической рефлексии, нацеленной на осмысление своего мыслительного процесса. Герменевтическое сознание вскрывает предпосылочность любого мыслительного процесса, в том числе и предрассудочность рефлексии на пути к достижению понимания.

Созвучны вышесказанному и мысли О. Бреской, которая обыгрывает социальный аспект пограничья, характеризуя его ментальные конструкты и механизмы как социальные фреймы. Возможность выстраивания субъектом собственного фрейма, значимого для социального пространства, становится индикатором реализации субъектоспособности. Социальный фрейм является схемой интерпретации, фоновым пониманием событий, в котором участвует воля, целесообразность и разумность, живая деятельность субъекта²⁴¹. Так называемые социальные фреймы индивида и составляют основу предрассудков в герменевтическом понимании предпосылочности ментального процесса.

Особенности трансграничности России, Монголии и Китая проявляются в миграционных процессах. Активность мигрантов является формой межкультурной коммуникации фронта. Т. С. Бреславская, изучая межгосударственную миграцию на примере России и Монголии, отмечает факторы, привлекающие внимание российских туристов к Монголии: «Во-первых, это широко разрекламированный бренд Чингисхана и чингизидов (в Улан-Баторе большой популярностью пользуются респектабельные торговые центры, караоке-бары, фитнес-клубы, салоны красоты, названные в честь Чингисхана, его приближенных и потомков, а также различная товарная продукция с одноименным брендом). Во-вторых, многих привлекают изделия из кожи, кашемира, меха или вообще недорогой шопинг (по меркам россиян и туристов из других стран). Большой популярностью в Монголии у туристов пользуются специализированная охота, «праздники кумыса», фестивали молочной кухни, «монгольское родео» и так далее»²⁴². Позитивные предрассудки формируют открытую позицию — так складывается искусство ду-

²⁴¹ Бреская О. Введение в пограничную теорию // Перекрестки. — 2007. — № 1–2. — С. 156–175.

²⁴² Бреславская Т. С. Основные условия формирования межгосударственных миграционных процессов (на примере России и Монголии) // Вестник БГУ. — Вып. 6а. Философия. Социология. Политология. Культурология. — 2009. — С. 185–189.

мать вместе. Повседневные практики межкультурного взаимодействия способствуют усилению проницательности по отношению к своим соседям, умению в индивидуальном и личном увидеть общее и универсальное, способное объединять людей на пограничьи.

Процесс адаптации трудовых мигрантов к среде проживания и трудовой деятельности представляет большие сложности, поскольку во многом связаны с неумением и нежеланием преодолевать стереотипы мышления, говоря герменевтическими категориями, непродуктивные предрассудки. Стратегии адаптивного поведения иностранных трудящихся обусловлены различными факторами, а также личными ресурсами. Модели адаптации также зависят, по мнению З. А. Даниловой, от страны выхода, времени проживания в обществе-резиденте, сферы и рода деятельности. В частности, мигранты из Китая продолжают дистанцироваться от местного сообщества, потому что они испытывают трудности в общении из-за языкового барьера и разницы социокультурного развития²⁴³.

Герменевтический анализ дает возможность разрабатывать новые и совершенствовать старые методы интерпретации в русле выявления механизмов зависимости сознания мигрантов от определенной сферы значений и исторического наследия. Если подойти к изучению исторической традиции, особенностей индивидуального бытия в процессе межкультурного обмена, то можно прогнозировать нежелательные последствия предвзятых отношений к иностранным рабочим и выработать пути достижения понимания. В результате исследования З. А. Данилова приходит к выводу о том, что в Байкальском регионе половина респондентов к присутствию иностранных граждан относится нейтрально. Но в Бурятии несколько выше число людей, доброжелательно относящихся к мигрантам и выше уровень толерантности. В целом они позитивно оценивают вклад трудовых мигрантов в экономику региона, в отличие от центральных регионов России большинство населения Республики Бурятия считает, что мигранты могут работать при условии наличия соответствующего уровня квалификации²⁴⁴.

²⁴³ Данилова З. А. Формы и стратегии адаптации трудовых иммигрантов в Байкальском регионе // Вестник Бурятского госуниверситета. — 2012. — Вып. 6. — С. 122–125.

²⁴⁴ Данилова З. А. Социум: восприятие «другого» // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. тр.: в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — Ч. 1. — С. 228–230.

Особенно актуален вопрос эффективного взаимодействия в пограничном субъекте. В Забайкальском крае миграция трудовых ресурсов из Китая в период с 2001 по 2013 г. составила более 20 тыс. граждан. Китайские мигранты в основном заняты в строительстве, торговле, бизнесе, сельском хозяйстве. Выезд российских граждан в Китай обусловлен челночным бизнесом, туризмом и шоп-турами. В последнее время возросло число выехавших российских граждан пенсионного возраста и молодого поколения для обучения в вузах. Е. П. Албитова и Ю. Э. Чемезова утверждают, что с приграничных территорий Забайкальского края и Амурской области в Китай уезжает на ПМЖ 30-40 тыс. чел. в год²⁴⁵.

Особенность анализа социальных практик межкультурной коммуникации с точки зрения герменевтической модели позволяет сместить акцент с психологических стереотипов в мышлении на изучение предпосылок формирования смыслов, заложенных в историческом бытии человека. В Байкальском регионе складываются благоприятные условия для межкультурной коммуникации. Наши предрассудки обусловлены историчностью нашего бытия. Опыт постижения «чуждого» мира включен в исторический опыт личности, и местное население благодаря исторически сложившимся традициям толерантности учится преодолевать негативные предмнения по отношению к мигрантам. Многомерное полифункциональное пространство фронта наполнено разнообразными отношениями, что продуцирует новые идеи, смыслы, синтез которых позволяет жителям братских народов сообща решать насущные проблемы и повседневного бытия и вопросы перспективного порядка.

Так, монгольские народы имеют особую точку отсчета своей ориентации в межкультурных контактах — это особая интерпретация времени. Чтобы не забылось время прошлое, его нужно зафиксировать посредством уникальных культурных феноменов. Л. А. Абаева подчеркивает характерную черту этнической культуры монгольских народов в идентификации локуса времени в абсолютно целостном его восприятии как некой качественной категории и вос-

²⁴⁵ Албитова Е. П., Чемезова Ю. Э. Международное разделение труда на примере России и Китая // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. — С. 114–116.

приятии как постоянно повторяющегося циклического процесса²⁴⁶.

Данная традиция оказывает существенное влияние на способы коммуницируемости представителей монгольских народов. В смысловое ожидание необходимо включать это специфическое восприятие времени, инаковость монгольского собеседника, тогда, вероятно, сам потомок кочевника станет осознавать собственную предвзятость и подойдет к своему горизонту ожидания с других позиций. Быть способным соотносить свое предположение с предрассудками другого в совокупности открывает горизонт вопрошания, т. е. исходную позицию для вдумчивого герменевтического разговора.

Способности сосуществования с представителями другой культуры ярко проявляются в межнациональных семьях. Горизонт ожидания здесь носит амбивалентный характер и соотносится с двумя культурами, поэтому именно в многонациональных семьях линия горизонта особенно подвижна и отражает открытость навстречу другому сознанию. Позиция отдельного члена семьи согласно условиям совместного проживания склонна перемещаться в сторону общей точки зрения и сливаться с таковой других членов этой семьи. Дети в таких семьях воплощают собой пограничный тип личности, носителя социальных норм, традиций и ценностей двух этносов. Именно в межнациональной семье формируются первичные условия межкультурной коммуникации, закладываются основы культуры толерантности. В проведенном Т. Л. Трифоновой опросе всего 5,1% респондентов назвали основной причиной разводов в межнациональных семьях этнические конфликты, а 77,6% ответили, что причины могут быть разные²⁴⁷. Таким образом, представители межнациональных семей испытывают позитивный настрой на проявление культур других этносов, что способствует сохранению семей и гармоничной атмосферы во взаимоотношениях супругов. Герменевтическое слияние горизонтов в межнациональных семьях является примером житейской мудрости, отражением богатейшего багажа знаний выживания в трудных природно-климатических условиях и нахождения консенсуса как реализация герменевтического

²⁴⁶ Абаева Л. Л. Традиционное мировоззрение монгольских народов в локусе пространства и времени // Вестник Бурятского госуниверситета. — 2011. — Вып. 14а. — С. 244–249.

²⁴⁷ Трифонова Т. Л. Проявление культуры толерантности в межнациональной семье // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сб. науч. тр.: в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. — Ч. 2. — С. 122–124.

опыта в многонациональном обществе.

Размывание границ в обществе происходит благодаря участвовавшей практике смешанных браков с представителями соседних стран, отмечает В. С. Морозова. В 2008 г. в Забайкальском крае было зарегистрировано около 650 семейных пар, при этом одним из супругов являлся гражданин КНР²⁴⁸. Это подтверждает достаточно стремительное формирование тесных взаимосвязей между двумя государствами, что можно признать как явные признаки процесса культурной регионализации в международном аспекте, проявляющиеся не только в активизации межкультурного взаимодействия на разных уровнях, но и в определенной формализации самого межкультурного пространства.

Образовательная трансграничная мобильность — еще одна благодатная и перспективная форма межкультурной пограничной коммуникации на фронтире. Создание филиалов учебных заведений, внедрение образовательных программ являются проводниками культурно-исторических традиций, акторами трансграничной социокультурной политики. Принципы межкультурной коммуникации играют ведущую роль в совершенствовании национальной системы образования, поскольку многонациональный и поликультурный регион имеет пестрое по составу население и находится на перекрестке путей между Западом и Востоком. Образование с ориентацией на гуманистическую парадигму в таком многонациональном и многоконфессиональном регионе, как территория у Байкала, должно учитывать реалии межкультурной коммуникации и формирование толерантного отношения к представителям других наций.

На основе идеологии межкультурной коммуникации Министерством образования и науки Республики Бурятия была разработана республиканская программа «Формирование установок толерантного сознания» (2002–2005). Программой было предусмотрено решение таких задач, как реализация комплекса эффективных мер по формированию толерантного поведения, противодействие экстремизму, снижение социально-психологической напряженности. В рамках этой программы были разработаны и внедрены в систему образования Республики Бурятия программы и учебные материалы, направленные на воспитание подрастающего поколения в духе ми-

²⁴⁸ Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Чита, 2013.

ролюбия, веротерпимости и толерантности. Эти меры были направлены, в конечном счете, на повышение эффективности межэтнического и межкультурного диалога и воспитание гражданственности и патриотизма среди населения Бурятии.

С каждым годом увеличивается количество иностранных студентов, выбравших образовательными учреждениями вузы Республики Бурятия. По данным 2013-2014 гг., количество обучающихся из Китая, Монголии, Кореи и других стран уже достигает более тысячи человек. Растет число абитуриентов из Республики Бурятия, выехавших в вузы соседних стран, особенной популярностью пользуются университеты Китая. Пребывание в другой стране ставит перед студентом необходимость не только изучения языка и культурных ее особенностей, но и почти полного погружения в культуру этого общества. Процесс инкультурации в таком случае становится главным условием успешной учебы и получения профессиональных знаний.

Область образования ставит целью воспитание полноценной личности с богатым духовным миром, широким мировоззрением, обладающей высоким уровнем профессиональной компетенции. Студент евразийского фронта — это не только коммуникативная личность, участник межкультурного взаимодействия, это еще и живущая в двух мирах личность и поэтому обладающая широким горизонтом мировосприятия. Студент как актер межкультурной трансграничной коммуникации должен стать герменевтическим коммуникатором, имеющим сильную мотивацию глубоко понять своего собеседника. В герменевтике Гадамера не выделяется определенная личность, выступающая от своего личностного индивидуального начала. Гадамер говорит о надличностном слиянии горизонтов, в речевой коммуникации формируется и функционирует определенная коммуникативная общность, носитель специфического межличностного, а точнее интегративно-межличностного субъекта коммуникации, не сводимого ни к субъекту отправителя, ни к субъекту адресата, ни к простой сумме субъектов отправителя и адресата сообщения. Именно к этой специфической области коммуникативной субъективности относится и сопряженный личностный смысл, замещаемый и моделируемый сообщением.

В задачи преподавателей русского языка как иностранного входит содействие зарубежным обучающимся приспособиться к новой действительности, новой социальной культуре. Трудности понима-

ния часто вызваны стереотипами мышления, неумением вслушаться в иноязычную культурную традицию.

«В вузах Республики Бурятия, обучающих русскому языку как иностранному, китайская учебная аудитория является самой многочисленной. Это связано прежде всего с близостью территории приграничной зоны России и Китая. Также имеет место суждение, что принадлежность к Азиатскому региону, удаленность от политизированной западной части России служат некоторым гарантом сохранения дружественных отношений между разными народами, терпимости и толерантности. В целом хорошая (в сравнении с КНР) экологическая обстановка, близость уникального природного водоема — оз. Байкал — также можно считать одной из причин, по которым китайские студенты охотно приезжают учиться в Сибирь»²⁴⁹. Одной из основных проблем в обучении китайских студентов русскому языку и формировании вторичной языковой личности, считает А. А. Лазарева, является это разносистемность русского и китайского языков. Представители русского этноса с доминирующим левым полушарием опираются на логико-знаковое, семантическое мышление. Народы, имеющие иероглифическую письменность с доминированием правого полушария, склонны к образному мышлению и поэтому А. А. Лазарева отмечает необходимость формирования соответствующего языкового сознания²⁵⁰. Языковое фронтальное сознание нацелено на межкультурный диалог с конечным результатом — приобретение герменевтического опыта. Выбор той или другой точки зрения, принятие в качестве основной той или иной коммуникативной стратегии — дело конкретной речевой ситуации в зависимости от целей, мотива, настроения и ожидаемого результата. В основе такого общения лежит какой-либо мотив, который необходимо сообщить объекту коммуникации при помощи речевых стратегий и тактик, то есть сознательно или неосознанно построить коммуникативный акт для достижения наилучшего, эффективного результата. Из основных постулатов герменевтики межличностного общения следует, что мотивационный параметр коммуникативной личности также зависит от коммуникативной компетентности, но мотивами являются желание не только узнать информацию, но и устанавливать доверительные межлично-

²⁴⁹ Лазарева А. А. Некоторые особенности обучения русскому языку учащихся из КНР // Евразийский фронт. — 2012. — С. 230–234.

²⁵⁰ Там же.

стные отношения.

Онтологический статус языка в герменевтике расширяет горизонты герменевтического опыта. Функциональный параметр выявляется в умении растворить слова в общей стихии разговора и осознании со-бытия с собеседником. Коммуникативная личность, обладающая герменевтическим видением, способна постичь глубину языковых выражений и поэтому функционально находится на высоком уровне владения коммуникативными навыками.

Среди герменевтических категорий особое место занимает классическая матрица герменевтического круга как символ незавершенности человеческих знаний, цикличности процесса понимания. Основным способом получения знаний в герменевтическом методе является герменевтический круг. Изучая двенадцатилетний цикл календарного летоисчисления у монгольских народов, напоминающий малый круг внутри большого — шестидесятилетнего большого круга, приходим к выводу о том, что наше понимание ведет нас к глубинным смыслам кругового движения циклов. В философии М. Хайдеггера идея круга приобретает онтологический характер, и круговая природа интерпретации предопределена самой структурой человеческого существования²⁵¹. Следовательно, можно прийти к мысли о том, что каждый год лунного календаря как часть спирали является этапом герменевтического понимания взаимообусловленности природы и человека. Летоисчисление по восточному календарю движется по кругу непрерывности духовного опыта человечества, и через этот герменевтический круг реализуется циклический принцип мировосприятия представителей кочевой цивилизации.

Круговое движение от частей к целому и обратно к частям на другом уровне интерпретации и обобщения применим к объяснению разных феноменов. Герменевтический круг представляет собой диалектическое единство частей и целого, общественного и индивидуального. Диалогическое единство сложного образования общественного аспекта и личностного уровня самосознания А. Б. Ринчина называет метисированной духовностью: «Онтологическая составляющая понятия «метисированная духовность» характеризует внутренний мир индивида (как его сознание, так и подсознательную составляющую), который приоткрывает в себе — во внутрилично-

²⁵¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — Изд. 2, испр. — СПб.: Наука, 2002. — 450 с.

стном диалоге — архетипический пласт духовности, представленный памятью, и современно (сиюминутно) воспроизводимый срез духовности, определяющий его (индивида) нынешний духовный тезаурус»²⁵². Разнообразие и многозвучие полноценных духовностей иллюстрируются А. Б. Ринчиновой на примере Прибайкалья, где в межкультурной коммуникации встречаются общинно обусловленное русское сознание и бурятское мифосознание. Духовная архаика русского и бурятского народов способствует сохранению национальной самобытности, в современных условиях медленно трансформируется в субэтнос на основании метисированной духовности. Автор отмечает объективную необходимость социоинтегрирующих тенденций в условиях мировой глобализации, что показано на примере формирующейся восточносибирской метисированная духовности прибайкальского этноса²⁵³. Как видно из исследований А. Б. Ринчиновой, в Иркутской области складывается «открытая динаморавновесная «модель» человеческого общежития, и это может быть интерпретировано как целое в герменевтическом круге. Диалектика устойчивого (духовность коллективная) и изменчивого (духовность индивида) в сочетании с направлением движения в герменевтическом круге выводит на новое качество духовности, при этом межличностная и личностная духовность как проявление социального и индивидуального ассоциируется с частями этого круга.

В герменевтическом круге находятся территории субъектов Российской Федерации, каждая по отдельности в своей относительной автономии — они ассоциируются с частями единого целого. В то же время, образуя такой географический, социокультурный, экономический ареал, как Байкальский регион, ареал северо-восточных провинций Китая, или северо-западную часть Монголии, территории евразийского фронта формируют единое трансграничное пространство как целое, где движение по герменевтическому кругу отражает многовековую историю их взаимоотношений. Отсюда следует вывод о том, что проблема отношений восточного, западного и российского миров выходит из собственно культурной в коммуникативную плоскость и далее в междивизиационное взаимодействие.

²⁵² Ринчинова А. Б. Онтологическая составляющая в содержании понятия «метисированная духовность»: социальный компонент структуры // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — Вып. 14. — С. 89.

²⁵³ Там же. — С. 88–92.

Еще одной проблемой межкультурной коммуникации в поликультурном сообществе фронта является язык. Традиционно язык трактуют как средство коммуникации, закрепляя за ним чисто инструментальную функцию. Гадамер же называет язык горизонтом герменевтической онтологии и способом мировидения. Весь процесс понимания осуществляется посредством языка, который в герменевтике Гадамера является именно той средой, где находят стороны взаимопонимание и осуществляют разговор.

Придавая языку онтологический статус, Гадамер расширяет горизонт герменевтического опыта за счет его языкового характера²⁵⁴. В качестве языка-посредника в России выступает русский язык, средство общения мажоритарного народа. В Байкальском регионе существует одностороннее (бурятско-русское) двуязычие при доминирующей роли русского языка. В контексте евразийского фронта в ситуации билингвизма особую роль играет этноконсолидирующая функция языка как непосредственный результат работы коллективного сознания, о которой применительно к Прибайкалью пишет О. Б. Истомина. В процессе коммуникации раскрывается иноязычная картина мира, поскольку в каждой культурной традиции существуют национальные стереотипы коммуникативного поведения²⁵⁵. Этноконсолидирующая функция языка, отталкиваясь от этнокультурации, содействует формированию общих смыслов пограничья, прообразов будущей матрицы глобальных значений и понятий.

В глобализирующемся пространстве открываются новые возможности и для деловых, научных, туристических поездок в зарубежные страны. Особенно это коснулось приграничных стран — Китая и Монголии, что резко повысило потребность в знании китайского и монгольского языков. Вузы Бурятии отреагировали на эту потребность, открыв специальности «Регионоведение», «Английский и китайский языки», «Бурятский и монгольский языки». Сегодня китайский и монгольский языки входят в программы обучения как обязательный предмет экономических и других специальностей.

Западные языки и в советский период нашей истории всегда были обязательным учебным предметом. Один из иностранных языков — английский, или немецкий, французский — изучали все школь-

²⁵⁴ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — 699 с.

²⁵⁵ Истомина О. Билингвизм: социальный аспект // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — Вып. 14а. — С. 69–74.

ники Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. В последние два десятка лет особенно вырос спрос на знание английского языка. Причиной тому послужили новые коммуникационные технологии, возможности учебы за границей. Следует отметить, что около 70% бурятской молодежи продолжает изучение английского языка в высших учебных заведениях г. Улан-Удэ. В Бурятском государственном университете и Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления готовят профессионалов в области преподавания западноевропейских и восточных языков, выпускают переводчиков и референтов со знанием языков.

Язык как основа межкультурной коммуникации в герменевтическом ключе дает толчок к новым свершениям при условии, если коммуникатор способен раскрыть в языке неизведанные глубины. Хорошее знание иностранных языков и основ межкультурной коммуникации способствует повышению социальной мобильности молодежи трансграничья, ее адаптации к условиям глобализации. Язык как способ бытия предания раскрывает им потайные ходы для внимательного слушания действенно-исторического сознания. Смысл каждого акта общения помогает понять жизнь, оценить онтологическую способность думать, ощущать мир вокруг себя и превращать это мироощущение в герменевтический опыт межкультурной коммуникации, результаты которой должны вести к пониманию и консенсусу, а также к формированию новых понятий и ценностей трансграничного глобализирующего бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в исследовании анализ возможностей трансграничья показывает, что в современном обществе усилились межкультурные и межкультурные взаимодействия. Наиболее отчетливо это можно обнаружить на трансграничной территории между цивилизациями, примером может служить евразийский фронт, частью которого является Байкальский регион, Монголия и северо-восточные провинции Китая. В работе представлена философская рефлексия над исследованиями последних лет в области социально-гуманитарных наук Байкальского региона. Опыт формирования и развития Байкальского межкультурного сообщества как модели взаимодействия Запада и Востока, Европы и Азии эффективен и заслуживает детального исследования, как представляющий собой тип толерантного бытия.

Сравнительный анализ западного и восточного типов трансграничья дал возможность выявить специфические характеристики межкультурного диалога российских коммуникаторов, потомков кочевников, представителей земледельческой рисовой культуры.

Автор выбрал в качестве предмета анализа наиболее репрезентативные аспекты проявления межкультурного взаимодействия на евразийском фронте. И поэтому, неслучайно, вторая глава сосредоточена на формировании особого вида идентичности. К наиболее актуальным проблемам автор относит проблему образования как наиболее интенсивную форму обмена информацией между культурами и странами. Параграф заканчивается перспективным взглядом в будущее, которое должно быть связано с устойчивым развитием общества. Байкальский регион в силу своего уникального географического положения сосредоточивает наиболее злободневные вопросы, связанные с решением экологических проблем и устойчивым развитием. Именно на евразийском фронте этот вызов современной эпохи становится как нигде актуальным и животрепещущим.

Вторая часть второй главы является результатом анализа социальных коммуникаций в разных проявлениях и в разных контекстах. Информационное общество становится не просто явью, а формой репрезентации фронтального менталитета, и это показано на примерах анализа массовой коммуникации и СМИ. Автор рассмат-

ривает культуру и искусство через призму коммуникации с воспринимающим сознанием для того, чтобы подчеркнуть возможности художественной литературы или театра в проявлении фронтального социального бытия. Книга должна была закончиться герменевтическим взглядом на межкультурное взаимодействие как высшую форму достижения консенсуса между разными людьми и государствами. Будущее покажет, насколько евразийское трансграничье (фронтир) будет жизнеспособным образованием и в дальнейшем. А это зависит от желания и способности услышать «Другого», а также принять его со всеми преимуществами и недостатками, исторически сложившимися культурными традициями и социальным опытом, что всегда будет кладом мудрости в контексте глобализирующейся эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Inkeles A. One World Emerging?: Convergence and Divergence in Industrial Societies. Boulder : Westview Press, A Division of Harper Collins Inc., 1998.
2. Абаев В. Н. Региональная приграничная безопасность России, евразийская цивилизация и этноконфессиональная идентичность бурят / В. Н. Абаев // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин: материалы межвузовского научно-методического семинара. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. — Вып. 1. — С. 15–16.
3. Абаева Л. Л. Этнокультурная идентификация и самосознание этносов в условиях модернизационных и глобализационных процессов (на примере монгольских народов) / Л. Л. Абаева // Человек, культура, общество в изменяющемся мире: сб. науч. трудов: в 2 ч. / науч. ред. Д. Ш. Цырендоржиева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — Ч. 1. — С. 23–25.
4. Агранат Ю. В. Формирование поликультурной личности будущих специалистов социальной сферы при обучении иностранному языку в вузе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ю. В. Агранат. — Хабаровск, 2009.
5. Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурная практика / Д. Д. Амоголонова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. — С. 96.
6. Антохонова И. В. Потенциал Байкальского региона в ментальном евразийском пространстве / И. В. Антохонова // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы международной научно-практической конференции. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. — С. 82–86.
7. Антохонова И. В. Потенциал Байкальского региона в ментальном евразийском пространстве / И. В. Антохонова // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве : материалы международной научно-практической конференции. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. — С. 82–86.
8. Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансазиатском контексте (XX–XXI вв.): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / И. А. Арзуманов. — М., 2008.
9. Балданов С. Ж. Бурятская литература в условиях современных социокультурных процессов / С. Ж. Балданов // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста : материалы межрегиональной научной конференции (Улан-Удэ, 27–28 ноября 2006 г.). — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — Ч. 1. — С. 4–8.
10. Балданов С. Ж. Литература народов Сибири: этнотрадиции, фольклорно-этнографический контекст / С. Ж. Балданов, Б. Б. Бадмаев, Г. Ц.-Д. Буянтуева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008.
11. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза / под ред. В. П. Гутника,

А. П. Клемешева. — Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. — 392 с.

12. Балханов В. А. Образовательная экзистенциальность «Homo Sapiens» / В. А. Балханов, Л. И. Иванкина // Вестник БГУ. — 2009. — Вып. 6а. Философия. Социология. Политология. Культурология. — С. 96–100.

13. Балханов И. Г. Этническая идентичность бурят // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сборник научных трудов : в 2 ч. / И. Г. Балханов. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — Ч. 1. — С. 61–63.

14. Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / О. Б. Бальчиндоржиева. — Улан-Удэ, 2015.

15. Баранова О. Ю. Идеи американской школы «пограничья» в применении к литературе Сибири / О. Ю. Баранова // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста : материалы межрегиональной научной конференции (Улан-Удэ, 27–28 ноября 2006 г.). — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — Ч. 1. — С. 38–45.

16. Батнасангийн Сухээ. Проблемы становления театра европейского типа в Монголии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Батнасангийн Сухээ. — Москва, 2009.

17. Белошапко А. В. Социокультурная концепция русского евразийства: зарождение и эволюция доктрины: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. В. Белошапко. — Москва, 2005.

18. Бляхер Л. Е. Трансграничное сотрудничество: экономические выгоды и политические проблемы, или интеграция несистемных сетей «Желтороссии» / Л. Е. Бляхер // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона. — Владивосток : Дальнаука, 2010. —

19. Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2005. — № 3–4. — С. 127–137.

20. Бодиева Н. Ф. Формирование культуры межконфессионального общения в условиях поликультурного пространства / Н. Ф. Бодиева // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сборник научных трудов : в 2 ч. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — Ч. 2. — С. 101–105.

21. Болдонова И. С. Герменевтика межличностной коммуникации / И. С. Болдонова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004.

22. Болдонова И. С. Брендинг как проявление региональной идентичности (на примере Республики Бурятия) / И. С. Болдонова, Е. Горбатовых // Социальные и этнические процессы в развитии общества : сборник научных трудов : в 2 ч. / науч. ред. Д. Ш. Цырендоржиева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. — Ч. 1. — С. 157–160.

23. Болдохонов С. Н. Этническая идентичность и толерантность реэмигрантов (на примере шэнэхэнских бурят) / С. Н. Болдохонов // Человек, культура и общество в изменяющемся мире : сборник научных трудов : в 2 ч. — Улан-

Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — Ч. 1. — С. 140–143.

24. Большой англо-русский словарь: в 2 т. / под общ. рук. И. Р. Гальперина, Э. М. Медниковой. — Изд. 4. — Москва: Рус. яз., 1987. — Т. 1. — С. 649.

25. Бондаренко В. М. Теоретические новации в обеспечении устойчивого диалога между цивилизациями / В. М. Бондаренко // Глобализация и столкновение идентичностей. — Москва, 2003. — С. 265–269.

26. Борзенкова Е. С. Специфика интернет-СМИ Бурятии на примере портала infrol.ru / Е. С. Борзенкова // Медиапространство Бурятии: работы исследователей по журналистике. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. — С. 91–95.

27. Бороноев А. О. Концепт пограничья как методология исследования социокультурных процессов / А. О. Бороноев // Вестник БНЦ СО РАН. — 2011. — № 4. — С. 119–123.

28. Бороноев П. Г. Ценностные ориентации современного студенчества Монголии / П. Г. Бороноев, О. Самбудорж // Интеллигенция в изменяющемся мире: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — С. 276–280.

29. Бреская О. Введение в пограничную теорию / О. Бреская // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2007. — № 1–2.

30. Будаева Д. Ц. Истоки поликонфессиональности и религиозного поведения населения, находящегося в условиях историко-культурного пограничья (на материалах Республики Бурятия) / Д. Ц. Будаева // Debaty Ibi Al: Цивилизационный выбор и пограничье / под ред. Я. Кеневич. — Warszawa, 2011. — Т. IV. — С. 272–287.

31. Будаева Д. Ц. Межнациональная и межконфессиональная толерантность народов Бурятии: проблемы формирования и развития / Д. Ц. Будаева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — 268 с.

32. Булгутова И. В. Жанровые традиции Запада и Востока в бурятской поэзии XX века / И. В. Булгутова // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы международной научно-практической конференции. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. — С. 160–162.

33. Бхабха Х. Местонахождение культуры / Х. Бхабха // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2005. — № 3–4. — С. 161–192.

34. Ван Фэй. Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Ван Фэй. — Москва, 2008.

35. Варнавский П. Конструирование социокультурных границ в дискурсе бурятской этничности (начало XXI в.) / П. Варнавский // Debaty Artes Liberales: Пограничье культур — культуры пограничья. — Warszawa, 2012. — Т. VI. — С. 244–267.

36. Василенко И. А. Политическая глобалистика / И. А. Василенко. — Москва: Логос, 2000. — 360 с.

37. Винокурова У. А. Евро-Азия: дефис как лимитроф цивилизационных

процессов / У. А. Винокурова // *Debay Artes Liberales*. — Т. 7. Пограничье Евро-Азии. — 2013.

38. Винокурова У. А. Цивилизация как территориальное и воображаемое пограничье / У. А. Винокурова // *Debay Artes Liberales*. — Т. 6. Пограничье культур — культуры пограничья. — Варшава, 2012. — С. 34–49.

39. Волков Ю. Г. Многомерный мир современного человека / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. — Москва : Прогресс, 1998. — С. 36.

40. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991. — С. 304.

41. Гадамер Г. -Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер. — Москва : Прогресс, 1988. — 699 с.

42. Гармаева С. И. Евразийская модель как социокультурный ресурс / С. И. Гармаева // *Евразийский фронт: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе*. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — С. 173–175.

43. Гармаева С. И. Методология национального художественного мышления в контексте современных социокультурных процессов / С. И. Гармаева // *Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста : материалы межрегиональной научной конференции (Улан-Удэ, 27–28 ноября 2006 г.)*. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — Ч. 1. — С. 9–14.

44. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо — Психо — Логос / Г. Д. Гачев. — Москва, 1995.

45. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. — Москва : Академ. Проект, 2005. — Изд. 2. — С. 22.

46. Голубев Е. А. Сибирская идентичность и забайкальская самобытность / Е. А. Голубев // *Сб. науч. трудов. Серия. Общественные науки*. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2006. — Вып. 10. — С. 89–92.

47. Гомбоев Б. Ц. Байкальский регион: система достопримечательных мест в рамках реестра объектов культурного наследия / Б. Ц. Гомбоев // *Экологическая этика и образование для устойчивого развития*. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2006. — С. 159.

48. Гомбоева М. И. Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья / М. И. Гомбоева // *Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья : материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия — Китай — Монголия» (18–20 октября 2006 г.)* / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. — Чита, 2006. — С. 41–46.

49. Горяев А. Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / А. Т. Горяев. — Волгоград, 2003.

50. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев; предисл. С. Б. Лаврова. — Москва : Экспресс, 1993. — 576 с.

51. Гылыкова Э. В. Факторы развития межнациональных отношений в условиях мультикультурной среды / Э. В. Гылыкова // *Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации : сборник научных трудов* : в 2 ч. — Ч. 1. — С. 117–127.

52. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский; сост. и ком. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.

53. Дашибалова И. Н. Блоги бурятской интернет-среды как возможность продвижения бренда региона / И. Н. Дашибалова // Актуальные проблемы социально-экономического развития Российской Федерации: бренд региона : материалы всероссийской научно-практической конференции. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2008. — С. 163–170.

54. Дмитриева С. И. Лимология: учебное пособие / С. И. Дмитриева; Воронежский государственный университет. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. — С. 5.

55. Доржигушаева О. В. Экологическая этика буддизма : учебное пособие / О. В. Доржигушаева. — Санкт-Петербург, 2002. — С. 4.

56. Дроздова О. В. Проблема формирования гражданской российской нации в условиях полиэтничности / О. В. Дроздова // Вестник БГУ. — 2009. — Вып. 14. — С. 100–103.

57. Дугарова Р. От Бурятии к Бурят-Монголии. Репрезентации дрейфующей идентичности на переломе столетий / Р. Дугарова // *Debaty Ibi Al: Цивилизационный выбор и пограничье*. — Warszawa, 2011. — Т. IV. — С. 157.

58. Дугарова С. Б. Некоторые аспекты эволюции критериев человеческого потенциала в КНР / С. Б. Дугарова // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации : материалы V Международной научно-практической конференции. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2013. — С. 32–41.

59. Дуринова С. Б. Этническая ментальность в романе Исаи Калашникова «Жестокий век» / С. Б. Дуринова // Найдаковские чтения-2 : материалы научной конференции : в 2 ч. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. — 260 с.

60. Емченко Д. Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Д. Г. Емченко. — Челябинск, 2011. — С. 47.

61. Жанаев А. Концепт «время» в традиционной бурятской культуре и векторы изменений его восприятия в контексте пограничья Евро-Азии / А. Жанаев // *Debaty Artes Liberales: Пограничье Евро-Азии*. — Warszawa, 2013. — С. 130–148.

62. Зандеева С. К. Национальное телевидение как фактор развития этнической идентификации бурят (на материалах Республики Бурятия) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / С. К. Зандеева. — Улан-Удэ, 2014. — С. 13.

63. Зандеева С. К. Тематические и жанровые особенности телепрограмм на бурятском языке в Республике Бурятия / С. К. Зандеева // Вестник Бурятского госуниверситета. — 2014. — Вып. 6 (1). — С. 87–91.

64. Зверев А. Л. Актуализация региональной идентичности в условиях политической трансформации российского общества в постсоветский период: на материалах Республики Бурятия : автореферат диссертации на соискание уче-

ной степени кандидата исторических наук / А. Л. Зверев. — Москва, 2003.

65. Зими́на Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации (на примере Забайкальского края) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Н. С. Зими́на. — Чита, 2012.

66. Иванова Ю. В. Толерантность как традиционное свойство культуры Древнего Китая / Ю. В. Иванова, А. В. Середа // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации : сборник научных трудов : в 2 ч. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — Ч. 2. — С. 77–79.

67. Имихелова С. С. Поэзия национального бытия. О литературе и театре Бурятии: рецензии и статьи 1980-2010 гг. / С. С. Имихелова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 234 с.

68. Имихелова С. С. Поэзия национального бытия. О литературе и театре Бурятии: рецензии и статьи 1980-2010 гг. / С. С. Имихелова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 234 с.

69. Истомина О. Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы, тенденции (региональный аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / О. Б. Истомина. — Улан-Удэ, 2013. — С. 36.

70. Истомина О. Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы, тенденции (региональный аспект) / О. Б. Истомина ; науч. ред. И. И. Осинский. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — 288 с.

71. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — Москва : ГУ ВШЭ, 2000.

72. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. — Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. — 175 с.

73. Кеневич Я. Выбор ценностей и цивилизационная принадлежность: возможность или необходимость / Я. Кеневич // *Debaty Ibi Al.* Цивилизационный выбор и пограничье. — 2011. — Т. IV. — С. 328–338.

74. Кеневич Я. Обстоятельства диалога на пограничье: некоторые размышления / Я. Кеневич // *Debaty IBI AL.* Т. 4. Цивилизационный выбор и пограничье. — Варшава, 2011.

75. Кеневич Я. Человек и судьба: о вероятности гуманистической теории цивилизации / Я. Кеневич // *Человек. Общество. Среда.* — 2010. — № 3 (16). — С. 48.

76. Китов В. В. Музыкально-инструментальное творчество бурят как фактор художественной культуры : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / В. В. Китов. — Улан-Удэ, 2002.

77. Козырева К. С. Туристско-географические особенности трансграничного позиционирования Забайкальского края во Внутренней Азии / К. С. Козырева, А. Н. Новиков // *Перспективы науки.* — 2011. — №8(23). — С. 10–15.

78. Койнас Г. Балканы и Евразия: теория Промежуточного региона / Г. Койнас // *Debaty Artes Liberales.* — Т. 8. Пограничье Евро-Азии. — Варшава, 2013. — 383 с.

79. Коломеец О. П. Экологические аспекты российско-монгольского со-

трудничества в области охраны водных ресурсов / О. П. Коломеец // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сборник научных трудов : в 2 ч. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — Ч. 1. — С.248–251.

80. Колпакова Т. В. Теория устойчивого развития КНР (социально-экономический аспект) / Т. В. Колпакова // Глобальные и региональные проблемы устойчивого развития : материалы международной конференции. — Улан-Удэ, 2010. — С. 61–65.

81. Копцева Н. П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия. [Электронный ресурс] / Н. П. Копцева. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_10989.html (дата обращения: 03. 03. 2015).

82. Криволап А. Медиа-ландшафт Беларуси как модель пограничья / А. Криволап // Перекрестки. — 2006. — №3–4. — С. 180–193.

83. Кузьмин А. В. Туристический бренд как ресурс территориального маркетинга Республики Бурятия / А. В. Кузьмин, Б. Ю. Эрдынеев // Актуальные проблемы социально-экономического развития Российской Федерации: бренд региона : материалы всероссийской научно-практической конференции. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2008. — С. 114–123.

84. Кучинская Т. Н. Социокультурная идентичность в деле консолидации современного китайского общества / Т. Н. Кучинская // Россия — Азия: ценностные установки и социальный опыт : материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 16-19 июня 2011 г.). — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — Вып. 4. — С. 189–192.

85. Кучинская Т. Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования / Т. Н. Кучинская // Современные проблемы науки и образования. — 2011. — № 6. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2011/6/106.pdf> (дата обращения: 01. 02. 15).

86. Лазарева А. А. Некоторые особенности обучения русскому языку учащихся из КНР / А. А. Лазарева // Евразийский фронт. — 2012. — С. 230–234.

87. Леконцева К. В. Поведение потребителей образовательных услуг в условиях трансграничного региона (на материалах Забайкальского края) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / К. В. Леконцева. — Улан-Удэ, 2013.

88. Лепехов С. Ю. Цивилизационная идентичность и самосознание бурятской интеллигенции начала XX в. / С. Ю. Лепехов // Интеллигенция в изменяющемся мире: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития : материалы VIII Международной научной конференции (Байкальская встреча) (Улан-Удэ, 15-18 июня 2010 г.) / отв. ред. И. И. Осинский. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — С. 361–368.

89. Лу Лэй. Взаимодействие национальных культур России и Китая в XX веке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Лу Лэй. — Москва, 2004.

90. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М.

Маклюэн. — Москва : Гиперборей, 2007.

91. Малахова Н. Н. Трансформация представлений о Востоке в западной культуре : автореф.... канд. ист. наук / Н. Н. Малахова. — Ростов-на-Дону, 2005.

92. Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — Изд. 3. — С. 44–45.

93. Мантатов В. В. Концептуальные революции : доклад на конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20» : монография / В. В. Мантатов. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2013. — С. 11–12.

94. Мантатов В. В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития / В. В. Мантатов, Л. В. Мантатова. — Улан-Удэ, 2007. — Гл. IV.

95. Матуева А. Б. Влияние процесса глобализации на создание национальной картины мира в бурятской поэзии / А. Б. Матуева // Евразийский фронт: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе : сборник научных статей. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — С. 183–185.

96. Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии в свете общественного мнения (по материалам прикладных социологических исследований 2005 и 2007 гг.) / Ц. Б. Будаева [и др.]. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. — 127 с.

97. Меркушина Я. С. Особенности культурной идентичности китайцев в условиях политики культурного национализма / Я. С. Меркушина // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации : материалы V Международной научно-практической конференции. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2013. — С. 73–78.

98. Миненков Г. Европейская идентичность как горизонт белорусского воображения / Г. Миненков // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2006. — № 3–4. — С. 22–39.

99. Миненков Г. Европейская идентичность как горизонт белорусского воображения / Г. Миненков // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2006. — № 3–4. — С. 29–30.

100. Миронова Г. А. Фиксация танца в трехмерном пространстве: памятник прима-балерине Бурятии Ларисе Сахьяновой / Г. А. Миронова // Евразийский фронт. — 2012. — С. 225–226.

101. Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. / Н. М. Морозов. — Кемерово : Практика, 2014. — 401 с.

102. Морозова В. С. Трансформация региональной культуры и формирование новой социокультурной идентичности в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР (на примере Забайкальского края / В. С. Морозова // Вестник БГУ. — 2010. — № 6. — С. 95–99.

103. Морохоева З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализации. Перспектива Евро-Азии / З. Морохоева. — Варшава; Киев: Таксон, 2013. — С. 257–258.

104. Морохоева З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализа-

ции. Перспектива Евро-Азии / З. Морохоева. — Варшава; Киев: Таксон, 2013.

105. Морохоева З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализации. Перспектива Евро-Азии / З. Морохоева. — Варшава; Киев : Таксон, 2013. — 332 с.

106. Морохоева З. Пограничье в перспективе Евро-Азии / З. Морохоева ; Debaty Ibi Al. — Т. 4. Цивилизационный выбор и Пограничье / под ред. Я. Кеневича. — Варшава, 2011.

107. Назукина М. В. Граница в дискурсе идентичности региональных сообществ России / М. В. Назукина // Вестник Пермского ун-та. Сер. Политология. — 2007. — № 1. — С. 11–17.

108. Николаева Л. Ю. Образ мира в изобразительном искусстве Бурятии XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Л. Ю. Николаева. — Улан-Удэ, 2000.

109. Орлов А. Д. Этническая идентичность в условиях глобализации / А. Д. Орлов // Социальные и этнические процессы в развитии общества : сборник научных трудов : в 2 ч. — Улан-Удэ, 2013. — Ч. 1. — С. 39–42.

110. Панарин А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. — Москва : Эксмо, 2003. — С. 406–408.

111. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) / А. С. Панарин. — Москва : ИФРАН, 1994. — 262 с.

112. Панченко А. Б. Этническая проблематика в евразийском дискурсе: 1920-1990-е гг. : автореф.... канд. ист. наук / А. Б. Панченко. — Сургут, 2011.

113. Пашенко В. Я. Идеология евразийства / В. Я. Пашенко. — Москва : Изд-во МГУ, 2000.

114. Перцовская Р. Ф. Динамика художественной коммуникации в современной культуре: на примере музыки : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Р. Ф. Перцовская. — Москва, 2003.

115. Попков Ю. В. Цивилизационная идентичность Монголии в контексте дихотомии «Восток — Запад» [Электронный ресурс] / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_12/4189-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 22. 03. 2015).

116. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. — Москва : Ваклер, 2002. — С. 178.

117. Пунсалмаагийн Очирбат. Образование для устойчивого развития Монголии / Пунсалмаагийн Очирбат // Экологическая этика и образование для устойчивого развития : материалы Байкальской международной конференции ЮНЕСКО. — Улан-Удэ, 2006. — С. 16–19.

118. Раднаев Б. Л. Географическая концепция социально-экономического развития Байкальского трансграничья / Б. Л. Раднаев, А. С. Михеева // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Естественные науки. — 2012. — № 1 (42). — С. 136–150.

119. Рашковский Е. Б. Религиозная сфера и интеллектуальные ресурсы глобального человеческого развития / Е. Б. Рашковский // Глобализация и столкновение идентичностей. — Москва, 2003. — С. 284–300.

120. Рожков И. Я. Технологии брендинга в сознании бренд-имиджа ре-

гиона / И. Я. Рожков // Актуальные проблемы социально-экономического развития Российской Федерации: бренд региона : материалы всероссийской научно-практической конференции. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2008. — С. 13.

121. Розов Н. С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе / Н. С. Розов // Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия — Китай — Монголия : материалы международной научно-практической конференции (16–20 окт. 2006 г.). — С. 109–113. URL: www.nsu.ru/filf/roзов (дата обращения: 10. 02. 15)

122. Розов Н. С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе / Н. С. Розов // Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия—Китай—Монголия : материалы международной научно-практической конференции (16–20 окт. 2006 г.). — С. 109–113. URL: www.nsu.ru/filf/roзов (дата обращения: 10. 02. 15).

123. Семенов С. И. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры / С. И. Семенов // Общественные науки и современность. — 1994. — № 2. — С. 159, 160;

124. Семенов С. И. Традиции и инновации в развитии современных пограничных цивилизаций / С. И. Семенов. — Москва, 2005.

125. Сергеев Д. В. Постмодернистская модель в осмыслении понятий *Пограничье, Трансграничье, Лимитрофа* / Д. В. Сергеев // Философия и будущее цивилизации : тезисы докладов и выступлений IV Российского филос. конгресса. — Т. 4. — Москва : Современные тетради, 2005.

126. Соломеина Ю. Н. Поликультурное пространство Трехречья как результат миграционных процессов / Ю. Н. Соломеина // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации : материалы V Международной научно-практической конференции. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2013. — С. 98–104.

127. Спирина М. Ю. Евразийская интеграция: наука, образование, искусство / М. Ю. Спирина // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Барнаул, 25–26 июня 2012 г.) : в 2 т. / под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова. — Барнаул : Си-пресс, 2012. — Т. 1. — 295 с.

128. Суходолов А. П. Модернизация экономики региона 106 / А. П. Суходолов. Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru> 2010. № 4

129. Татарова С. П. Факторы, влияющие на формирование толерантного поведения в обществе / С. П. Татарова // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации : сборник научных трудов : в 2 ч. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — Ч. 2. — С. 80–83.

130. Толковый словарь / Д. Н. Ушаков. URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/ushakov/limitrof> (дата обращения: 10. 02. 15)

131. Томских А. А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук / А. А. Томских. — Пермь, 2013.

132. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — Москва : АСТ, 2004.

133. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма: монография / науч. ред. П. Я. Бакланов, М. Ю. Шинковский. — Владивосток : Дальнаука, 2010. — 276 с.

134. Трубицын Д. В. Трансграничье как объект культурологического исследования: методологический обзор / Д. В. Трубицын // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2(26). — С. 130–137.

135. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России / Р. Ф. Туровский. — Москва : Гендальф, 1999. — С. 10.

136. Тыхеева Ю. Ц. Глобализация и проблемы евразийского мира / Ю. Ц. Тыхеева // Евразийский фронтир: концепт «национальное» в русском, монгольском, китайском и бурятских языках и литературах : сборник научных статей. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — С. 17.

137. Урбанаева И. С. Буддийский вектор цивилизационного пограничья / И. С. Урбанаева // *Debaty Artes Liberales*. — 2012. — Т. VI. — С. 122–156.

138. Фань С. Репрезентация китайской культуры в русскоязычном вещании «Международного радио Китая» / С. Фань // Медиа в современном мире. Молодые исследователи : материалы 14-й международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (11–13 марта 2015 г.) / под ред. М. А. Бережной; сост. А. Н. Марченко. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. — С. 306–308.

139. Фоломеева-Вдовина С. Б. Самоидентичность пространства как культурно-исторический и геополитический феномен (на примере Республики Бурятия) / С. Б. Фоломеева-Вдовина // Муниципальная социальная политики и общественность: реалии и перспективы : материалы международной научно-практической конференции. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. — 162–165.

140. Фурс В. Н. Критическая социальная теория / В. Н. Фурс // Глобалистика : энциклопедия «Диалог». — Москва : Радуга, 2003. — С. 490.

141. Хабудаева В. А. Традиционные социокультурные национальные ценности бурятской молодежи в условиях трансформации российского общества (на материалах Республики Бурятия) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / В. А. Хабудаева. — Улан-Удэ, 2013. — С. 18.

142. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. — Изд. 2, испр. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — 450 с.

143. Халина Н. В. Периодизация евразийства. Евразийство в XXI в. : прагматическое евразийство / Н. В. Халина // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции (с междунар. участием) (Барнаул, 25–26 июня 2012 г.) : в 2 т. / под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова. — Барнаул: Си-пресс, 2012. — Т. 1. — С. 175.

144. Халхарова Л. Ц. Типы этнической идентичности в художественном творчестве бурят Монголии / Л. Ц. Халхарова // Россия — Азия: ценностные установки и социальный опыт: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 16–19 июня 2011 г.). — Улан-Удэ, 2011. — С. 71–74.

145. Ханхунова М. Роль СМИ в формировании этнических стереотипов /

М.Ханхунова // Публичность социальной сферы: проблемы и перспективы формирования в современной Бурятии : материалы региональной конференции. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — С. 64–68.

146. Ханхунова М. Этническая идентичность в региональном информационно-коммуникационном пространстве (на примере Республики Бурятия) / М. Ханхунова // *Debaty Ibi AL: Цивилизационный выбор и пограничье*. — Warszawa, 2011. — С. 169–181.

147. Ханхунова М. Этническая идентичность в региональном информационно-коммуникационном пространстве (на примере Республики Бурятия) / М. Ханхунова // *Debaty Ibi AL: Цивилизационный выбор и пограничье* / под ред. Я. Кеневич. — Warszawa, 2011. — Т. IV. — С. 169–181.

148. Харитонович С. Выстраивание Пограничья: анализ трансформационных импульсов / С. Харитонович // *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья*. — 2007. — № 1–2. — С. 143–156.

149. Хилханов Д. Л. Этническая идентичность: роль хозяйственно-экономических и культурно-языковых факторов : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Д. Л. Хилханов. — Улан-Удэ, 2007. — С. 19.

150. Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: специальное издание для СССР / А. С. Хорнби. — Т. 1. — С. 347.

151. Хышиктуев О. В. Особенности правового регулирования статуса озера Байкал как водного объекта в международном праве / О. В. Хышиктуев // *Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве : материалы международной научно-практической конференции*. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. — С. 33–36.

152. Цымбурский В. Л. Россия: линии разлома / В. Л. Цымбурский. URL: <http://anti-glob. narod. ru/st/stzymb. htm> (дата обращения: 10.02.15).

153. Цыпышева Н. В. Самобытность и особенности менталитета жителей Республики Бурятия / Н. В. Цыпышева, Е. В. Молева // *Народы Сибири в составе Российского государства: история и современность : материалы региональной научно-практической молодежной конференции*. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2015. — С. 83–88.

154. Цыренова Т. Б. О политических основах взаимодействия России и Монголии в области охраны и использования водных ресурсов / Т. Б. Цыренова // *Вестник Бурятского госуниверситета*. — 2012. — Вып. 6. — С. 204–207.

155. Чебунин А. В. Диалог Запад — Восток: культурный и цивилизационный разрез / А. В. Чебунин // *Байкальские встречи — VIII: историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития : материалы международной научно-практической конференции*. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2014. — С. 370–375.

156. Черкашина Т. Ю. Трансграничные отношения сибирских регионов: методолого-методические подходы к изучению / Т. Ю. Черкашина, Т. Ю. Богомолова // *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Барнаул, 25-26 июня 2012 г.) : в 2 т. / под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова*. — Барнаул: Си-пресс, 2012. — Т. 1. — 295 с.

157. Чжан Личжэнь. Современная китайская опера: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Чжан Личжэнь — Санкт-Петербург, 2010.

158. Шауэт Гульфайруз. Фортепианная музыка Монголии второй половины XX века: композитор, инструмент, жанр : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Шауэт Гульфайруз. — Санкт-Петербург, 2011.

159. Шматко Н. А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов. — Москва : Социс, 1998. — С. 18.

160. Шпарага О. Как и зачем концептуализировать Беларусь / О. Шпарага // Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2004. — № 1–2.

161. Явловский А. Для чего социологу микроистория? Вклад в биографические исследования районов пограничья / А. Явловский // *Debaty Artes Liberales: Пограничье культур — культуры пограничья*. — Warszawa, 2012. — Т. VI. — С. 199–214.

162. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы / И. Г. Яковенко. — Новосибирск, 1999.

163. Янгутов Л. Е. Принципы единства и гармонии в философской традиции Китая / Л. Е. Янгутов // *Экологоическая этика и образование для устойчивого развития*. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2006. — С. 285–290.

164. Ярошенко А. В. Проблемные пути концептуализации трансграничья / А. В. Ярошенко // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. — 2012. — № 152.

165. Ятчук О. М. Интерактивные программы в национальном телеконтенте: новые векторы исследования / О. М. Ятчук // *Медиа в современном мире. Молодые исследователи : материалы 14-й международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (11–13 марта 2015 г.)* / под ред. М. А. Бережной ; сост. А. Н. Марченко. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. — С. 311–314.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Методология изучения евразийского трансграничья	6
1.1. Европа и Азия, Восток—Запад в междивизиональном диалоге	6
1.1.1. Актуальность идеологии евразийства в современном контексте	6
1.1.2. О предпосылках междивизионального диалога	15
1.1.3. Междивизиональный диалог: реалии и перспективы ..	33
1.2. Трансгранижье в междисциплинарных исследованиях	47
1.2.1. О понятиях «граница» и «пограничье»	47
1.2.2. Граница и трансграничный регион	59
1.2.3. Евразийский фронтир в контексте проблематики восточного трансграничья	71
Глава 2. Байкальский регион — территория евразийского фронта	86
2.1. Проблемы глобализирующейся евразийской цивилизации ...	86
2.1.1. Проблема трансграничной идентичности	86
2.1.2. Роль образования в диалоге Востока и Запада и формирование поликультурной личности евразийского фронта	115
2.1.3. Байкальский регион как модельная территория устойчивого развития	137
2.2. Социальные коммуникации евразийского фронта	152
2.2.1. Особенности фронтального медиапространства и массовой коммуникации	152
2.2.2. Художественная коммуникация как форма межкультурного диалога Европы и Азии	169
2.2.3. Особенности межкультурной коммуникации Байкальского региона: герменевтический взгляд	193
Заключение	220
Литература	222

Научное издание

Ирина Сергеевна Болдонова

**Евразийский фронтир в диалоге культур
Востока и Запада**

Редактор З. З. Арданова
Компьютерная верстка Л. П. Бабкиновой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 года

Подписано в печать 30.08.16. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 13,7. Уч.- изд. л. 11,35. Тираж 56. Заказ № 183.
Цена договорная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а